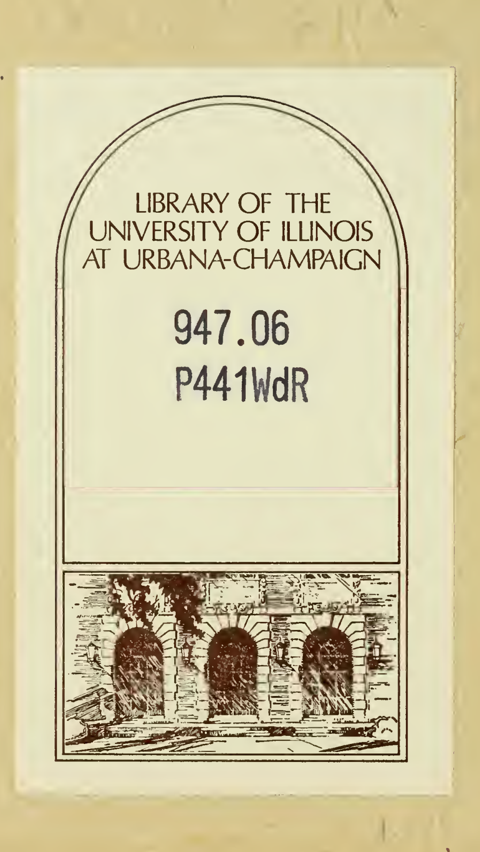

947.06
P441WdR

ПЕТРЪ II
И
АННА
ІОАННОВНА
В·ЗАХАРОВ·СЛАВЪ.

5 коп.

Изъ записокъ князя П. В. Долгорукова.

ВРЕМЯ

Императора Петра II

и

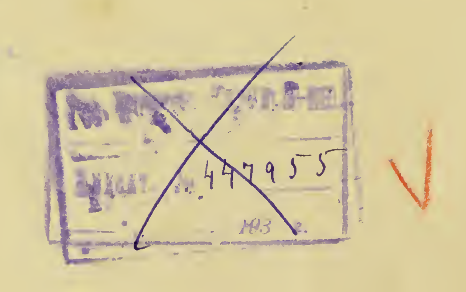
ИМПЕРАТРИЦЫ

Анны Іоанновны.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С. М.

Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНІЕ“.

МОСКВА.
Типографія Русскаго Товарищества. Мыльниковъ пер., соб. д. Тел. № 18-35.
1909.

Предисловіе.

Записки князя Петра Владиміровича Долгорукова (1816—68 гг.) не принадлежатъ къ обычному типу мемуаровъ, гдѣ авторъ записываетъ, какъ можетъ и умѣетъ, все, чему свидѣтелемъ пришлось ему быть. Свои записки князь П. В. Долгоруковъ начинаетъ очень издалека, со временъ, предшествовавшихъ Петру Великому, заботливо собирая генеалогическія данныя о родахъ русскаго дворянства, бытовыя сцены и черточки, свидѣтельства о крупныхъ и важныхъ событіяхъ. На ряду съ литературными данными, онъ широко пользовался, какъ самъ говоритъ въ началѣ своего труда, разсказами и воспоминаніями сѣдыхъ стариковъ, бывшихъ очевидцами или даже участниками событій. Въ этомъ послѣднемъ—главная цѣнность и интересъ записокъ Долгорукова, въ нихъ все же есть кое-что «современнаго» событіямъ, разы-

гравшимся задолго до рожденія автора записокъ, и эта сторона ихъ пусть послужитъ оправданіемъ появленія ихъ въ печати.

Но есть стороны, которыя дѣлаютъ записки довольно-таки мутнымъ источникомъ. Князь П. В. Долгоруковъ—эмигрантъ [1]), одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые съ болью сердечной уходили съ родины, не вынося желѣзнаго гнета печальныхъ обстоятельствъ родной дѣйствительности. У такихъ изгнанниковъ чувство горячей любви къ родинѣ всегда обостряется тяжелой, подчасъ мелочной и придирчивой, и почти всегда злобной критикой того на родинѣ, что заставило ихъ покинутъ ее. И князь П. В. Долгоруковъ не скупится въ своихъ запискахъ на рѣзкія словечки и выходки противъ сильныхъ міра сего, противъ дворянства, самодержавнаго строя, стараясь иногда совсѣмъ не кстати и неумѣстно кольнуть своихъ враговъ; ему ничего не стоитъ, повѣствуя о временахъ императрицы Анны, сдѣлать экскурсъ въ область своихъ личныхъ обидъ, и разсказать, какъ ему не поклонился тотъ или иной петербургскій знакомый, какъ его избѣгалъ Тургеневъ и бывалъ не ласковъ съ нимъ тотъ или иной соотечественникъ, встрѣтившійся съ нимъ въ Швейцаріи. Эти сердитыя выходки порой смѣшны, порой досадны, но всегда излишни, и въ настоящемъ переводѣ, обнимающемъ лишь часть записокъ, выкинуты совсѣмъ; смягчены нѣкоторыя неудобныя въ печати выраженія, опущены лишнія, общеизвѣстныя, самимъ княземъ почерпнутыя изъ литературы, подробности. «И въ частныхъ разговорахъ и въ печати,--говоритъ проф. Д. А. Корсаковъ,---случается встрѣчаться съ незаслуженными, пренебрежительными отзывами объ этой книгѣ. Правда, авторъ позволяетъ себѣ иногда высказывать рѣзкія и не всегда основательныя сужденія; но при сличеніи его книги съ архивными документами и изданными источниками и монографіями, несомнѣнно приходишь къ заключенію, что князь Долгоруковъ пользовался какъ тѣми, такъ и другими весьма добросовѣстно съ фактической стороны. Отсутствіе цитатъ придаетъ видъ недостовѣрности книгѣ и вводитъ невольно въ сомнѣніе читателя, мало знакомаго съ источниками исторіи Россіи XVIII в. Преданія и анекдоты, конечно, лежатъ на отвѣтственности автора, но имъ никогда по самой

---

[1]) Онъ покинулъ Россію въ 1859 г. Не отвѣтилъ на приглашеніе правительства вернуться и былъ за это лишенъ всѣхъ правъ состоянія и признанъ изгнаннымъ изъ Россіи.

сущности ихъ нельзя придавать безусловной достовѣрности; а какъ дополненіе, какъ иллюстрація нравовъ эпохи, и преданія и анекдоты имѣютъ несомнѣнную важность для историка».

Для перевода выбраны страницы, повѣствующія объ императорѣ Петрѣ II и императрицѣ Аннѣ; изъ другихъ частей записокъ взяты кое-какія подробности бытового свойства, освѣщающія главный разсказъ. Бѣдность русской исторической литературы какъ разъ объ этой эпохѣ сказала свое вѣское слово за выборъ именно этихъ главъ.

Для разсказа о послѣднихъ дняхъ императрицы Анны редактору пришлось воспользоваться вмѣсто текста записокъ изложеніемъ въ новѣйшей сводной работѣ, посвященной этой эпохѣ, а именно соотвѣтствуюшими страницами изъ книги К. Валишевскаго «Наслѣдіе Петра Великаго». Эти страницы, по типу и характеру вполнѣ подходящія къ запискамъ, прекрасно дополняютъ ихъ пробѣлы и даютъ цѣльный законченный характеръ переводу. Редакторъ и переводчикъ по возможности свѣрили текстъ записокъ съ данными исторической литературы и внесли нѣкоторыя поправки тамъ, гдѣ авторъ допустилъ явныя ошибки или недосмотръ. Поправки эти не вездѣ оговорены. Вѣроятно, кое-какія ошибки второстепеннаго свойства остались въ текстѣ, благодаря нѣкоторой спѣшности работы. Просимъ заранѣе извинить эти промахи.

Въ теченіе моего полустолѣтняго существованія мнѣ приходилось сталкиваться съ людьми самаго разнообразнаго общественнаго положенія, очень высокаго и очень скромнаго. Приходилось прислушиваться къ мнѣніямъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Я хочу записать все, что я видѣлъ, слышалъ отъ другихъ и узналъ, съ полной искренностью и откровенностью. Неоцѣнимое право писать правду я купилъ моимъ добровольнымъ изгнаніемъ, рядомъ тяжелыхъ испытаній и непріятностей со стороны тѣхъ, кто хотѣлъ бы заставить меня молчать...

Мемуары и записки содержатъ обыкновенно личныя воспоминанія пишущаго; я избралъ рамки болѣе широкія и хочу сказать почему. Мои личныя воспоминанія будутъ также записаны, но записки мои, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ интимной хроникой Русскаго двора и главныхъ семействъ и лицъ, причастныхъ къ исторіи послѣднихъ десяти царствованій· Петра II, Анны Іоанновны, Іоанна Антоновича, Елизаветы, Петра III, Екатерины II, Павла, Александра I, Николая и Александра II,—отъ 1727 г. до нашихъ дней [1]).

[1]) *Прим. пер.* Автору не удалось довести свой планъ до конца: Записки его заканчиваются царствованіемъ императрицы Екатерины II. Въ этой книгѣ нами выбрано лишь то, что относится къ царствованіямъ Петра II и Анны Іоанновны.

Я зналъ очень много стариковъ, всегда старался вызвать ихъ на разговоръ о прошломъ и тщательно записывалъ ихъ разсказы.

Воспоминанія ихъ касались далекаго прошлаго и часто основывались на воспоминаніяхъ другихъ стариковъ, жившихъ еще раньше, которыхъ они знали въ своей ранней молодости. Я жилъ и въ русскихъ столицахъ и въ губернскихъ городахъ, жилъ и въ деревнѣ; былъ въ ссылкѣ, теперь объявленъ изгнаннымъ изъ Россіи. Мнѣ приходилось говорить съ лицами всѣхъ общественныхъ положеній, съ людьми государственными, вліявшими на ходъ историческихъ событій, и съ простыми крестьянами.

Мнѣ удалось собрать о Россіи XVIII вѣка подробности еще неизданныя, но полныя интереса и значенія. Вотъ почему я начинаю мои записки съ эпохи, почти на столѣтіе предшествовавшей дню моего рожденія.

ГЛАВА I.

Состояніе Россіи послѣ смерти Петра Великаго.

Со смертью Петра I громадная энергія, двигавшая все,—угасла. Дѣятельность, подчасъ лихорадочная, но всегда разумная, прекратилась совершенно. Въ 1728 году Россія, казалось, была погружена въ глубокій сонъ. Только при дворѣ шла борьба враждовавшихъ партій.

Петръ, дико жестокій въ минуты гнѣва, необузданный во всемъ, былъ полонъ пороковъ. Въ душѣ его не было ничего святого, кромѣ великой цѣли, которой онъ отдалъ всю свою могучую жизнь,—цѣли обратить Россію въ культурное государство. Каковы бы ни были его недостатки, для беспристрастнаго историческаго суда, они покрыты великимъ дѣломъ, осуществленнымъ его геніемъ: безъ Петра мы были бы до сихъ поръ темными варварами, азіатами...

Петръ умеръ рано (52 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ) и именно тогда, когда, покончивъ со Швеціей, готовился двинуться на Турцію. Проживи онъ еще лѣтъ пятнадцать, очень вѣроятно, что столица Россіи была бы перенесена на берега Босфора. Это измѣнило бы все будущее нашей родины, облегчило бы работу внутренняго устроенія и внѣшней политики и избавило бы насъ отъ тяжелой необходимости влачить

за собой несчастную обузу Польши, которая тормозитъ наше политическое развитіе и стоитъ какъ стѣна между Россіей и прогрессомъ.

Реакція была безсильна по отношенію къ реформамъ перваго русскаго императора: онѣ были такъ жизненны и радикальны, пустили такіе глубокіе корни, что не могли быть уничтожены. Реакція могла только задержать ихъ развитіе, парализовать его, даже, на нѣкоторое время, но и только.

Преобразованія захватили всѣ слои общества, всѣми чувствовалось навалившееся иго, болѣе тяжелое, чѣмъ когда бы то ни было. Мы можемъ сказать, что не дешево купили свою цивилизацію: отошедшимъ поколѣніямъ пришлось много выстрадать для счастья послѣдующихъ.

Положеніе крестьянъ было ужасное. Въ XVI и XVII вв. еще не смѣшивали крѣпостныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, съ холопами,— т.-е. военноплѣнными и тѣми несчастными, которые, благодаря задолженности, или добровольно, по нищетѣ, дѣлались рабами, на время, пожизненно или наслѣдственно и которыхъ кабала превращала въ вещь, въ предметъ торговли по произволу.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича выясняло различіе этихъ двухъ несчастныхъ сословій. Но Петръ I, намѣреваясь преобразовать земельную подать въ подушную и ввести воинскую повинность, повелѣлъ произвести въ 1722 г., впервые въ Россіи, всеобщую перепись, въ спискахъ которыхъ, крѣпостные и холопы оказались смѣшанными и, такимъ образомъ, и крѣпостные обратились въ холоповъ: владѣльцы ихъ стали ихъ продавать подушно. Эта торговля людьми была узаконена при Биронѣ: сенату было предписано обложить продажу людей такимъ же налогомъ, какимъ облагалась продажа всякой другой собственности.

То, что терпѣли крестьяне и дворовые, было невообразимо. Дворянинъ помѣщикъ, которому могли отрѣзать языкъ, уши, вырвать ноздри, подлежавшій самъ наказанію кнутомъ, не стѣснялся, разумѣется, съ людьми, находившимися въ полной его зависимости. Нравственное чувство не существовало вовсе, а примѣръ, подаваемый правительствомъ, развращалъ еще больше.

Долготерпѣніе въ страданіи, то, что въ древности называлось стоицизмомъ, лежитъ въ характерѣ русскаго человѣка и, можетъ быть, въ бо́льшей степени, чѣмъ это желательно для чувства національнаго достоинства. Русскій способенъ вынести безконечно много, страдать долго безъ жалобы и ропота, но когда настаетъ реакція, естественная и законная, онъ закусываетъ удила и обуздать его почти

невозможно. Крѣпостной, закономъ лишенный собственности, всегда неувѣренный въ возможности сохранить, а тѣмъ менѣе передать дѣтямъ, плоды своего труда — возненавидѣлъ самую работу. Иго рабства вліяло на народъ различно. Натуры слабыя, апатичныя опускались, впадали въ уныніе, спивались и въ водкѣ топили свое горе. Сильные возставали противъ порядка, который ихъ давилъ, бѣжали: одни обращались въ бродягъ и воровъ, другіе искали убѣжища у сектантовъ, въ темныхъ лѣсахъ, далекихъ степяхъ. Тамъ они находили пріютъ, пищу и возможность укрыться отъ розыска, и такъ сильно затрудненнаго, въ обширной и мало населенной странѣ. Нѣкоторые, наконецъ, самые предпріимчивые, объявляли открытую войну обществу, лишившему ихъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ. Они собирались въ шайки и, вооруженные топорами и ножами, разбойничали, преимущественно по большимъ рѣкамъ Окѣ, Волгѣ, Дону, Днѣпру. Шайки, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, захватывали барскія усадьбы, жгли деревни, звѣрски истязали жителей. Вооруженные разбойничьи суда двигались безпрестанно по большимъ рѣкамъ. При встрѣчѣ съ торговымъ или инымъ судномъ, разбойники, съ крикомъ «Сарынь на кичку!», преграждали ему путь. При этомъ грозномъ крикѣ, всѣ на остановленномъ суднѣ бросались на-земь и лежали ничкомъ, пока шелъ грабежъ. Того, кто осмѣливался поднять голову, убивали немедленно.

Императоръ Павелъ уничтожилъ, впослѣдствіи, рѣчной разбой очень своеобразнымъ способомъ: онъ отдалъ приказъ, чтобы всякое судно, сдавшееся разбойникамъ, или только ограбленное ими,—было конфисковано. Дворяне, находившіеся на немъ, лишались дворянства, не дворяне—наказывались кнутомъ и ссылались въ Сибирь. Разбой прекратился въ нѣсколько лѣтъ, и грозный крикъ «Сарынь на кичку» отошелъ въ область исторіи.

Я упомянулъ о сектантахъ. Этотъ многочисленный классъ населенія, обязанный своимъ происхожденіемъ религіозному расколу, выросъ и окрѣпъ благодаря крѣпостному праву. Главная сила раскольниковъ заключалась въ ихъ открытой враждѣ къ грубому правительству и нечестной власти. Всякій, возставшій противъ господствующаго порядка, дѣлался его врагомъ, а врагъ господствующаго порядка былъ естественный и желанный союзникъ сектантовъ: онъ находилъ у нихъ пріютъ, пищу и покровительство. Бѣжавшіе отъ воинской повинности, бѣглые крѣпостные, спасающіеся отъ жестокости помѣщиковъ, воры, убійцы,—всѣ находили убѣжище у раскольниковъ, на одномъ лишь условіи: не нарушать, внѣшне по крайней мѣрѣ, ихъ

обрядности. Долгія преслѣдованія и постоянная борьба воспитали въ нихъ гражданское мужество, самообладаніе и здравый смыслъ. Они поняли, что деньги—сила, что безъ нихъ нѣтъ свободы, и это убѣжденіе сдѣлало ихъ трудолюбивыми, разсчетливыми и воздержанными. Чтобы умѣть при случаѣ повести споръ съ православнымъ, поразить его знаніемъ св. Писанія, сектантъ долженъ былъ, во что бы то ни стало научиться грамотѣ и это стало его большимъ преимуществомъ передъ темной массой. Тогда какъ крѣпостной, лишенный собственности, не заботился о пріобрѣтеніи и пропивалъ послѣдніе гроши—раскольникъ работалъ, торговалъ, копилъ, богатѣлъ, подкупалъ жадныхъ подъячихъ и достигалъ почти независимаго положенія. Посколько выраженіе «независимость» можетъ быть умѣстно при существованіи въ странѣ произвола, гдѣ всѣ слои населенія живутъ въ рабствѣ.

Представьте теперь себѣ рядомъ съ сектантами невѣжественное православное духовенство, бо́льшая часть котораго, особенно въ деревняхъ, была безграмотна, не знало хорошенько даже службы, обѣдню служило, какъ попало, путая и перевирая молитвы. Суевѣрное, пьяное, оно не было, разумѣется, въ состояніи бороться съ сектантствомъ словомъ и убѣжденіемъ, не прибѣгая къ силѣ. Суевѣріе и невѣжество духовенства доходило до того, что въ большихъ городахъ священники, зажиточные и вліятельные, серьезно разсказывали, что Петръ умеръ за границей, во время своего перваго путешествія, въ 1697 г., и что въ Россію, подъ видомъ его, вернулся антихристъ... Что къ фельдмаршалу Брюсу каждую ночь приходилъ чортъ, ужиналъ съ нимъ, и что Брюсъ не можетъ говорить съ монахомъ праведной жизни, безъ того чтобы у него изо рта не выходило синее пламя...

Петру I приходилось за немногими исключеніями назначать епископами и архимандритами большихъ монастырей бывшихъ воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи, по большей части малороссовъ. Большая заслуга Өеофана Прокоповича лежитъ въ его стремленіи упорядочить дѣло образованія молодого духовенства. Но возможно ли было требовать независимости и даже простого чувства собственнаго достоинства отъ духовенства, подчиненнаго всецѣло власти митрополитовъ, въ свою очередь подвластныхъ всесильному правительству. Архимандриты сѣкли монаховъ, митрополиты пороли и священниковъ и архимандритовъ. Правительство не останавливалось передъ разстриженіемъ ссылкой, пыткой и даже наказаніемъ кнутомъ епископа и архіепископа. Это былъ батальонъ въ рясахъ.

Духовенство, особенно черное, владѣло огромными имуществами. Монастырямъ принадлежало болѣе девяти сотъ тысячъ душъ, изъ которыхъ десятая часть (92.450 душъ, согласно записи 1742 г.) составляла собственность Троице-Сергіевской Лавры. Послѣдней были подвластны четырнадцать малыхъ монастырей, владѣвшихъ 12,500 душами. Если причислить сюда еще всѣ мельницы, заливные луга, огромные лѣса, принадлежавшіе монастырямъ—цифра получится громадная. Монахи жили въ довольствѣ и изобиліи, ѣли жирно, копили и богатѣли. Настоятели монастырей и архимандриты плавали въ роскоши. Извѣстный своимъ краснорѣчіемъ проповѣдникъ, Гедеонъ Криновскій, архимандритъ Троице-Сергіевской Лавры и позже архіепископъ Псковской, носилъ на башмакахъ брилліантовыя пряжки.

Право управленія духовными имуществами было отнято у духовенства Петромъ I, и вновь ему возвращено, послѣ смерти этого государя. При Петрѣ III, въ 1762 г. мѣра Петра I была примѣнена вторично, а въ 1764 г. послѣдовалъ указъ императрицы Екатерины II объ отчужденіи духовныхъ имуществъ.

Нравы духовенства были дикіе. Въ странѣ, гдѣ князья, графы, кавалеры высшихъ орденовъ и даже кавалерственныя дамы могли быть наказаны кнутомъ—и духовенство было подчинено общему правилу. Не говоря о Тайной канцеляріи и ея пыткахъ, простой доносъ подвергалъ священника и монаха самому постыдному униженію, по произволу архимандрита или епископа. Часто священника, едва успѣвшаго дослужить обѣдню и совершить таинство св. Причастія, тащили на конюшню архіерейскаго двора и сѣкли «нещадно». Самые умные и образованные изъ архіепископовъ — оказывались часто самыми жестокими. Таковы были, напримѣръ, Амвросій Каменскій митрополитъ Московскій и Арсеній Мацеевичъ—Ростовскій.

Такое унизительное положеніе стало, разумѣется, причиной полнаго развращенія духовенства. Въ одной разбойничьей шайкѣ, захваченной въ царствованіе императрицы Екатерины II, на восемьдесятъ шесть разбойниковъ, оказалось три священника, одинъ діаконъ и три дьячка.

Метрическія книги были введены лишь при Екатеринѣ II, а до тѣхъ поръ священники вѣнчали кого угодно за цѣлковый или ведро водки, и двоеженство и троеженство были довольно обычнымъ явленіемъ.

Купечество стонало подъ игомъ произвола безправной и капризной власти, откупалось взятками, сколько могло, отъ жадныхъ до безстыдства подъячихъ. Разбогатѣвшіе купцы спѣшили записывать

своихъ сыновей на службу, чтобы добиться для нихъ званія дворянина, ставшаго доступнымъ. Никакой независимостью купечество не пользовалось—однѣ взятки могли его оградить отъ произвола. Поневолѣ, купецъ стремился прежде всего нажиться и въ способахъ не стѣснялся. О коммерческомъ кредитѣ и доброй репутаціи никому не приходило въ голову заботиться, да и было не до того. Сверху давило рабство, снизу царилъ обманъ, мошенничество совмѣщалось съ самымъ высокимъ положеніемъ; что же удивительнаго, что и купцы были по большей части мошенники. Дворянству жилось не лучше. Положеніе его было унизительно до ужаса. Монгольское иго оставило глубокій слѣдъ. Оно не только видоизмѣнило и расшатало политическій и общественный строй Россіи, но и развратило нравы нашихъ предковъ.

До нашествія татаръ, въ XIII вѣкѣ, тѣлесныя наказанія не были въ такомъ ходу, — слово «кнутъ» было неизвѣстно. Запираніе женщинъ въ терему не было въ обычаѣ, — онѣ свободно выходили изъ дому и принимали гостей. Наконецъ до XIII вѣка всѣ были равны: сословій не было. Кромѣ удѣльныхъ князей, почти исключительно Рюриковичей, — не было ни титуловъ, ни наслѣдственныхъ должностей, не было и дворянскаго сословія; была своего рода аристократія, свободно мѣняющаяся, среди которой было мѣсто всякому кто сумѣлъ выдѣлиться изъ своей среды умомъ ли и способностями, или богатствомъ и связями. Иногда положеніе боярина, воеводы, посадника становилось наслѣдственнымъ, не по праву, а по обычаю, но семьи эти не пользовались никакими особыми преимуществами и не составляли сословія; члены ихъ были обязаны своимъ положеніемъ только своимъ личнымъ заслугамъ, богатству, иногда счастливому стеченію обстоятельствъ.

Монгольское иго создало рабство. Рабство повлекло за собой необходимость учредить цѣлую іерархію, давящую и притѣсняющую. Иванъ III,—съ огромнымъ талантомъ и небывалой жестокостью продолжавшій дѣло объединенія Россіи, начатое еще его предками, князьями Московскими,—создалъ во второй половинѣ XV вѣка сословіе служилыхъ людей, которымъ были розданы земли, съ обязательствомъ, въ случаѣ войны представлять опредѣленное число воиновъ, большее или меньшее, въ зависимости отъ количества, полученной земли. Изъ этого служилаго сословія, создалось русское дворянство.

Рюриковичи, лишенные своихъ удѣловъ и своего положенія, сохраняли до временъ Іоанна Грознаго извѣстную долю вліянія. Гроз-

Императрица Анна Іоанновна.

Портретъ находится въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

І.

Худож. фототип. К. А. Фишера.

ный,—деспотъ и извергъ, но человѣкъ громаднаго ума,—велѣлъ составить родословныя книги, въ которыхъ рядомъ съ именами Рюриковичей и Гедиминовичей были записаны имена и другихъ, неродовитыхъ, но находившихся въ царской милости бояръ. Сливъ такимъ образомъ Рюриковичей съ другими боярскими родами и создавъ мѣстничество не по родовитости, а по «отечеству», т.-е. въ зависимости отъ должностей, которыя занимали отецъ и дѣдъ даннаго лица, Іоаннъ Грозный достигъ двухъ цѣлей: онъ окончательно уничтожилъ значеніе потомковъ удѣльныхъ князей и, въ средѣ привилегированныхъ рабовъ, создалъ ядро, еще болѣе привилегированныхъ. Эти привилегированные изъ привилегированныхъ никакъ не могутъ быть названы аристократіей. Отличительная черта всякой аристократіи лежитъ, прежде всего, въ ея личной независимости, людей же обреченныхъ на пожизненное служебное тягло, публично подвергавшихся тѣлеснымъ наказаніямъ, битыхъ кнутомъ, назвать аристократіей невозможно [1]).

Въ 1682 г. при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, московское правительство уничтожило различіе между боярскими родами, внесенными въ списки оффиціальнаго «родословца» и другими, не внесенными. Образованной для этого «родословныхъ дѣлъ палатѣ» было повелѣно руководствоваться «родословцемъ» и частными родословными росписями, которыя должны были доставить представители служилыхъ родовъ. Результатомъ работы «родословныхъ дѣлъ палаты» была «Бархатная книга» [2]), въ списки которой вошли Рюриковичи, Гедиминовичи и «иные честные роды, бывшіе въ боярахъ, въ окольничихъ и думныхъ дворянахъ». Указами 1686 и 87 г.г. Списки Родословной книги были обновлены и пополнены новыми родами. Эти мудрыя мѣры царя Ѳедора, значительно облегчили задачу его брату,

---

[1]) Авторъ записокъ слишкомъ рѣзко относится къ русскому княжому боярству XVI и XVII вв. Не говоря уже о томъ, что думные люди были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, они въ правительствѣ выступали рядомъ съ царемъ. «Царь указалъ, а бояре приговорили»—вотъ обычная формула начала всѣхъ правительственныхъ актовъ того времени. По Судебнику 1550 г. боярскій совѣтъ признается необходимымъ для всякаго новаго правительственнаго узаконенія. Безъ бояръ царь не рѣшаетъ никакого дѣла. И княжое боярство въ сознаніи своего правительственнаго значенія, основаннаго для большинства даже еще въ XVII в. на родовитости, происхожденіи, могло съ извѣстной гордостью заявлять, что царь жалуетъ за службу деньгами и землей, а не отечествомъ. Это очень аристократическое чувствованіе, и современная наука самый строй русскаго государства московскихъ временъ называетъ „самодержавно-аристократическимъ".

[2]) Хранящаяся теперь въ департаментѣ Герольдіи Правительствующаго Сената.

Петру, но были еще недостаточны. Петръ не могъ обойтись безъ помощи иностранцевъ. Съ проницательностью, свойственной генію, онъ сумѣлъ выбрать себѣ незамѣнимыхъ помощниковъ среди людей очень скромнаго происхожденія. Ему необходимо было твердо упрочить положеніе своихъ сотрудниковъ, оказавшихъ ему такія громадныя услуги, и возведенныхъ имъ въ высокіе чины. По совѣту Лейбница и фельдмаршала Брюса, онъ рѣшился издать законъ о порядкѣ государственной службы. Въ 1722 г. 24 января была опубликована извѣстная «Табель о рангахъ», раздѣленная на 14 классовъ. Эта мѣра, превосходная въ свое время, когда большинство дворянства не сочувствовало реформамъ и относилось съ ненавистью къ иностранцамъ и съ презрѣніемъ къ людямъ, достигшимъ высокаго положенія, благодаря своимъ личнымъ заслугамъ,—впослѣдствіи пережила самое себя. Петръ, создавая чины, сохранилъ за монархомъ право двигать впередъ способныхъ людей, не заставляя ихъ послѣдовательно проходить черезъ всѣ ступени.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія всѣ русскіе дворяне несли службу, за исключеніемъ только дряхлыхъ стариковъ, дѣтей и очень небольшого числа людей, которымъ посчастливилось получить отставку. Отставка эта, по большей части, разрѣшалась въ формѣ продолжительнаго отпуска, возобновляемаго по мѣрѣ истеченія.

Для того, чтобы заставить дворянсто служить, Петръ прибѣгалъ къ самымъ жестокимъ мѣрамъ, на которыя только былъ способенъ. Имущества дворянъ, уличенныхъ въ уклоненіи отъ службы, объявлялись конфискованными. Доносъ былъ возведенъ въ обязанность; чтобы поощрить доносчиковъ имъ обѣщались имущества, конфискованныя у обвиненныхъ. Крѣпостной, донесшій на своего барина, получалъ вольную немедленно.

Само собой разумѣется, что безнравственность и безчестность, возведенныя въ долгъ вѣрноподданнаго не могли не развратить и не извратить нравственное чувство русскаго народа. Служилое дворянство тѣхъ временъ стремилось попасть въ гвардію или ко двору, хотя бы на самыя скромныя должности, въ крайнемъ случаѣ, на штатскую службу, въ одной изъ столицъ. Тамъ дворянину приходилось терпѣть, сравнительно, меньше. Въ арміи и въ провинціи дворянинъ могъ попасть подъ начальство мужика, иногда бывшаго крѣпостного своихъ родителей, достигшаго офицерскаго чина и съ нимъ званія потомственнаго дворянина [2]). Начальникъ имѣлъ право под-

[1]) По табели о рангахъ 1722 г.. потомственное дворянство было связано съ младшимъ офицерскимъ чиномъ и съ чиномъ 8-го класса статской службы. Въ

вергать телѣснымъ наказаніямъ и прибѣгалъ къ этому нерѣдко. Сознаніе необходимости дать своимъ дѣтямъ образованіе, начинало пробуждаться въ средѣ дворянства. Но сдѣлать это было въ то время не легко. Въ деревняхъ учителей не было вовсе. Помѣщикамъ приходилось прибѣгать къ сельскому дьячку или причетнику. Даже въ городахъ учителя найти было трудно. Въ запискахъ майора Данилова мы находимъ сообщеніе, что въ царствованіе Анны Іоанновны, въ одной изъ Петербургскихъ школъ, математику преподавалъ, нѣкто Алабушевъ, дворянинъ, приговоренный судомъ за убійство, къ каторжнымъ работамъ, и оставленный въ Петербургѣ для преподаванія за неимѣніемъ другого учителя. Это дѣлаетъ заслугу Миниха, создавшаго кадетскіе корпуса, тѣмъ болѣе цѣнной.

Жизнь помѣщиковъ, по деревнямъ была, за очень немногими исключеніями,—жизнь растительная, тупая, безпросвѣтная.

Осенью и зимой—охота. Круглый годъ—водка; ни книгъ, ни газетъ. Газета въ тѣ времена была, на всю Россію, только одна: С.-Петербурскія Вѣдомости, основанныя Петромъ I въ 1703 г. Онѣ выходили два раза въ недѣлю и читались довольно много въ обѣихъ столицахъ и въ большихъ городахъ, но въ помѣщичьихъ усадьбахъ о нихъ почти не знали. Невѣжество было невообразимое.

Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, одна почтенная, помѣщица, владѣвшая 300 душами, спрашивала моего прадѣда, правда ли, что нѣмецкій «царь» кушаетъ всякій день къ обѣду колбасу и утверждала, что турецкій султанъ и «царь» французскій — оба басурманской вѣры.

Помѣщичьи дома, средней руки, были всѣ похожи одинъ на другой и отличались лишь размѣрами. Всѣ они были деревянные, одноэтажные, раздѣленные на двѣ половины широкими сѣнями. Въ одной половинѣ находились господскія комнаты, въ другой—кухни, людскія и кладовыя.

Стѣны были бревенчатыя, проложенныя паклей, и обоями оклеивались лишь у очень богатыхъ людей. Мебель состояла изъ деревянныхъ скамей, покрытыхъ коврами—стулья были рѣдки, кресла были предметомъ исключительной роскоши. Зато ѣли тяжело, жирно и обильно, благодаря дешевизнѣ продуктовъ.

царствованіе имп. Николая, права на потомственное дворянство были отнесены къ чину майора и къ 5-му классу статской службы. Въ царствованіе Александра II перемѣщены еще выше и связаны съ чиномъ полковника и 4-мъ классомъ статской службы.

Зажиточность сказывалась главнымъ образомъ въ нарядахъ, лошадяхъ, экипажахъ, упряжи, въ посудѣ особенно и, наконецъ, въ количествѣ дворовыхъ.

Кормили дворовыхъ до отвалу, но одѣвали неряшливо и убого. Казакины изъ грубаго домашняго сукна были покрыты заплатами и на локтяхъ были всегда продраны. Прислуживали столу босикомъ—сапоги надѣвались по большимъ праздникамъ или для исключительно почетныхъ гостей.

Многочисленная дворня, не была для помѣщика только роскошью—она была въ тѣ времена необходима. Не говоря о томъ, что всѣ предметы первой необходимости приходилось производить въ домашнемъ хозяйствѣ, многочисленная дворня была необходима помѣщику еще и для защиты отъ разбойниковъ.

Разбойники эти были тѣмъ опаснѣе, что тайные руководители ихъ, скупавшіе награбленныя вещи и помогавшіе ворамъ—бывали, нерѣдко, люди родовитые, иногда титулованные, съ большими связями. Въ Чернскомъ уѣздѣ (Тульской губ.), напримѣръ, два дворянина, Ёрженскій и Шеншинъ были атаманами разбойничьихъ шаекъ. Шеншинъ былъ изъ очень хорошей семьи. Въ Карачевскомъ и Новооскольскомъ уѣздахъ (Курск. губ.) во главѣ разбойничьей шайки стоялъ помѣщикъ Деревицкій. На югѣ Россіи тайными руководителями разбойниковъ были братья, графы Девіеры; въ Костромской губерніи—князь Козловскій, который по матери, Салтыковой, былъ въ родствѣ съ Ягужинскими, Салтыковыми, Лабановыми, Долгоруковыми и др. Этотъ князь Козловскій умеръ въ 1812 г., окруженный большимъ почетомъ и исключительной заботливостью, находившихся тогда у власти.

Даже женщины принимали участіе въ разбоѣ. Въ Путивльскомъ уѣздѣ (Курск. губ.) одна изъ помѣщицъ, владѣвшая болѣе чѣмъ тысячью душами, вдова, Мареа Дурова, садилась на лошадь и разбойничила въ сопровожденіи своихъ трехъ сыновей и довольно многочисленной шайки. Она называла это добродушно—«ходить на охоту». Охота обошлась ей дорого,—въ концѣ концовъ она была арестована и сослана въ Сибирь.

Въ Малороссіи, нѣкая Базилевская, женщина богатая, извѣстная подъ именемъ Базилихи, была покровительцей и возлюбленной извѣстнаго разбойника Гаркуцы. Собравъ въ своихъ кладовыхъ огромное количество награбленныхъ Гаргуцей драгоцѣнкостей, она выдала его полиціи. Гаргуца былъ наказанъ кнутомъ, заклейменъ и сосланъ на каторгу. Базилиха сохранила все награбленное, и по смерти оста-

вила огромное наслѣдство своему сына Петру, по предположенію, сыну Геркуцы. Этотъ Петръ Базилевскій женился на Грессеръ, кроткой и милой женщинѣ, племянницѣ фельдмаршала князя Трубецкого, министра двора при императорѣ Николаѣ. Послѣ женитьбы Базилевскій былъ пожалованъ камергеромъ. Въ 1849 г. его крѣпостные, возмущенные его жестокостью, связали его и выпороли. Базилевскому былъ немедленно разрѣшенъ выѣздъ за границу. О дѣяніяхъ графовъ Девіеръ слѣдуетъ также сказать нѣсколько словъ. Они были главными руководителями разбоя въ нынѣшнихъ Харьковской и Воронежской губерніяхъ.

Старшему Антону, досталось отъ отца великолѣпное имѣніе Погромецъ въ Валуйскомъ уѣздѣ. У своей сосѣдки онъ купилъ часть земли; заставилъ ее подписать купчую, вошелъ во владѣніе землей и, подъ предлогомъ недостатка денегъ, просилъ отложить платежъ. Когда прошелъ срокъ помѣщица пріѣхала къ нему въ гости и просила объ уплатѣ. Онъ предложилъ ей взять, вмѣсто денегъ, великолѣпную столовую посуду. Она согласилась, пообѣдала съ графомъ, велѣла уложить посуду и уѣхала. Дѣло было вечеромъ, зимой; было совсѣмъ темно; путь лежалъ черезъ покрытую льдомъ рѣку. На льду, на ѣхавшихъ напали люди, посланные Девіеромъ, отняли посуду и чуть не утопили несчастную женщину и ея слугъ. По счастью мимо проѣзжалъ экипажъ, запряженный четверкой—къ больному помѣщику, по сосѣдству, ѣхалъ докторъ. Помѣщица была спасена, подала жалобу и начался процессъ.

Всѣ дворяне Валуйскаго уѣзда, оффиціально запрошенные, дали *единогласно* самый лучшій отзывъ о Девіерѣ. Одни сдѣлали это изъ трусости, другіе изъ нелѣпаго предразсудка, до нашего времени сильнаго въ Россіи, согласно съ которымъ считается непорядочнымъ подвергать огласкѣ подлости, совершенныя человѣкомъ съ положеніемъ. Но процесъ не былъ остановленъ, графъ Девіеръ былъ обвиненъ въ покушеніи на воровство и убійство и сосланъ въ Сибирь. Дворянство Валуйскаго уѣзда было лишено, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, своихъ выборныхъ правъ.

Младшій Девіеръ, Михаилъ, родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Девіеровъ, превзошелъ своего брата. Онъ жилъ въ имѣніи, расположенномъ на берегахъ Дона. Подъ усадьбой его устроены были подземелья, въ которыхъ были великолѣпныя пріемныя залы, кухни, спальни и подвалы для заключенья съ цѣпями и кандалами Когда графу надоѣла его жена, мать его двоихъ сыновей, онъ заключилъ ее въ одинъ изъ этихъ погребовъ, заковалъ въ кандалы и оставилъ тамъ

до самой ея смерти. Она томилась въ подземельи около семи лѣтъ. Чтобы исчезновеніе ея не вызвало подозрѣнія, онъ объявилъ всѣмъ о ея смерти и устроилъ великолѣпныя похороны. Въ гробу лежала кукла. Вскорѣ онъ женился опять. Замѣчательно, что Михаила Девіера, какъ и его брата, погубила столовая посуда.

Обѣдая, какъ-то, у одного изъ своихъ сосѣдей, онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ столовой посуды и рѣшилъ ею завладѣть.

Онъ подкупилъ дворецкаго, крѣпостного, и пообѣщалъ ему написать подложную вольную, выдавъ его за одного изъ своихъ крѣпостныхъ. Дворецкій съ точностью все исполнилъ, доставилъ графу Девіеру посуду и самъ остался у него въ домѣ. Чтобы избавиться отъ опаснаго свидѣтеля, графъ далъ дворецкому порученіе въ городѣ, приказавъ кучеру убить его по дорогѣ и бросить трупъ въ прорубь. Весной трупъ нашли и въ карманѣ сюртука оказалось собственноручное письмо графа Девіера, въ которомъ тотъ подговаривалъ дворецкаго похитить посуду и обѣщалъ ему вольную. Началось судебное дѣло. Графъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Тогда онъ распространилъ слухъ о своей смерти, велѣлъ устроить ложныя похороны, какъ, когда-то, для своей жены и спокойно прожилъ еще нѣсколько лѣтъ подъ охраной мѣстныхъ властей, которыя всѣ были подкуплены.

Вотъ еще очень характерный анекдотъ. Графъ Гендриковъ, двоюродный братъ императрицы Елизаветы Петровны, выѣхалъ однажды на охоту съ борзыми. Собаки загрызли нѣсколько крестьянскихъ овецъ. Крестьяне, обозлившись, убили двухъ собакъ. Графъ велѣлъ немедленно зажечь деревню со всѣхъ четырехъ сторонъ и на слѣдуюшее утро прислалъ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые, по его приказу, срыли остатки деревни и перепахали землю. Воеводѣ была подана жалоба, но онъ не осмѣлился войти въ препирательство съ графомъ Гендриковымъ и переслалъ жалобу губернатору; тотъ направилъ ее въ Петербургъ. Графъ Гендриковъ поѣхалъ самъ въ Петербургъ, гдѣ императрица, при свиданіи, погрозила ему пальцемъ и замѣтила: «Эй, Генрихъ, не шали!» Тѣмъ дѣло и кончилось.

Жизнь московскаго дворянства, зимой въ Москвѣ, лѣтомъ въ подмосковныхъ, по существу, мало чѣмъ отличалась отъ жизни въ деревенской глуши. Она была, можетъ быть, немного менѣе дика и внѣшне болѣе роскошна.

Улицы Москвы были побольшей части немощеныя. Нѣкоторыя, покрытыя бревенчатой мостовой, были хуже немощеныхъ, лошади и пѣшеходы ломали себѣ ноги, попадая между бревнами, экипажи

трясло и подбрасывало невѣроятно. Фонарей почти не было; приходилось, не по тщеславію только, а по необходимости держать большое количество дворовыхъ. Домъ мало-мальски зажиточнаго помѣщика былъ всегда окруженъ обширнымъ дворомъ, огородомъ и фруктовымъ садомъ. Среди дворовыхъ были гайдуки (вершники), которые должны были сопровождать экипажъ, когда господа выѣзжали въ городъ. Кромѣ повара и поварятъ, въ домѣ были—свой булочникъ, свой пирожникъ, медоваръ, пивоваръ, квасникъ; были слесаря, столяры, плотники, сѣдельники, жестяники, каретники, кузнецы, бочары и пр.

У богатыхъ людей, среди двора, нерѣдко стояла домовая церковь. Большая часть этихъ церквей стали теперь приходскими. Случалось, что въ усадьбѣ богатаго московскаго дома бывалъ прекрасный рыбный прудъ и великолѣпные рыбные садки. Лѣтъ двадцать тому назадъ, старый генералъ Фроловъ нанялъ въ Москвѣ домъ съ садомъ и прудами. Въ контрактѣ было отмѣчено, что генералъ можетъ пользоваться садами безъ «покосовъ и безъ рыбной ловли».

Внутри, дома бывали меблированы очень разнообразно — отъ золоченой мебели во дворцахъ богатыхъ вельможъ до простыхъ стульевъ и скамей, покрытыхъ коврами, у людей побѣднѣе. Въ каждомъ домѣ, богатомъ и бѣдномъ, проживали бѣдные родственники, дворяне—приживалы и приживалки. Это были ходячія газеты, всегда все знавшія и разносившія всѣ новости.

На празднествахъ и пирахъ игралъ домашній оркестръ изъ своихъ крѣпостныхъ людей, выступали хоры пѣсельниковъ. Страсть къ карламъ, калмыкамъ, калмычкамъ, шутамъ была очень велика. Въ каждомъ богатомъ домѣ ихъ было множество.

На лѣто и осень переѣзжали въ подмосковныя. Осень была временемъ охоты въ обширныхъ подмосковныхъ лѣсахъ, изобиловавшихъ дичью. Охоты сопровождались пирами и попойками полными разгула.

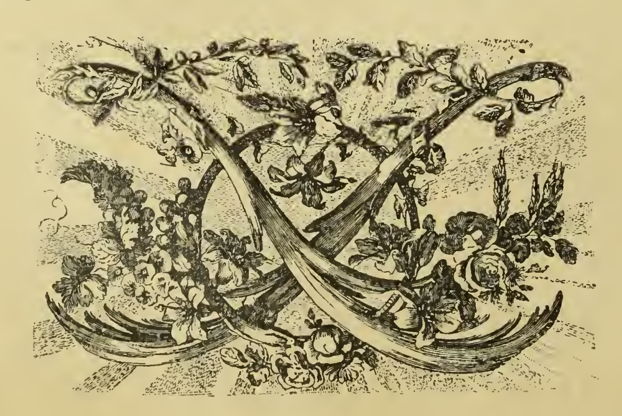
Въ Петербургѣ было больше роскоши, больше денежныхъ затратъ, чѣмъ въ Москвѣ, но жизнь была уже. Дома тѣснѣе стояли другъ около друга и не были окружены такими обширными дворами. Слугъ было меньше, но они были лучше одѣты. Упряжь и экипажи были роскошнѣе. Императрицы Анна Іоанновна и Елизавета Петровна любили роскошь. Екатерина II была очень скромна въ своихъ вкусахъ, но считала, что роскошь и блескъ двора необходимы, чтобы импонировать мало культурной націи. Въ жизни петербургскихъ придворныхъ и вельможъ было двѣ стороны—одна, которую показывали Европѣ, лицамъ дипломатическаго корпуса, путешествующимъ иностранцамъ—другая, своя, частная, для себя и своихъ соотчичей.

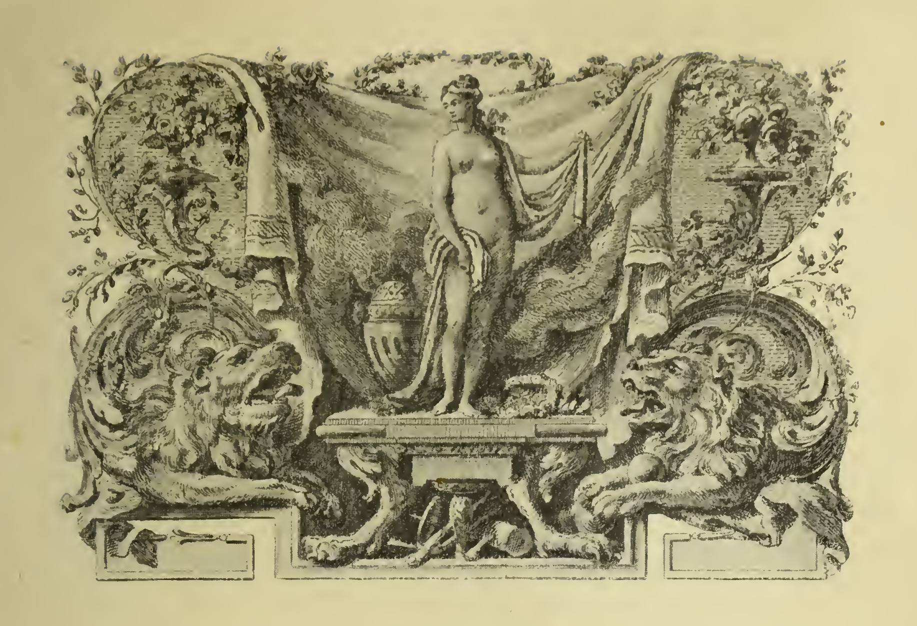
Мой дѣдъ заѣхалъ, разъ лѣтомъ на Петербургскую дачу къ княгинѣ Голицыной, женѣ фельдмаршала. «Ахъ, князь, какъ я Вамъ рада», встрѣтила она его—«дождь, гулять нельзя, мужа нѣтъ, я умирала отъ скуки и собиралась, для развлеченья, велѣть пороть моихъ калмыковъ». Княгиня была рожденная Гагарина, кавалерственная дама, сестра графини Матюшкиной, личнаго друга императрицы Екатерины II. Въ ея салонѣ собирался цвѣтъ лучшаго общества Петербурга.

Въ гвардіи служили почти исключительно дворяне. Преображенскій полкъ состоялъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ и ста двадцати офицеровъ. Семеновскій изъ трехъ тысячъ и ста офицеровъ. При Аннѣ Іоанновнѣ были образованы полки Измайловскій и Конногвардейскій. Многіе изъ солдатъ и почти всѣ унтеръ-офицеры были дворяне. Они держали крѣпостныхъ и, въ зависимости отъ своего достатка, жили иногда очень роскошно. Большая часть унтеръ-офицеровъ ѣздили въ собственныхъ экипажахъ. Многіе принадлежали къ аристократіи, бывали въ свѣтѣ, танцовали на балахъ. Офицерамъ полагалось ѣздить четверкой цугомъ; дѣлать визиты пѣшкомъ считалось для гвардейскаго офицера крайне неприличнымъ. Въ чинѣ бригадира и выше невозможно было ѣздить иначе, какъ шестеркой.

Однажды, въ царствованіи императрицы Елизаветы Петровны, сенаторъ князь Одоевскій, извѣстный своей нечистой игрой въ карты вернулся домой очень взволнованнымъ. «Представьте себѣ», объявилъ онъ гостямъ своей жены, «что я только что видѣлъ—сенаторъ Жуковъ, въ наемномъ экипажѣ четверкой, вмѣсто шестерки! Какое неприличіе! Куда мы идемъ?..»

Многіе изъ гвардейскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, подъ предлогомъ болѣзни жили въ Москвѣ, въ деревняхъ, въ отпуску, постоянно возобновляемомъ. Такой отпускъ всегда покупался. Если не было наличныхъ денегъ платили, не стѣсняясь и не задумываясь, крѣпостными. Дарили одну, двѣ, три семьи, считая эту плату людьми дѣломъ совершенно обыкновеннымъ и естественнымъ.

ГЛАВА II.

Придворная жизнь при Петрѣ II.

Четвертаго февраля 1728 года Петръ II торжественно въѣхалъ въ Москву [1]); три недѣли спустя онъ короновался, а черезъ мѣсяцъ послѣ коронаціи участь Меншикова была окончательна рѣшена.

---

[1]) Петръ II родился 12 октября 1715 года и взошелъ на престолъ одиннадцати съ половиною лѣтъ. Онъ былъ щедро одаренъ природою какъ умомъ и способностями, такъ и внѣшними данными. Тонкій и высокій, съ прекрасными глазами, онъ былъ очень хорошъ собой. Умъ и способности его были совершенно исключительные. Онъ судилъ о государственныхъ дѣлахъ со смысломъ, поражавшимъ министровъ его Великаго Дѣда. Холодный и слегка надменный при постороннихъ, онъ былъ простой, веселый и общительный мальчикъ среди своихъ близкихъ. Онъ былъ чрезвычайно добръ.

Послѣ смерти Петра I и восшествія на престолъ Екатерины, казалось, было всецѣло въ интересахъ Меншикова способствовать укрѣпленію престола за двумя дочерьми Екатерины, въ ущербъ маленькому великому князю, сыну погубленного, самимъ Меншиковымъ, царевича Алексѣя. Но Меншиковъ отлично понималъ что отстранить отъ престола вел. кн. Петра Алексѣевича немыслимо, не возбудивъ очень серьезнаго недовольства, и рѣшилъ перейти на его сторону. Импера-

24 марта, въ Кремлѣ возлѣ Спасскихъ воротъ было найдено подметное письмо, адресованное государю. Въ этомъ письмѣ выражалось неудовольствіе по поводу ссылки Меншикова въ Раненбургъ (въ 337 верст. отъ Москвы) осуждались поступки государя, его поведеніе, и подавался совѣтъ вернуть изгнаннику бразды правленія. Невозможно предположить, чтобы умный и хитрый Меншиковъ могъ сдѣлать эту несчастную ошибку и написать такое неумѣлое письмо. Была ли это неумѣстная попытка друзей, плохо знавшихъ обычаи двора, или злостный подвохъ враговъ павшаго генералиссимуса—осталось навсегда неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ Долгоруковы, боявшіеся ума Меншикова и находившіе, что Раненбургъ слишкомъ близко отъ Москвы, воспользовались этимъ, чтобы нанести ему послѣдній и самый жестокій ударъ: всѣ громадныя богатства его были конфискованы и онъ съ семьей отправленъ въ Сибирь; въ Березовъ (за 3350 в. отъ Москвы) [1].

торъ Карлъ VI, жена котораго, принцесса Брауншвейгская, была теткой царевича Петра, очень хотѣлъ возвести на престолъ своего племянника. Меншикову было обѣщано герцогство Козельское въ Силезіи и полное согласіе на бракъ будущаго императора съ дочерью генералиссимуса, Маріей Меншиковой. Оставалось самое трудное: получить согласіе императрицы Екатерины I и побудить ее написать завѣщаніе въ пользу сына ея нелюбимаго пасынка и въ ущербъ ея роднымъ дочерямъ. По совѣту Меншикова, императоръ Карлъ VI послалъ тридцать тысячъ червонцевъ Аннѣ Ивановнѣ Крамеръ, бывшей любимой камерфрау императрицы, теперь гофмейстеринѣ при дворѣ великой княжны Наталіи Алексѣевны. Завѣщаніе было составлено и, что любопытнѣе всего — подписано за мать рукой цесаревны Елизаветы. Императрица Екатерина была безграмотна и всегда заставляла своихъ дочерей подписывать за нее ея имя.

[1]) По вступленіи на престолъ молодой императоръ быстро охладѣлъ къ Меншикову. Подчиненіе, въ которое Меншиковъ поставилъ его по отношенію къ себѣ, раздражало самолюбиваго и упрямаго мальчика. Онъ не былъ охотникъ учиться, любилъ погулять, страстно любилъ охоту. Но обо всемъ надобно было спрашиваться свѣтлѣйшаго князя и часто ждать суроваго отказа. «По какому праву онъ отказываетъ?» вопросъ напрашивался самъ собой и былъ крайне опасенъ для положенія генералиссимуса. Воспитателемъ и оберъ-гофмаршаломъ къ императору былъ назначенъ Остерманъ. Человѣкъ очень хитрый и ловкій, онъ сумѣлъ снискать большую любовь своего воспитанника и незамѣтно поддерживалъ антипатію послѣдняго къ свѣтлѣйшему. Случайная болѣзнь Меншикова дала возможность государю пожить безъ его гнета и произвела свое роковое дѣйствіе: возвратить вліяніе было почти невозможно. Меншиковъ, ослѣпленный своей властью, продолжалъ вести упорную борьбу и постоянно раздражалъ государя, отмѣняя его приказанія. Цехъ каменщиковъ поднесъ Петру 9000 червонныхъ. Петръ послалъ ихъ въ подарокъ сестрѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который велѣлъ ему отнести деньги въ свой кабинетъ, сказавъ: «Императоръ еще очень молодъ и не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ». Петръ, узнавъ объ этомъ, былъ

Князь Алексѣй Долгоруковъ и сынъ его, Иванъ, любимецъ Петра II, торжествовавшіе побѣду, не предвидѣли тогда, что черезъ два года и они послѣдуютъ за Меншиковымъ, первый, чтобы умереть въ Березовѣ, послѣ четырехъ лѣтъ изгнанія, второй, чтобы провести тамъ восемь тяжелыхъ лѣтъ и быть возвращеннымъ для пытки и четвертованія...

Слѣдствіе признало, что подметное письмо было написано рукою духовника царицы Евдокіи. Это наводитъ на мысль объ участіи въ дѣлѣ враговъ Меншикова, которые въ этомъ случаѣ не ошиблись въ разсчетѣ.

Положеніе Меншикова при дворѣ Петра I было исключительное, небывалое. Свѣтлѣйшій князь, герцогъ Ижорскій, онъ пользовался съ женой, величайшими почестями, наравнѣ съ членами императорскаго дома и привилегіями, недоступными ни одному подданному: при его особѣ состояли гофъ-юнкеры и пажи изъ дворянъ.

Княгиня Дарья Михайловна, рожденная Арсеньева, изъ старой дворянской семьи, была безличная женщина, кроткая и добрая. За то сестра ея, Варвара, старая дѣва, маленькая, горбатая — умная и злая, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ у своего деверя создавала ему и семьѣ множество враговъ своей надменностью, рѣзкостью и мстительностью. Она была злымъ геніемъ семьи.

Когда ея племянница сдѣлалась невѣстою государя и Варвару Михайловну назначили оберъ-гофмейстершой — придворныя дамы, по ея требованію должны были цѣловать ея руку! Послѣ паденія генералиссимуса она была сослана и пострижена въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ Александровѣ (въ 164 в. отъ Москвы). Тамъ она оставалась до самой своей смерти.

Меншиковъ жилъ по царски, на Васильевскомъ острову, въ огромномъ домѣ, (нынѣ первый кадетскій корпусъ) за которымъ былъ разбитъ обширный паркъ, съ оранжереями, голубятнями и загонами для дикихъ звѣрей. Въ то время мостовъ на Невѣ не было. Меншиковъ переѣзжалъ рѣку въ огромной золоченной лодкѣ, изнутри обтянутой зеленымъ бархатомъ. Ладью вели 12, иногда 24 гребца. На лѣвомъ берегу Невы его ждала золоченная украшенная княжеской короной карета, на низкихъ рессорахъ, запряженная шестеркой цугомъ, въ малиновой упряжи, обдѣланной золотомъ и серебромъ.

взбѣшонъ и закричалъ: «Я покажу ему, что я императоръ и что мнѣ надобно повиноваться». Рядъ такихъ случаевъ, которыми ловко умѣли пользоваться Остерманъ и Долгоруковы, вскорѣ окончательно возстановили императора противъ Меншикова и привели къ паденію послѣдняго.

Впереди шли гайдуки, за ними пажи верхомъ, въ голубыхъ бархатныхъ казакинахъ съ золотыми позументами; два гофъ-юнкера княжескаго двора ѣхали у подножекъ кареты и шесть конныхъ драгунъ замыкали шествіе.

Петръ II былъ совершенно равнодушенъ къ Маріи Меншиковой и она, съ своей стороны, не выносила своего жениха. Разсказываютъ, что молодой государь на колѣняхъ умолялъ сестру, великую княжну Наталію Алексѣевну, разстроитъ этотъ бракъ. Меншиковъ надѣялся побѣдить упрямство юнаго государя, и былъ такъ опьяненъ своимъ могуществомъ, что колебался дать солгласіе на бракъ младшей своей дочери Александры, съ наслѣднымъ принцемъ Ангальтъ-Дессаускимъ, потому что мать его была дочерью аптекаря. Крестьянскій сынъ, пирожникъ—боялся неравнаго брака!..

Сосланный въ Раненбургъ въ сентябрѣ 1727 года, Меншиковъ имѣлъ неосторожность обставить свой отъѣздъ небывалой роскошью и торжественностью, раздражившей ею враговъ и оскорбившей императора. Онъ ѣхалъ по улицамъ города среди дня въ великолѣпной каретѣ, въ сопровоженіи 127 слугъ, безчисленнаго множества каретъ, экипажей, верховыхъ лошадей. За нимъ выслали курьера, велѣли догнать, конфисковать экипажи и заставили продолжать путь въ простыхъ кибиткахъ.

Въ декабрѣ былъ посланъ въ Раненбургъ, другъ семьи Долгоруковыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Плещеевъ, чтобы учинить Меншикову допросъ, состоявшій изъ слѣдуюшихъ пунктовъ:

1. Въ чемъ состоялъ буквальный текстъ его переписки со шведскимъ сенаторомъ Дюккеромъ, которому онъ далъ завѣреніе въ томъ: «что Швеціи нечего опасаться, въ виду того, что армія находится въ его, Меншикова, распоряженіи и въ случаѣ тяжкой болѣзни Императрицы, при необходимости онъ будетъ ходатайствовать о помощи Швеціи». О какой помощи онъ говорилъ? Кто писалъ эти письма? Гдѣ черновики ихъ и гдѣ подлинники, адрессованые ему Дюккеромъ?

2. Такъ какъ онъ имѣлъ обыкновеніе сообщать о всѣхъ секретныхъ дѣлахъ шведскому посланнику барону Селеркрейцу,—что именно изъ вышеизложеннаго, было извѣстно послѣднему?

3. Сознается ли онъ въ полученіи отъ Швеціи денегъ между прочимъ 5.000 червонцевъ за вышеупомянутое письмо адресованное Дюккеру? Черезъ чье посредство были имъ получены эти деньги?

4. Какъ осмѣлился онъ лишить герцогиню голштинскую 80.000 р., изъ суммы въ 300.000, которую она должна была получить изъ каз-

ны передъ отъѣздомъ ея изъ Россіи? Онъ присвоилъ эти деньги-заставивъ Герцогиню расписаться въ полученіи 240.000, тогда какъ она получила лишь 220.000?

5. Когда императоръ сдѣлалъ герцогинѣ голштинской денежный подарокъ изъ казны, при посредствѣ негоціанта Марсэ, Меншиковъ принудилъ герцогиню уступить ему половину суммы и баронъ Стамкенъ, голштинскій министръ въ Петербургѣ, выдалъ росписку въ2.000 червонцевъ на имя Меншикова, за подписью его адъютанта, барона Ливена?

Слѣдствіе тянулось всю зиму, а въ мартѣ подметное письмо, о которомъ я говорилъ, окончательно погубило генералиссимуса. Лишенный всего имущества, онъ былъ отправленъ въ Березовъ съ женой, сыномъ и двумя дочерьми. Ему позволили взять съ собой десять слугъ обоего пола и положили на его содержаніе пять рублей золотомъ въ сутки.

Меншиковъ переносилъ свое несчастье съ необычайнымъ мужествомъ и рѣдкимъ самообладаніемъ, но жена его не перенесла удара— она ослѣпла отъ слезъ, заболѣла и умерла въ пути, въ деревнѣ Услони, на берегу Волги въ 12 в. отъ Казани. Ей не было еще 45 лѣтъ.

На скромномъ деревенскомъ кладбищѣ до сихъ поръ сохранилась ея могила.

Похоронивъ жену, Меншиковъ съ дѣтьми продолжалъ тяжелый путь

Когда за годъ передъ тѣмъ, послѣ обрученья дочери съ императоромъ Меншиковъ велѣлъ вносить въ оффиціальные документы съ 1728 г. свое имя, имена своей жены, сына и дочерей, рядомъ съ членами императорскаго дома; онъ не подозрѣвалъ, конечно, что этотъ 1728 г. онъ проведетъ въ Сибири, въ Березовѣ, гдѣ зима длится семь мѣсяцевъ и морозъ доходитъ до 40⁰ съ лишнимъ градусовъ, лѣтомъ земля оттаиваетъ только на три четверти аршина; въ ноябрѣ и декабрѣ заря едва занимается въ 10 часовъ, а въ три уже ночь—за то въ іюнѣ солнце заходитъ менѣе чѣмъ на 2 часа; лѣто длится едва три недѣли и весной и осенью стоитъ постоянный туманъ, поднимающійся отъ болотъ, которыми окруженъ Березовъ.

Какъ я говорилъ уже, Меншиковъ въ несчастьи выказалъ большую душевную силу. Развращенный во дни своего сказочнаго счастья, порочный, надменный, алчный—въ изгнаніи онъ превратился вдругъ въ образецъ терпѣнья, кротости и спокойствія. На крутомъ берегу Сосвы онъ съ помощью своихъ слугъ, собственноручно построилъ себѣ маленькій деревянный домъ. Построилъ также и церковь (сгорѣвшую въ 1765 г.); во время службы онъ исполнялъ обязанности діакона, причетника, а послѣ обѣдни иногда говорилъ проповѣди.

Дѣтямъ онъ диктовалъ свои воспоминанія—къ несчастью неизвѣстно, что сталось съ этимъ драгоцѣннымъ манускриптомъ. Черезъ годъ А. Д. Меншиковъ скончался.

Его старшая дочь, Марія, бывшая невѣста императора опасно заболѣла въ 1729 г. Доктора въ Березовѣ не было; проболѣвъ недѣлю она умерла на рукахъ отца. Ей было всего 18 лѣтъ. Онъ собственноручно рылъ для нея могилу. Ему пришлось пережить ее не надолго. Когда онъ заболѣлъ, въ Березовѣ не нашлось даже цирульника, чтобы пустить больному кровь. Онъ умеръ 22 октября 1729 года, 56-ти лѣтъ и былъ похороненъ возлѣ построенной имъ церкви въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега Сосвы.

Когда пришла въ Москву вѣсть о смерти Меншикова, Алексѣй Шаховской, женатый на дальней родственницѣ покойной княгини Меншиковой, приближенный Бирона, выхлопоталъ у послѣдняго разрѣшеніе дѣтямъ Меншикова—Александру и Александрѣ—вернуться въ Россію. Шаховской взялся за дѣло очень умѣло. Лондонскій и Амстердамскій банки, въ которыхъ хранились огромные капиталы генералиссимуса, отказались ихъ выдать русскому правительству, заявивъ, что могутъ ихъ вручить лишь законнымъ наслѣдникамъ Меншикова. По нравамъ того времени, не вмѣшайся Шаховской въ это дѣло, молодого Меншикова пыткой заставили бы отказаться отъ своихъ правъ. Шаховской убѣдилъ Бирона, что лучше воспользоваться случаемъ и женить его брата Густава Бирона на молодой Меншиковой, чтобы захватить громадные капиталы ея брата. Такъ и было сдѣлано.

Семнадцатилѣтнему князю Александру Меншикову вернули его титулы князя двухъ имперій: Россійской и Австрійской, и Высочества, но титулъ герцога Ижорскаго ему не былъ возвращенъ. Изъ 90.000 душъ, принадлежавшихъ его отцу, онъ получилъ только 2.000, т.-е. пятидесятую часть. Изъ капиталовъ и огромнаго движимаго имущества не получилъ ничего. Его произвели въ прапорщики Преображенскаго полка, послѣ того, какъ 13 лѣтъ онъ былъ генералъ-лейтенантомъ, оберъ-камергеромъ, кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго и Прусскаго Орла. Девять милліоновъ рублей, помѣщенные въ Лондонскомъ и Амстердамскомъ банкахъ были отданы въ распоряженіе правительства: восемь милліоновъ частью конфисковано государствомъ, частью украдено Бирономъ, девятый былъ переданъ Густаву Бирону, женившемуся на княжнѣ Александрѣ Меншиковой. Она была очень несчастна въ замужествѣ и умерла 24 лѣтъ не оставивъ дѣтей—13 октября 1736 года.

Князь Александръ Меншиковъ былъ впослѣдствіи генералъ-аншефомъ, гвардіи майоромъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Это былъ глупый и ничтожный человѣкъ. Спесивый въ юности, во дни могущества отца, онъ вернулся изъ Сибири любезнымъ и предупредительнымъ. Онъ женился на Голицыной, единокровной сестрѣ моей пра-прабабки и умеръ въ 1764 году 50 лѣтъ, оставивъ двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Въ царствованіе Петра II, при русскомъ дворѣ было двѣ партіи, не считая Долгоруковыхъ. Послѣднихъ «партіей» нельзя было назвать—это былъ семейный кружокъ, не болѣе. Обязанность, не всегда пріятная, быть безпристрастнымъ, заставляетъ насъ признать, что въ дѣйствіяхъ Долгоруковыхъ, этой эпохи, не было иныхъ побужденій кромѣ личныхъ, эгоистическихъ, имѣвшихъ цѣлью разбогатѣть, удалить отъ двора всякое вліяніе, кромѣ своего, и пользоваться жизнью и ея наслажденіями, нисколько не считаясь съ правами и достоинствомъ ближняго. Единственная ихъ заслуга въ томъ, что они не были жестоки; за исключеніемъ трагической исторіи Меншикова, всѣ преслѣдованія и изгнанія этого царствованія отличались мягкостью и ни одно имущество, кромѣ имущества Меншикова, не было конфисковано. Надо замѣтить что жестокость была чужда характеру Петра II, и еще болѣе характера его сестры, великой княжны Наталіи Алексѣевны [1]), которая могла бы быть ангеломъ хранителемъ Россіи, если бы осталась жива. Въ 1729 году молодой императоръ исполнилъ обѣщаніе, данное имъ у постели умирающей сестры, и уничтожилъ ужасную тайную канцелярію (Преображенскій приказъ), которую, впрочемъ, императрица Анна возстановила, немедленно по восшествіи своемъ на престолъ.

Партія молодая, называвшаяся также нѣмецкой, стремилась идти по пути намѣченномъ Петромъ I: охранять абсолютизмъ во всей его

---

[1]) Великая княжна Наталія Алексѣевна была на годъ старше своего брата. Она умерла на пятнадцатомъ году 22 ноября 1728 года. Она поражала знавшихъ ее зрѣлостью ума, широтою взгляда и необычайною добротою. Она не отличалась большой красотой, черты ея были неправильны, но была очень миловидна и привлекательна. Брата своего она обожала и давала ему воистинну мудрые совѣты. Никогда не любившая, она сосредоточила на братѣ всю свою привязанность, и не на шутку ревновала его къ ихъ теткѣ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ которую мальчикъ былъ юношески влюбленъ. Позже, когда онъ охладѣлъ къ Елизаветѣ она также ревновала и мучилась его страстью къ охотѣ, которую въ немъ развили не безъ цѣли удалить его отъ вліянія сестры и Остермана. Огорченія причиняемыя безпорядочной жизнью, въ которую вовлеченъ былъ молодой императоръ, сильно повліяли на ухудшеніе ея болѣзни и быстро свели въ могилу.

полнотѣ и вести безпощадную борьбу со старыми обычаями, исконными устоями, со всѣмъ, что напоминало до Петровскій строй жизни Эта партія была права, утверждая, что русскіе обычаи и устои конца XVII вѣка были смѣсью монгольскаго варварства съ Византійскимъ разложеніемъ; что Россію необходимо было возродить при помощи европейской цивилизаціи, и возродить во чтобы то ни стало; что политическій строй Россіи XVII-го столѣтія былъ гнилъ насквозь, такъ что мы не были въ силахъ даже вести войну съ Турціей. По счастью мы были дважды спасены фанатизмомъ и отсутствіемъ политическаго такта польскихъ магнатовъ: они помѣшали Владиславу надѣть шапку Мономаха, не допустивъ его принять православіе и затѣмъ, полвѣка спустя, религіозными преслѣдованіями и притѣсненіями магнатовъ, заставили Малороссію присоединиться къ Россіи. Когда представителямъ нѣмецкой партіи ставили на видъ, что нецѣлесообразно управлять націей, особенно верхнимъ ея слоемъ, пришедшимъ въ соприкосновеніе съ европейской культурой, при помощи азіатскихъ пріемовъ Царя Преобразователя, они отвѣчали, что монгольскіе и византійскіе начала такъ присущи русской натурѣ, что съ этой стороны нечего опасаться; что люди, которые несмотря на свои богатства и исключительное общественное положеніе такъ безропотно и легко позволяютъ себя грабить, отправлять на поселеніе, стегать кнутомъ и изувѣчивать, очень еще далеки отъ Европейской знати; что нѣтъ такого ига, тягость котораго имъ показалась бы невыносимой... Дальнѣйшая исторія нашего отечества доказала, увы, правоту этого приговора.

Партія русская, ошибочно называемая старо-русской и мнившая себя таковой, понимала также всю невозможность и опасность возстановленія обветшалаго прошлаго, во всемъ его цѣломъ; она готова была допустить развитіе культурности въ Россіи на условіи сохраненія однако стариннаго быта въ частной жизни, сдѣлавъ въ этомъ отношеніи одну только уступку, очень важную, такъ какъ сама по себѣ она создавала своего рода соціальный переворотъ: они навсегда отказались отъ азіатскаго обычая запиранія женщины, обычая, сложившагося во времена монгольскаго ига и уничтоженнаго Петромъ Первымъ. Русская партія готова была пользоваться услугами иностранцевъ, понимая, что обойтись безъ нихъ нельзя, но пользоваться ими она хотѣла съ большимъ выборомъ и считала невозможнымъ допускать ихъ къ высокимъ должностямъ, дѣлая исключеніе лишь для тѣхъ, которые принимали православіе и вступали въ бракъ съ дочерьми русскихъ вельможъ; послѣднее допускалось и въ до Петров-

Императрица Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ.

ское время. Наконецъ, большинство сановниковъ принадлежавшихъ къ русской партіи тяжело чувствовало гнетъ царской власти и съ вполнѣ понятной завистью смотрѣло на независимость польскихъ магнатовъ, на вновь возстановленную, послѣ смерти Карла XII шведскую конституцію... Они мечтали создать ограниченія самодержавію. Вліяніе, которое оказали шведскія учрежденія на поведеніе русской знати въ 1730 г., заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ о шведской конституціи. Парламентъ, въ Швеціи состоялъ до 1865 г. изъ четырехъ палатъ: 1) Палата духовенства, гдѣ архіепископъ Упсальскій и епископы засѣдали по праву, прочее же духовенство—по выборамъ; 2) палата дворянъ, гдѣ по праву засѣдали старшіе въ родѣ отъ всѣхъ дворянскихъ родовъ безъ исключенія. Они дѣлились на три секціи, голосовавшія каждая отдѣльно: а) Секція графовъ и бароновъ, в) Секція стараго дворянства, с) Секція молодого дворянства. 3) Палата горожанъ и 4) Палата крестьянъ—обѣ выборныя—Сенатъ, состоящій изъ шестнадцати пожизненныхъ сенаторовъ, служилъ совѣщательнымъ учрежденіемъ во время парламентскихъ каникулъ.

Короли Карлъ XI и Карлъ XII перестали созывать парламентъ и захватили въ свои руки неограниченную власть, превративъ сенатъ въ своего рода канцелярію. По смерти Карла XII шведскіе генералы провозгласили королевой его сестру принцессу Ульрику Элеонору, супругу принца Фридриха — Гессенъ - Кассельскаго. Сенатъ призналъ эти выборы незаконными, созвалъ парламентъ и, сообща съ нимъ, вновь избралъ принцессу Ульрику Элеонору, взявъ съ нея обязательство царствовать на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

1) Законодательная власть и право учреждать налоги, объявлять войну и заключать миръ—должны быть раздѣлены между королемъ и парламентомъ; 2) Совершеннолѣтіе монарха наступаетъ въ восемьнадцать лѣтъ; 3) Монархъ управляетъ страной сообща съ сенатомъ; 4) Высшіе сановники выбираются сенатомъ большинствомъ голосовъ; 5) Подданные, включая сюда армію и флотъ, присягаютъ въ вѣрности королю и государству.

Эта конституція существовала въ Швеціи до 1772 г. Она была уничтожена Густавомъ III возстановившимъ неограниченное правленіе, длившееся до 1809 г., когда вновь была возстановлена въ Швеціи конституціонная монархія. Наиболѣе вліятельные русскіе вельможи очень опредѣленно мечтали о введеніи въ Россіи конституціи по образцу шведской, но большинство дворянства было гораздо болѣе скромно въ своихъ стремленіяхъ: они мечтали лишь объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, объ уничтоженіи права конфи-

скаціи, отмѣнѣ обязательной службы и о томъ, чтобы ссылка и всякій иной приговоръ совершались не иначе, какъ правильнымъ судомъ. Такія стремленія дворянства были бы болѣе чѣмъ законны, еслибы оно добивалось этихъ правъ не для себя только, а для всего народа.

Оно стремилось, однако, сохранить также и крѣпостное право,— забывая, что въ Швеціи, какъ и въ Англіи, политическая свобода пустила такіе глубокіе корни, только благодаря отсутствію рабства; забывая также, что свободное дворянство, пользующееся политической свободой и отказывающее въ этомъ правѣ другимъ классамъ населенія, попирающее крестьянство, обреченное на рабство,—идетъ къ неминуемой гибели, увлекая за собой всю страну. Въ этомъ, именно, и лежала коренная причина гибели Польши.

Нелѣпая и безчеловѣчная претензія русской партіи пріобрѣсти дворянству исключительныя политическія права, сохранивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостное право, во всей его неприкосновенности—стояла на пути къ освобожденію, и русское дворянство, только въ очень недавнее время, и весьма неохотно, отказавшееся отъ своихъ беззаконныхъ правъ—поплатилась за это тѣмъ, что до сихъ поръ влачитъ свое существованіе подъ игомъ унизительнаго и постыднаго рабства.

Нѣмецкую партію составляло дворянство Балтійскихъ провинцій и всѣ иностранцы, находившіеся на русской службѣ. Изъ нихъ самые вліятельные были: вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, фельдмаршалъ графъ Брюсъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Минихъ и оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій. Въ эту партію входили также и русскіе, возвысившіеся при Петрѣ I и по своему скромному происхожденію не имѣвшіе права разсчитывать на соотвѣтственное положеніе въ русской партіи. Среди этихъ «новыхъ» людей, какъ ихъ называли, самымъ выдающимся по своимъ заслугамъ, уму и энергіи былъ несомнѣнно архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ первоприсутствующій св. Синода личный другъ и одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра I. Затѣмъ шли Головкины, Румянцевы, Чернышевъ и другіе.

Русская же партія состояла изъ всей русской знати за исключеніемъ,—во время царствованія Петра II,—семьи Долгоруковыхъ, которые нисколько не заботились о благахъ государства, были заняты своими личными разсчетами, и поставили себя въ очень невыгодное, совершенно обособленное положеніе.

Самымъ выдающимся человѣкомъ въ русской партіи, признанный ея главой и руководителемъ, былъ старый князь Дмитрій Михайло-

вичъ Голицынъ, старшій братъ фельдмаршала, князя Михайлы [1]). Князь Дмитрій Михайловичъ, такой же безупречно порядочный, какъ и его братъ, имѣлъ всѣ преимущества широкаго ума, большой энергіи и несокрушимой твердости.

Былъ еще въ русской партіи человѣкъ большой ловкости и ума— бывшій вице-канцлеръ, баронъ Шафировъ. По своему иностранному

---

[1]) Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (род. 1665 г., ум. 1738 въ казематѣ Шлиссельб. крѣпости) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своей эпохи по выдающемуся уму, широкому образованію и рѣдкой энергіи. При Петрѣ онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, затѣмъ губернаторомъ въ Кіевѣ. Гордый и независимый, Голицынъ не могъ примиться съ мыслью, что онъ, Гедиминовичъ, долженъ быть «покорнымъ рабомъ». Онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ, хотя и понималъ необходимость для Россіи европейской образованности. Онъ былъ очень просвѣщенный человѣкъ, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и составилъ библіотеку изъ 7,000 томовъ.

Послѣ смерти Петра Великаго Голицынъ сталъ во главѣ старо-боярской партіи, защищавшей права Петра II противъ Екатерины. Соглашеніе между партіями произошло на почвѣ фактическаго ограниченія власти императрицы при посредствѣ Верховнаго тайнаго совѣта. Старо-боярская партія, какъ сообщаютъ иностранцы мечтала освободиться этимъ путемъ отъ тиранніи и возобновить прежніе порядки или учредить форму правленія подобную шведской.

У князя Дм. М. было три брата—Петръ, сенаторъ и подполковникъ Преображенскаго полка, умеръ въ 1722 г., не оставивъ дѣтей, и два брата Михаила, одинъ на десять, другой на двадцать лѣтъ моложе кн. Дмитрія. Старшій Князь Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ, отличный воинъ, но человѣкъ недалекій, отличался благородствомъ и порядочностью. 29 августа 1708 года, послѣ горячей схватки со шведскимъ авангардомъ, предводительствуемымъ самимъ Карломъ (который по разсказамъ къ концу битвы рвалъ на себѣ волосы) и одержанной побѣды, Петръ обнялъ Голицына, произвелъ его въ генералъ-майоры, пожаловалъ Андреевской лентой и обѣщалъ разрѣшить ему все, что только тотъ ни пожелаетъ. Голицынъ испросилъ: уменьшенія налога на соль и помилованіе своего личнаго недоброжелателя князя Никиты Репнина, совершившаго стратегическіе промахи въ битвѣ при Головчинѣ и находившагося подъ судомъ.

Съ этого дня Голицынъ и Репнинъ стали близкими друзьями. Послѣ блестящей финляндской кампаніи въ 1714 г. князь Михаилъ Михайловичъ получилъ отъ Петра крупную сумму. Онъ тотчасъ заказалъ зимнюю обувь для своихъ солдатъ. Доброта его, скромность и крайняя умѣренность въ ѣдѣ (рѣдкое въ ту пору явденіе) были извѣстны всѣмъ, и Петръ настолько уважалъ его, что никогда не заставлялъ пить. Князь Михаилъ Голицынъ, Репнинъ и Шереметевъ имѣли мужество не подписать приговора надъ царевичемъ Алексѣемъ. Михаилъ Михайловичъ дожилъ и пережилъ царствованіе Петра II, который оказывалъ ему очень мало вниманія, тогда какъ мачеха несчастнаго царевича Алексѣя, Екатерина, поспѣшила произвести популярнаго князя Михаила Михайловича въ фельдмаршалы.

Младшій братъ, тоже Михаилъ, до смерти фельдмаршала, т.-е. до 45 лѣтъ, назывался молодымъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ. Онъ былъ человѣкъ сред-

очень скромному происхожденію [1]) и выдающимся заслугамъ передъ Петромъ I, онъ долженъ былъ бы занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ рядахъ «новыхъ» людей, но онъ былъ отодвинутъ въ русскую партію своею ненавистью къ Остерману, своему бывшему секретарю, обошедшему его, и котораго онъ, въ свою очередь, надѣялся смѣстить. Его большой политическій опытъ, глубокое знаніе людей были очень полезны его новымъ друзьямъ. Породнившись черезъ свою невѣстку съ Измайловыми и черезъ зятьевъ съ Долгоруковыми, Салтыковыми, Хованскими и Гагариными, онъ былъ свой въ кругу старой русской аристократіи. Хитрый, вкрадчивый, онъ,—бывшій министръ и любимецъ Петра I,—сумѣлъ войти въ довѣріе и милость царицы Евдокіи... Долгоруковымъ Шафировъ часто давалъ мудрые и осторожные совѣты, которые, къ несчастью, были безполезны... Если бы Петръ II жилъ дольше, старый баронъ, несомнѣнно, смѣстилъ бы Остермана и вновь сдѣлался бы вице-канцлеромъ...

Образъ жизни, въ который Долгоруковы втянули молодого государя въ Москвѣ, отвлекалъ его отъ всякаго серьезнаго занятія и быстро расшатывалъ его здоровье. Онъ любилъ охоту; этимъ пользовались и увлекали его въ далекія охотничьи поѣздки, длившіяся по нѣсколько недѣль. Обширные лѣса, окружавшіе тогда Москву, были соблазнительны для охотника, и этимъ воспользовались, чтобы заставить его утвердить резиденцію въ Москвѣ, что приводило въ отчаяніе нѣмецкую партію и «новыхъ» людей, чувствовавшихъ себя неудобно и неловко въ старой столицѣ, сердцѣ старой Россіи. Частыя и продолжительныя отлучки изъ Москвы, въ которыя вовлекали молодого государя, были средствомъ оградить его отъ всякаго посторонняго вліянія. Долгоруковы одни были постоянно при немъ, окружали его, слѣдили за нимъ, не спуская съ глазъ, и подчиняли своему вліянію совершенно.

Боязнь какого бы то ни было вліянія была такъ сильна, что даже свиданья Петра съ бабкой его, царицей Евдокіей, которую онъ глу-

---

нихъ способностей, но очень порядочный. При Екатеринѣ I онъ былъ президентомъ юстицъ-коллегіи. При Елизаветѣ – посланникомъ въ Персіи, откуда онъ вывезъ персиковыя деревья, неизвѣстныя до тѣхъ поръ въ Россіи, и развелъ ихъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи. Въ ту пору персики были такой рѣдкостью, что въ пріѣзды императрицы Елизаветы въ Москву, и во время коронованія императрицы Екатерины II, Голицынъ, тогда уже генералъ-адмиралъ, являлся во дворецъ съ двумя-тремя корзинами персиковъ, которые очень высоко цѣнились тогда.

[1]) Есть извѣстіе, что въ ранней молодости онъ былъ сидѣльцемъ въ мелочной еврейской лавочкѣ, и фамилія его была Шапиро.

боко почиталъ и окружалъ ласками, казались опасны. При этихъ свиданьяхъ всегда кто-нибудь присутствовалъ.

Остерманъ говаривалъ со слезами на глазахъ: «Государю точно умышленно хотятъ разстроить здоровье и привести его къ смерти!» Остерманъ былъ извѣстенъ своею способностью плакать по желанію, но въ этомъ случаѣ онъ былъ болѣе чѣмъ правъ и говорилъ, какъ умный и преданный человѣкъ.

Всю зиму 1728—1729 года, молодой императоръ, ежедневно, съ ранняго утра отправлялся въ саняхъ въ Измайлово съ любимцемъ своимъ Иваномъ Долгоруковымъ и его отцомъ. Тамъ онъ проводилъ весь день, окруженный одними только Долгоруковыми и ихъ друзьями, выслушивая безконечныя жалобы на нѣмцевъ, захватившихъ, благодаря преобразованіямъ его дѣда, Петра I, бо̀льшую часть власти въ свои руки. Молодой государь становился игрушкой въ рукахъ небольшого кружка жадныхъ эгоистовъ, отдалявшихъ отъ него лучшихъ совѣтниковъ и эксплоатировавшихъ его для личныхъ своихъ выгодъ.

Онъ привязался было къ одному изъ камергеровъ, старшему сыну Дмитрія Голицына, князю Сергѣю, человѣку лѣтъ 30, прекрасно воспитанному и въ высшей степени порядочному. Чтобы отдалить этого опаснаго соперника, — Сергѣя Голицына поторопились отправить въ Берлинъ, представителемъ Россіи.

Я нашелъ въ бумагахъ моего дѣла, списокъ охотничьихъ поѣздокъ Петра въ теченіе 1728—1729 г.г., съ замѣткой, что охоты, продолжавшіяся менѣе четырехъ дней, въ немъ не отмѣчены, такъ какъ бывали слишкомъ часты:

Въ 1728 г. —	отъ 7 —	до 19 мая	. . . . 12 дней.
»	отъ 21 мая —	до 14 іюня	. . . 24 »
»	» 30 іюня —	» 10 іюля	. . . 10 »
»	» 7 сент. —	» 3 октяб.	. . 26 »
»	» 14 окт. —	» 7 ноября	. . 24 »

(Эта охота продлилась бы дольше, если бы онъ не получилъ извѣстія о тяжелой болѣзни сестры, Натальи Алексѣевны, умершей 22 ноября).

Въ 1729 г. —	отъ 1 —	до 23 марта	. . . . 22 дня.
»	» 20 —	до 24 апрѣля	. . . 4 »
»	» 5 іюля —	до 29 августа	. 55 »
»	» 31 авг. —	» 4 сент.	. . 4 »
»	» 8 сент. —	» 9 ноября	. 62 »

Итакъ, съ февраля 1728 до ноября 1729 г., въ теченіе 21 мѣсяца—243 дня, т.-е. восемь мѣсяцевъ, не считая мелкихъ охотъ въ 2 и 3 дня!—Гдѣ же тутъ было думать объ ученьи и о занятіяхъ государственными дѣлами. Члены дипломатическаго корпуса почти не видѣли государя и очень на это жаловались. Только хитрому интригану, герцогу де-Лиріа [1]), угодливо втиравшемуся въ довѣріе къ Долгоруковымъ, удавалось иногда видѣть государя, невидимаго для всѣхъ, кто не принадлежалъ къ интимному кружку фаворита. Увлеченіе охотой доходило до того, что Петръ не только присутствовалъ лично при кормленіи собакъ, но иногда собственноручно варилъ имъ пищу—а ему ужъ было 14 лѣтъ и онъ былъ очень уменъ и развитъ не по лѣтамъ.

Въ семьѣ Долгоруковыхъ шли серьезныя разногласія. Старый фельдмаршалъ, князь Василій Владиміровичъ, человѣкъ отсталый, но честный и прямой, очень преданный царицѣ Евдокіи, изъ-за несчастнаго сына которой ему пришлось много пострадать, хотѣлъ подчинить молодого императора вліянію его бабки, т.-е. другими словами вліянію барона Шафирова, т. к. престарѣлая царица была не умна и ничего не понимала въ дѣлахъ [2]).

---

[1]) Испанскій посланникъ герцогъ де Лиріа былъ ярый католикъ. Отецъ его былъ маршалъ Бервикскій Яковъ Фицъ-Джемсъ, незаконный сынъ англійскаго короля Іакова II и Арабеллы Черчиль. Семнадцати лѣтъ молодой герцогъ Бервикскій сопровождалъ въ изгнаніе своего отца короля Іакова. Впослѣдствіи онъ былъ французскимъ маршаломъ и командовалъ испанской арміей. Людовикъ XIV подарилъ ему помѣстья Варти, возведенныя въ герцогство Фицъ-Джемсъ.

Филиппъ V сдѣлалъ его грандомъ испанскимъ и подарилъ ему земли въ Валенсіи, давшія ему право титуловаться герцогомъ де Лиріа.

Сыну его молодому герцогу де Лиріа было тридцать два года, когда онъ пріѣхалъ въ Россію. Его огромное состояніе давало ему возможность жить широко Кровь королей Стюартовъ, текшая въ его жилахъ дѣлала его положеніе при Европейскихъ дворахъ исключительнымъ. Онъ былъ фанатикомъ религіи, которой его дѣдъ пожертвовалъ тремя британскими коронами. Онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ Долгоруковыми, находившимися тогда у власти. Около этого времени вернулась въ Россію моя прапрабабка княгиня Ирина Долгорукова, женщина очень умная и живая, принявшая католицизмъ и фанатично преданная своей новой религіи. Съ ней вмѣстѣ пріѣхалъ въ качествѣ воспитателя ея дѣтей іезуитъ, аббатъ Жюбе, вошедшій въ дружбу съ де Лиріа и назначенный священникомъ при испанскомъ посольствѣ, сохраняя должность воспитателя дѣтей моей прапрабабки.

[2]) Фельдмаршалъ Василій Владимировичъ родился въ 1667 г. и умеръ въ 1746 г. Произведенъ въ фельдмаршалы въ 1728 году. Человѣкъ недалекій, но въ высшей степени порядочный и отличавшійся на полѣ сраженія самой неподдѣльной храбростью. Братъ его Михаилъ Владиміровичъ, сибирскій губернаторъ, былъ напыщенъ, глупъ и мало образованъ.

Князь Василій Лукичъ, человѣкъ очень умный, ловкій и двуличный, ухаживалъ за своимъ двоюроднымъ братомъ Алексѣемъ и сыномъ послѣдняго, Иваномъ, любимцемъ царя. Понимая ничтожность отца и сына, онъ надѣялся подчинить ихъ своему вліянію и при ихъ помощи осуществить свои честолюбивыя мечты [1]).

Опаснымъ соперникомъ онъ считалъ брата Алексѣя, кн. Сергѣя Григорьевича, который имѣлъ хорошаго руководителя въ лицѣ своего тестя Шафирова. При помощи герцога де-Лиріа и іезуитовъ Василій Лукичъ затѣялъ цѣлую сѣть интригъ, изъ которыхъ самой крупной, былъ планъ востановленія патріаршаго сана, съ тѣмъ чтобы возвести въ этотъ санъ князя Якова Петровича Долгорукова (брата моего прапрадѣда) круглаго дурака, которымъ надѣялись вертѣть по желанію.

Но удивительнѣе и непонятнѣе всего была глупая зависть князя Алексѣя Григорьевича къ возвышенію своего собственнаго сына Ивана! Отношенія отца и сына испортились со времени приближенія послѣдняго къ императору.

---

[1]) Князь Василій Лукичъ, племянникъ извѣстнаго Якова Долгорукаго, не унаслѣдовалъ прямоты и мужества своего дяди, осмѣливавшагося противорѣчить и говорить правду въ глаза Петру Великому. Въ молодости Василій Лукичъ былъ секретаремъ русскаго посольства при Людовикѣ XIV. Онъ навсегда сохранилъ привычки и манеры французскихъ придворныхъ. Петръ I, хорошо различавшій людей, давалъ Василію Лукичу самыя сложныя и тонкія порученія. Долгоруковъ былъ посломъ въ Копенгагенѣ во время Сѣверной войны. Былъ посломъ во Франціи, во время регентства, и съ большимъ блескомъ представлялъ Россію во время коронованія Людовика XV. Былъ посломъ въ Варшавѣ и ѣздилъ съ секретной миссіей въ Курляндію. Во Франціи Василій Лукичъ сблизился съ іезуитами и обѣщалъ имъ свое содѣйствіе къ разрѣшенію имъ въѣзда въ Россію и распространенію ихъ пропаганды.

Князь Алексѣй Григорьевичъ былъ старшій сынъ извѣстнаго дипломата Григорія Ѳедоровича Долгорукова и племянникъ князя Якова. Человѣкъ очень глупый, грубый, мало образованный и всегда низкопоклонничавшій.

Кромѣ старшаго сына Ивана, у него было три сына: Николай, Алексѣй и Александръ—всѣ трое были совершенно ничтожные люди.

Князь Иванъ Алексѣевичъ провелъ свое дѣтство въ домѣ дѣда Григорія Ѳедоровича, бывшаго посломъ въ Варшавѣ. Воспитатель Ивана, нѣкто Фикъ, человѣкъ очень образованный, не сумѣлъ передать своему воспитаннику ни своихъ знаній, ни культурныхъ привычекъ. Какъ бо́льшая часть молодыхъ людей того времени, князь Иванъ пріобрѣлъ только внѣшній лоскъ. Несмотря на свой живой умъ и доброе сердце, онъ былъ легкомысленный, развращенный и ничтожный человѣкъ, не сумѣвшій достойно воспользоваться своимъ безграничнымъ вліяніемъ на молодого государя.

Изъ трехъ братьевъ Алексѣя: Сергѣя, Ивана и Александра два послѣдніе были совершенно ничтожными людьми. Сергѣй былъ уменъ, очень честолюбивъ и неразборчивъ въ средствахъ. У него былъ прекрасный совѣтникъ въ лицѣ его тестя стараго барона Шафирова.

Князь Иванъ не всегда сопровождалъ государя на охоту; иногда онъ оставался въ Москвѣ и велъ самый непристойный образъ жизни. По ночамъ, окруженный сбродомъ негодяевъ, вооруженный, онъ разъѣзжалъ по улицамъ Москвы, вламывался въ дома, совершалъ самыя гнусныя насилія и никто не смѣлъ ни оказать сопротивленія, ни пожаловаться на царскаго фаворита. Въ то же время отецъ его, нисколько не огорчавшійся его гнуснымъ поведеніемъ и называвшій такіе подвиги «молодечествомъ», старался умалить его вліяніе на государя и снискать милость младшему своему сыну, Николаю, пустому и глупому пятнадцатилѣтнему малому.

Иванъ Долгоруковъ забывался совершенно; онъ былъ въ связи съ женой Никиты Трубецкого, дочерью канцлера Головкина. Какъ-то разъ въ домѣ у Трубецкихъ, будучи навеселѣ, онъ поссорился съ мужемъ своей возлюбленной — повидимому весьма предупредительнымъ—и въ припадкѣ ярости, выбросилъ бы его изъ окна, еслибы Степанъ Лопухинъ не вмѣшался въ это дѣло.

Смерть великой княжны Натальи Алексѣевны (22 ноября 1728 г.), горячо любимой государемъ, уничтожила послѣднее препятствіе къ его полному подчиненію вліянію Долгоруковыхъ. У послѣднихъ зародилась мысль женить императора на сестрѣ Ивана, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Ей было восемнадцать лѣтъ—Петру четырнадцать [1]). Она была очень хороша собой, высокая, стройная, съ прекрасными выразительными глазами и тучей темныхъ чудесныхъ волосъ. Въ ней было много ума, но чрезвычайная надменность, рѣзкость искажали ея характеръ—цѣльный, энергическій, но злой. Позже, въ Березовѣ, ея рѣзкость и несдержанность навлекли не мало бѣдъ на всю семью. Она любила графа Миллезимо, секретаря австрійскаго посольства, родственника посланника графа Вратислава. Этотъ бракъ былъ почти рѣшенъ, но къ ея несчастью отецъ и братъ ея лелѣяли другіе планы [2]).

Во время послѣдней охоты Петра II, длившейся около двухъ мѣсяцевъ, мѣстомъ отдыха для охотниковъ служили Горенки, имѣніе князя Алексѣя Долгорукова. Семья его находилась тамъ же. Зачастую и дамы сопровождали государя на охоту. Какъ-то, въ сентябрѣ, въ одну изъ этихъ поѣздокъ, послѣ веселаго ужина, за которымъ было много выпито, государя оставили съ княжной наединѣ...

---

[1]) Петръ II, родился 12 октября 1715 г. за нѣсколько дней до смерти своей матери принцессы Шарлоты Софіи Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской.

[2]) Князь Иванъ, какъ выяснено проф. Д. А. Корсаковымъ, былъ противъ этого брака сестры съ императоромъ и замыслы отца, не стѣсняясь, называлъ «глупостями». Въ Горенки онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить.

Петръ II былъ рыцарь и рѣшилъ жениться. Слухи о помолвкѣ распространились быстро. Вскорѣ вся Москва объ этомъ говорила. Всѣ были очень недовольны, враги Долгоруковыхъ пришли въ ужасъ. Наконецъ, девятаго ноября государь вернулся въ Москву и 19-го объявилъ генералитету о своемъ намѣреніи жениться на княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой. Два дня спустя оберъ-церемонимейстеръ баронъ Габигшталь былъ посланъ къ представителямъ иностранныхъ державъ, чтобы объявить имъ эту новость, а на слѣдующій день дипломатическій корпусъ принесъ свои поздравленія государю и его невѣстѣ. Графъ Миллезимо не присутствовалъ, подъ предлогомъ болѣзни, а черезъ двѣ недѣли австрійскій посланникъ графъ Вратиславъ отправилъ его курьеромъ въ Вѣну.

Двадцать четвертаго ноября, въ день имянинъ невѣсты, дворъ, дипломатическій корпусъ и вся московская знать приносили поздравленія въ Головинскомъ дворцѣ, предназначенномъ для резиденціи невѣсты и ея семьи. 30 ноября состоялось обрученіе въ Лефортовскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ императоръ.

Царскимъ указомъ повелѣвалось именовать княжну государыней невѣстой и императорскимъ высочествомъ. Ко двору ея назначены были фрейлины.

Долгоруковы очень хорошо понимали тяжелое впечатлѣніе, которое должна была произвести эта помолвка, знали о всеобщемъ раздраженіи и приняли всѣ мѣры предосторожности ко дню торжественнаго обрученія 30-го ноября 1729 г. Цѣлый баталіонъ Преображенскаго полка, въ двѣсти человѣкъ былъ въ этотъ день введенъ въ Лефортовскій дворецъ и расположенъ частью въ торжественномъ залѣ, гдѣ происходила церемонія, частью въ прилегающихъ покояхъ. Всѣ эти мѣры были приняты Иваномъ Долгоруковымъ безъ вѣдома старшаго подполковника Преображенскаго полка, стараго фельдмаршала, князя Василія Владиміровича Долгорукова, который былъ немало удивленъ, увидѣвъ во дворцѣ солдатъ своего полка. Князь Иванъ отдалъ это приказаніе, не имѣя на то никакого права, младшему изъ подполковниковъ Преображенскаго полка, Григорію Юсупову, и этотъ низкій придворный, позволявшій себя третировать и отзывавшійся на грубый окрикъ Алексѣя Долгорукова— «Эй, ты, татаринъ!»—поторопился исполнить незаконное требованіе фаворита.

Въ три часа дня дворъ, генералитетъ и дипломатическій корпусъ собрались въ залѣ Лефортовскаго дворца. Во всю залу былъ разостланъ персидскій коверъ и посерединѣ возвышался столъ, покрытый

алымъ сукномъ; на немъ стояло тяжелое золотое блюдо съ крестомъ и, на золотыхъ тарелкахъ обручальныя кольца, усыпанныя брилліантами.

Невѣста прибыла изъ Головинскаго дворца съ большой торжественностью. Всѣ кареты были запряжены шестеркой цугомъ: впереди ѣхали камергеры въ двухъ каретахъ, за ними карета оберъ-камергера, князя Ивана Долгорукова--за ней четыре скорохода, шталмейстеръ Кошелевъ—верхомъ, четыре конныхъ гренадера и четыре фельдъегеря. Наконецъ карета, въ которой ѣхали—невѣста, ея мать и двѣ сестры: Анна (19 лѣтъ) и Елена (14 лѣтъ) [1]. Карета была окружена пѣшими гайдуками, пажами и камеръ-пажами—верхомъ. Затѣмъ слѣдовали нѣсколько каретъ, въ которыхъ ѣхали родные невѣсты, ея фрейлины и четыре кавалерственныя дамы: баронесса Остерманъ, рожд. Стрѣшнева, Ягужинская, рожд. Головкина, княгиня Черкасская, рожд. Трубецкая и Чернышева, рожденн. Ржевская.

Когда золотая карета невѣсты, украшенная сверху императорской короной, въѣзжала въ ворота дворца, корона зацѣпилась за перекладину, упала на мостовую и разбилась въ куски. Въ толпѣ закричали: «Дурная примѣта, свадьбѣ не бывать!»

Дворцовая стража салютовала невѣстѣ, встрѣченной при выходѣ изъ кареты оберъ-гофмаршаломъ Шепелевымъ и оберъ-церемонимейстеромъ барономъ Габигшталемъ. При входѣ въ залъ ее встрѣтили: царица Евдокія, великая княжна Елизавета Петровна, царевна Прасковія, герцогиня Мекленбургская и маленькая принцесса Мекленбургская (впослѣдствіи правительница Анна Леопольдовна).

Невѣста и царица Евдокія заняли мѣста въ креслахъ, великая княжна Елизавета Петровна, царевна Прасковья Ивановна и принцессы—на стульяхъ. Мать невѣсты, ея сестра, тетки, кузины, всѣ ея фрейлины и четыре кавалерственныя дамы стояли за ея креслами во время всей службы, также какъ и всѣ приглашенные, не исключая и членовъ дипломатическаго корпуса (въ томъ числѣ три посланника)—съ ихъ супругами.

Дипломатическій корпусъ стоялъ противъ дамъ, съ правой строны креселъ императора; слѣва стояли фельдмаршалы — Голицынъ, Трубецкой и Брюсъ, члены Верховнаго Совѣта: князь Дмитрій Голицынъ, князья Василій Владиміровичъ и Михаилъ Владиміровичъ Долгоруковы, дѣйствительные тайные совѣтники графъ Мусинъ-Пуш-

---

[1]) Княжна Анна Долгорукова умерла незамужней въ 1758 г. Княжна Елена, по возвращеніи изъ ссылки, вышла замужъ за князя Георгія Юрьевича Долгорукова, племянника фельдмаршала. Умерла 84 лѣтъ въ 1799 г.

кинъ и князь Рамодановскій, генералъ графъ Матюшкинъ, оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій, восемь сенаторовъ; всѣ Долгоруковы, находившіеся въ Москвѣ, и всѣ генералы дѣйствительной службы, бывшіе въ Москвѣ.

У стола стоявшаго посерединѣ, архіепископъ Ѳеофанъ, окруженный архіереями и архимандритами, собирался начать торжественное богослуженіе; за два съ половиной года передъ тѣмъ, не менѣе торжественно, онъ совершалъ обрученіе Петра II, съ княжной Маріей Меншиковой, о смерти которой только что пришла вѣсть изъ Березова.

Императоръ, прибытіе котораго было возглашено оберъ-камергеромъ, вошелъ въ сопровожденіи фельмаршала Долгорукова, Алексѣя Григорьевича Долгорукова, канцлера Головкина и вице-канцлера Остермана. Онъ занялъ мѣсто въ предназначенныхъ для него креслахъ, насупротивъ невѣсты, и, пробывъ такъ нѣсколько мгновеній, всталъ и подвелъ княжну подъ торжественный балдахинъ, поддерживаемый шестью генералами: княземъ Барятинскимъ, Венедигеромъ, Бибиковымъ, Измайловымъ, Кейтомъ и Еропкинымъ. Архіепископъ Ѳеофанъ совершилъ богослуженіе и благословилъ обручальныя кольца.

Обрученные подошли подъ благословеніе царицы Евдокіи и затѣмъ началась долгая церемонія цѣлованія руки императора и государыни невѣсты. Цесаревна Елизавета Петровна, герцогиня Мекленбургская, ея дочь, царевна Прасковья, должны были почтительно подходить къ рукѣ княжны Долгоруковой.

Блѣдное, усталое лицо княжны сохраняло все время выраженіе надменнаго презрѣнія. Церемонія цѣлованія руки сопровождалась пушечными выстрѣлами. По окончаніи, послѣдовали фейерверки, затѣмъ начался балъ, длившійся не долго, благодаря крайней усталости невѣсты.

Государыня невѣста отбыла въ Головинскій дворецъ съ тѣмъ же церемоніаломъ, съ какимъ прибыла къ обрученью. Но теперь оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій лично эскортировалъ ту, которая, казалось, должна была вскорѣ стать императрицей.

Свадьба была назначена семь недѣль спустя—19 января 1730 г.

Молодой императоръ казался грустнымъ, подавленнымъ. Какъ ни хороша была его невѣста, онъ ея не любилъ, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія жениться и, несмотря на свой четырнадцатилѣтній возрастъ, дѣйствовалъ, какъ дѣйствовалъ бы человѣкъ взрослый, рѣшившійся, цѣной своей руки, покрыть минутную потерю самообладанія...

Отношеніе Петра II къ своей невѣстѣ было тѣмъ болѣе достойно, что княжна его не заслуживала, онъ былъ къ ней безупречно

почтителенъ, хотя говорилъ мало и казался разсѣяннымъ. Въ эти послѣднія пять недѣль, протекшія между обрученіемъ и его болѣзнію, онъ казался утомленнымъ говорилъ часто о предчувствіи близкой кончины, о томъ что онъ равнодушенъ къ смерти. Это говорилось четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, развитымъ не по лѣтамъ и умственно и физически, сильнымъ, здоровымъ, неограниченнымъ властителемъ обширнѣйшаго государства Европы...

Народъ любилъ Петра II, зналъ его доброту, любовался его благородной красотой; любилъ въ немъ послѣдній отпрыскъ Романовыхъ, царствовавшихъ болѣе ста лѣтъ, радовался его любви къ Москвѣ бѣлокаменной и отвращенію къ нелюбимому Петербургу. Народъ не зналъ ни придворныхъ интригъ, ни характера княжны Долгоруковой и ея родныхъ, и искренне радовался, что государь «наше красное солнышко», какъ называли Петра II, женится, какъ встарь, на своей, на русской, православной, и переноситъ опять столицу въ Москву...

Въ обществѣ, напротивъ, недовольство росло; довольные перенесеніемъ столицы въ Москву, не могли примириться съ мыслью о предстоящемъ бракѣ императора съ княжной Долгоруковой.

Долгоруковыхъ знали и опасались за ближайшее будущее правительства, руководимаго ими; высокомѣріе ихъ раздражало, приводило въ отчаяніе окружающихъ, тѣмъ сильнѣе, что приходилось прятать горькія и злобныя чувства, казаться любезнымъ и довольнымъ...

Въ семьѣ невѣсты царила радость и торжество неописуемыя, которыхъ не считали даже нужнымъ скрывать. Князь Алексѣй Григорьевичъ получилъ отъ императора 12,000 крестьянскихъ дворовъ, т.-е. около сорока тысячъ душъ. Австрійскій посланникъ, графъ Вратиславъ, желавшій сохранить добрыя отношенія Австріи съ Россіей, обѣщалъ выхлопотать отцу невѣсты, вмѣстѣ съ титуломъ герцога и князя священной имперіи—герцогство Козельское, въ Силезіи когда-то обѣщанное Меншикову.

Каждый Долгоруковъ выражалъ свою радость по своему, въ зависимости отъ степени своего ума,—съ бóльшей или меньшей заносчивостью: Алексѣй, всегда и во всемъ глупый, заставлялъ гостей своихъ цѣловать себѣ руку...

Катастрофа надвигалась быстро... Во вторникъ, 6 января 1730 г., въ день крещенья при обычной церемоніи водосвятія, два полка, Семеновскій и Преображенскій подъ командою фельдмаршала Долгорукова, были выстроены на льду, на Москвѣ-рѣкѣ. Государыня-невѣста пріѣхала въ раззолоченыхъ саняхъ, запряженныхъ шестеркой цугомъ; государь стоялъ на запяткахъ. Ихъ сопровождалъ эскадронъ кавалер-

гардовъ и многочисленная свита. Императоръ сѣлъ на лошадь и сталъ во главѣ Преображенскаго полка. Богослуженіе и парадъ длились долго; былъ сильный морозъ, дулъ рѣзкій вѣтеръ.

Наканунѣ Петръ II произвелъ Ивана Долгорукова въ майоры Преображенскаго полка. Это была послѣдняя милость, оказанная фавориту.

По возвращеніи во дворецъ, государь жаловался на головную боль. На слѣдующее утро, въ среду, у него открылась оспа, сначала очень легкая.

Черезъ недѣлю, въ четвергъ, 15 января, бюллетень на имя дипломатическаго корпуса и депеши, посланныя представителямъ при иностранныхъ державахъ, объявляли болѣзнь благополучно разрѣшившеюся и здоровье государя—внѣ опасности. Но въ тотъ же день онъ совершилъ ужасную неосторожность, подошедъ къ открытому окну, чтобы подышать морознымъ воздухомъ. Болѣзнь возобновилась и на спасеніе не стало никакой надежды.

Народъ былъ пораженъ. Дворъ озабоченъ, и встревоженъ будущимъ. Долгоруковы приходили въ отчаяніе.

Днемъ въ субботу, 17 января, Долгоруковы—Алексѣй съ сыномъ Иваномъ, два брата Алексѣя: Сергѣй и Иванъ и Василій Лукичъ, сидѣли въ нижнихъ покояхъ Головинскаго дворца, въ спальнѣ Алексѣя Григорьевича и смущенные, встревоженные обсуждали положеніе. Алексѣй, первый высказалъ громко вопросъ, который былъ у всѣхъ на умѣ: «кого слѣдуетъ возвести на престолъ?» Хитрый Василій Лукичъ отвѣтилъ неопредѣленнымъ: «какъ ты думаешь?» Тогда Алексѣй Григорьевичъ заявилъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ составить завѣщаніе въ пользу его дочери невѣсты государя. Осторожный Василій Лукичъ колебался, находя это опаснымъ, но когда Сергѣй Григорьевичъ присоединился къ мнѣнію брата—Василій Лукичъ, боясь возраженіями скомпрометировать себя въ глазахъ братьевъ, перемѣнилъ тонъ и показалъ письмо полученное имъ отъ датскаго посланника барона Вестфалена [1]). Въ этомъ письмѣ Вестфаленъ писалъ: ...«говорятъ о безнадежномъ положеніи Императора. Если бы онъ скончался, кому перейдетъ престолъ? Воцареніе великой княжны Елисаветы было бы непріятно его королевскому величеству. Вы должны были бы позаботиться о возведеніи на престолъ племянницы Вашей, невѣсты императора. Послѣ смерти Петра I, Меншикову и Толстому удалось короновать Екатерину»...

Это письмо уничтожило послѣднія колебанія. Рѣшено было соста-

[1]) Баронъ Вестфаленъ—очень образованный и умный человѣкъ, но скряга. Изъ скупости онъ никого не принималъ, нигдѣ не бывалъ и, благодаря своему уединенію, не былъ въ достаточной мѣрѣ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ.

вить фальшивое завѣщаніе, и если бы не удалось заставить государя его подписать (и, такимъ образомъ, узаконить); Иванъ, умѣвшій имитировать почеркъ Петра, долженъ былъ его подписать. Василія Лукича просили составить текстъ завѣщанія, но онъ былъ слишкомъ тонокъ и хитеръ, чтобы согласиться, своей рукой написать такой компрометирующій документъ; онъ сослался на свой неразборчивый почеркъ, и завѣщаніе, составленное словесно имъ самимъ и княземъ Алексѣемъ, было написано въ двухъ экземплярахъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ.

Во время заговора въ Головинскій дворецъ пріѣхалъ фельдмаршалъ Долгоруковъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ былъ внѣ себя отъ негодованія. Алексѣй, съ увѣренностью глупости увѣрялъ его, что можно увлечь весь Преображенскій полкъ, въ виду того, что Иванъ маіоръ этого полка, а кн. Василій Владиміровичъ старшій подполковникъ, что къ Преображенскому полку, можно привлечь и Семеновскій и обратиться также къ князю Дмитрію Голицыну и Канцлеру Головкину... «Что вы рэбячье врете!» закричалъ фельдмаршалъ; по его мнѣнію не только увлечь полкъ на такое дѣло было нельзя, но и говорить съ полкомъ объ этомъ значило рисковать жизнью. Къ тому же онъ напомнилъ, что княжна не жена императора, а только его невѣста, что присягать ей никто не станетъ, начиная съ него самого. Въ заключеніе своей рѣчи онъ сказалъ, что предпочитаетъ высказать это все сейчасъ, не вводя ихъ въ грѣхъ, такъ какъ лгать и обманывать было не въ его привычкѣ. Высказавъ это все, старикъ всталъ и уѣхалъ. Его разумныя слова не привели ни къ чему. Князь Василій Лукичъ и князь Сергѣй, люди умные, не могли не понимать опасности той страшной игры, которую затѣяли, но ослѣпленные честолюбіемъ и жаждой власти катились по наклонной плоскости.

Иванъ подписалъ подъ однимъ изъ завѣщаній *Петръ*, совершивъ явный подлогъ. Онъ поѣхалъ во дворецъ, надѣясь еще заставить государя подписать второй экземпляръ и быть избавленнымъ отъ необходимости предъявлять фальшивый. Ему ничего не удалось сдѣлать. Весь вечеръ въ субботу и всю ночь Остерманъ не выходилъ изъ спальни больного. На слѣдующій день, въ воскресенье, Петръ потерялъ сознаніе. Смерть приближалась быстро. Минула полночь. Насталъ понедѣльникъ, 19 января—день предполагавшейся свадьбы. Въ половинѣ второго ночи Петръ скончался, не приходя въ сознаніе. Остерманъ и Иванъ Долгоруковъ были при немъ.

Петру было четырнадцать лѣтъ и три мѣсяца; царствованіе его продолжалось два года и восемь мѣсяцевъ. съ нимъ пресѣклось мужское поколѣніе дома Романовыхъ въ прямой нисходящей линіи.

ГЛАВА III.

Вступленіе на престолъ Анны Іоанновны и верховники.

Петръ II скончался въ половинѣ второго, въ ночь съ 18-го на 19 января. Многіе изъ сановниковъ всю ночь не покидали дворца; другіе ежечасно засылали гонцовъ узнавать о состояніи государя. Къ пяти часамъ утра дворецъ былъ полонъ народа.

Князь Алексѣй Григорьевичъ попробовалъ было заявить присутствующимъ о завѣщаніи государя, но встрѣтилъ самый единодушный отпоръ. Верховный совѣтъ удалился во внутренніе покои, чтобы обсудить положеніе дѣлъ.

Верховный тайный совѣтъ состоялъ изъ шести членовъ, обыкновенно называвшихся верховниками. Это были: канцлеръ Головкинъ, вице-канцлеръ Остерманъ, князь Дмитрій Голицынъ и три Долгорукова—Василій Лукичъ, князь Алексѣй Григорьевичъ, отецъ фаворита, и князь Михаилъ Владиміровичъ, сибирскій губернаторъ братъ фельдмаршала. Остерманъ остался у тѣла государя, присутствовалъ при омовеніи и облаченіи его, самъ распорядился уложить въ гробъ

и выставить въ торжественномъ залѣ дворца. Члены Верховнаго Совѣта собрались въ засѣданіе. Рѣшено было послать еще за фельдмаршаломъ Голицынымъ;—ни онъ, ни кн. Василій Владиміровичъ Долгоруковъ не были членами Верховнаго совѣта, но оба фельдмаршала были подполковники, одинъ—Преображенскаго, другой—Семеновскаго полка и ихъ содѣйствіе было необходимо новому правительству.

Пошли просить и Остермана, но тотъ пришелъ только на минуту и со своей обычной тонкостью заявилъ, что онъ, какъ иностранецъ, не считаетъ себя вправѣ принимать участіе въ совѣщаніи, въ которомъ будутъ располагать короною Россійской имперіи, прибавивъ, что подчинится мнѣнію большинства. Сказавъ это, онъ опять ушелъ къ тѣлу императора.

Верховники размѣстились вокругъ большого стола подъ предсѣдательствомъ стараго канцлера Головкина, кашлившаго, дрожавшаго и боявшагося остановиться на какомъ бы то ни было рѣшеніи. Правитель дѣлъ Верховнаго совѣта, Степановъ, готовился писать протоколъ. Я опишу это историческое засѣданіе, согласно запискѣ, найденной мною въ бумагахъ моего дѣда, и составленной имъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ князя Василія Михайловича Долгорукова (Крымскаго), племянника фельдмаршала.

Засѣданіе велъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Смыслъ его рѣчи былъ слѣдующій:—нѣсколько часовъ передъ тѣмъ угасла мужская линія императорской династіи; законныхъ наслѣдниковъ у императора Петра I больше нѣтъ; считаться съ его незаконными дѣтьми нечего; завѣщаніе Екатерины не дѣйствительно; Екатерина сама, какъ женщина низкаго происхожденія (выраженія его были крайне рѣзки) не имѣла права занимать престола, и тѣмъ менѣе располагать Россійской короной. Завѣщаніе покойнаго императора, только что предъявленное,—фальшиво.

Здѣсь Василій Лукичъ хотѣлъ его перебить, но фельдмаршалъ Долгоруковъ остановилъ его, заявивъ, что завѣщаніе это дѣйствительно фальшиво, что справедливѣе всего было бы возвести на престолъ царицу Евдокію (фельдмаршалъ былъ личный другъ царицы и преданъ ей всецѣло).

Голицынъ продолжалъ. Доводъ въ пользу царицы Евдокіи онъ отклонилъ, заявивъ, что отдавая должное достоинствамъ царицы, не можетъ не признать, что она только вдова государя, тогда какъ есть три дочери царя Ивана, за коими всѣ законныя права. Выборъ Екатерины Ивановны—затруднителенъ; за ней онъ признавалъ всѣ до-

Графъ Кириллъ Петровичъ
Разумовскій.
Работы Баттони 1766 года. Таврическій дворецъ.

Худож. фототип. К. А. Фишера

стоинства, но супруга ея герцога Мекленбургскаго [1]) считалъ злымъ и опаснымъ глупцомъ. Кандидатура герцогини курляндской Анны Іоанновны, по его мнѣнію, была наиболѣе желательна.

Кн. Василій Лукичъ поспѣшилъ согласиться. Онъ былъ одно время резидентомъ въ Митавѣ, былъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль очень близокъ съ герцогиней и надѣялся, возобновивъ дружбу, подчинить ее своему вліянію.

Совѣтъ согласился на избраніе Анны Іоанновны. Тогда Голицынъ заявилъ, что на комъ бы выборъ ни остановился «*надобно себѣ полегчить—чтобы воли себѣ прибавить*». Осторожный Василій Лукичъ усумнился: «*Хоть и зачнемъ это, но не удержимъ*». «*Неправда, удержимъ!*» воскликнулъ Голицынъ.

Постановлено было избрать герцогиню курляндскую, ограничивъ императорскую власть. Засѣданіе кончилось и члены верховнаго совѣта отправились въ залъ объявить всѣмъ присутствующимъ великую вѣсть. Большинство встрѣтило съ сочувствіемъ проектъ ограниченія самодержавной власти; иностранцы и нѣмцы хмурились; архіепископъ Ѳеофанъ напомнилъ верховникамъ о завѣщаніи Екатерины въ пользу малолѣтняго герцога Голштинскаго и его тетки в. к. Елизаветы Петровны—и вызвалъ рѣзкое замѣчаніе, Дмитрія Голицына, сказанное въ непередаваемыхъ выраженіяхъ, по адресу «незаконныхъ дѣтей Петра I».

Въ тотъ же день, въ 9 часовъ утра всѣ члены генералитета, бывшіе въ Москвѣ, высшее духовенство, дворъ и вся московская знать—были собраны, по приглашенію, въ Лефортовскомъ дворцѣ.

Дмитрій Голицынъ произнесъ рѣчь, достойную и не лишенную краснорѣчія. Онъ объявилъ рѣшеніе верховнаго совѣта избрать герцогиню курляндскую на условіяхъ ограниченія самодержавія. Это не встрѣтило сочувствія членовъ нѣмецкой партіи и «новыхъ людей», но молчаливое недовольство ихъ прошло незамѣченнымъ, при бурной радости большинства людей старой русской партіи. Изъ нихъ приверженцами неограниченной власти оказался только небольшой кружокъ лицъ, лично преданныхъ герцогинѣ курлянской: Салтыковы [2]), Трубецкіе, Головкины, старый князь Рамодановскій; всѣ остальные жаждали свободы, и намъ теперь совершенно непонятны неосторож-

[1]) Злой нравъ герцога принудилъ Екатерину Іоанновну покинуть мужа и вернуться въ Россію.

[2]) Мать Анны Іоанновны, царица Прасковья Ѳедоровна была рожденная Салтыкова.

ность и ослѣпленіе членовъ Верховнаго Совѣта, задумавшихъ замѣнить самодержавную власть одного лица, властью еще болѣе тяжелой и беззаконной—властью двухъ княжескихъ фамилій: Голицыныхъ и Долгоруковыхъ: на восемь членовъ Верховнаго Совѣта (включая двухъ фельдмаршаловъ, приглашенныхъ на засѣданіе 19 января) было четыре Долгоруковыхъ и два Голицына.

Въ то же утро Верховный Совѣтъ собрался вновь и составилъ конституціонный актъ, подлинникъ котораго утерянъ [1]) или во всякомъ случаѣ, о существованіи его ничего неизвѣстно. Нѣсколько текстовъ его были извлечены изъ донесеній иностранныхъ резидентовъ и напечатаны. Въ примѣчаніи я привожу эти варіанты [2]).

---

[1]) Авторъ ошибается: этотъ историческій документъ, сперва подписанный, а затѣмъ разорванный императрицей Анной, находится въ Государственномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

Приводимъ пункты «Кондицій».

— Безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія (обѣщаемся): 1.—Ни съ кѣмъ войны не вчинять. 2.—Миру не заключать. 3.—Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податьми не отягощать. 4.—Въ знатные чины, какъ статскіе, такъ и военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять.—Гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта. 5.—У шляхетства живота и имѣнія безъ суда не отнимать. 6.—Вотчины и деревни не жаловать. 7.—Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить. 8.—Государственные доходы въ расходъ не употреблять.

(Внѣ нумераціи). И всѣхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде сего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны.

[2]) Изъ донесенія французскаго резидента Маньяна:

1. Императрица должна совѣтоваться съ Верховнымъ Совѣтомъ во всѣхъ дѣлахъ государственнаго управленія.

2. Не должна объявлять войну, ни заключать миръ безъ совѣта Верховнаго Совѣта.

3. Не должна налагать никакихъ податей безъ согласія В. С.

4. Не должна назначать на высокія должности, ни производить въ чины выше пятаго класса, безъ согласія В. С.

5. Не должна ни ссылать, ни казнить, безъ предварительнаго суда.

6. Ни конфисковать имущества, безъ приговора суда.

7. Никакого имущества, принадлежащаго казнѣ, не жаловать безъ согласія В. С.

8. Безъ согласія В. С. императрица не можетъ ни выйти замужъ, ни назначить наслѣдника престола.

Эти пункты, сообщенные Маньяномъ, совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что было словесно передано моему прадѣду княземъ Долгоруковымъ Крымскимъ.

Изъ донесенія Рондо, англійскаго резидента:

Дмитрій Голицынъ предложилъ послать эти «Кондиціи» герцогинѣ курляндской въ Митаву, при депутаціи, состоящей изъ одного члена Верховнаго Совѣта, одного сенатора и одного генерала. Предложеніе фельдмаршала Долгорукова присоединить къ депутаціи и архіепископа, вызвало рѣзкое возраженіе Голицына, ненавидѣвшаго поповъ и объявившаго, что духовенство опозорило себя участіемъ въ возведеніи на престолъ Екатерины, не имѣвшей на то никакихъ правъ. Выраженія его при этомъ были опять крайне рѣзки. Онъ предложилъ избрать кн. Василія Лукича и сенатора князя Михаила Голицына, своего младшаго брата. Канцлеръ Головкинъ предложилъ еще родственника своего, генерала Леонтьева; оба предложенія были приняты. Въ этомъ же засѣданіи составлена была и инструкція тремъ депутатамъ. Какъ оригиналъ, такъ и копіи этой инструкціи затеряны, но по свѣдѣніямъ, достойнымъ довѣрія, извѣстно, что въ ней особенно настаивалось на томъ, чтобы герцогиня курляндская удалила отъ себя своего фаворита Бирона. Депутація отъѣхала вечеромъ того же дня, 19 января 1730 года.

О подложномъ завѣщаніи Петра II больше не было и рѣчи. Князь Алексѣй Григорьевичъ поторопился сжечь оба экземпляра.

Какъ только стало извѣстно олигархическое содержаніе «кондицій», сосредотачивавшихъ всю власть въ рукахъ Верховнаго Совѣта и дававшихъ ему даже право избирать своихъ членовъ,—поднялась цѣлая буря негодованія.

По случаю предстоявшаго бракосочетанія Петра II, въ январѣ 1730 г., въ Москвѣ были собраны всѣ представители высшей администраціи и знати. Собралось и дворянство, гвардейское, армейское, и даже отставное.

---

1. Императрица будетъ безконтрольно распоряжаться только своими карманными деньгами (размѣры суммы будутъ опредѣлены), она будетъ начальствовать только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и карауловъ во дворцѣ.

2. Верховный Совѣтъ будетъ состоять изъ 12 членовъ. В. С. будетъ вѣдать всѣ важнѣйшія дѣла иностранной политики: войну, миръ, договоры. Для финансовъ В. С. будетъ избранъ государственный казначей, кот. долженъ будетъ отдавать Совѣту самый точный отчетъ о государственныхъ расходахъ.

3. Сенатъ изъ 30—36 членовъ долженъ будетъ предварительно разсматривать дѣла, вносимыя въ В. С.

4. Будетъ учреждена палата низшаго шляхетства изъ 200 человѣкъ, охраняющая права этого сословія.

5. Палата городскихъ представителей будетъ вѣдать интересы простого народа.

Москва была переполнена, и волненіе поднялось сильное. Приверженцевъ самодержавія было немного среди русскихъ, но къ нимъ примыкала вся нѣмецкая партія, всѣ иностранцы и, подъ вліяніемъ Ѳеофана, все духовенство, за исключеніемъ только двухъ митрополитовъ (Лопатинскаго и Дашкова) личныхъ друзей, одинъ—Дмитрія Голицына, другой—семьи Долгоруковыхъ.

Духовенство, пренебреженное Верховнымъ Совѣтомъ, открыто стало во враждебное къ нему отношеніе. Тайныя депутаціи были отправлены изъ Москвы въ Митаву Ѳеофаномъ, графомъ Рейнгольдомъ Левенвольде, Семеномъ Салтыковомъ, Ягужинскимъ.

Посланный послѣдняго Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, гвардіи офицеръ (позже обершталмейстеръ при Елизаветѣ и Екатеринѣ II) имѣлъ неосторожность показаться на улицахъ Митавы. Князь Василій Лукичъ, узнавъ о его пребываніи въ Митавѣ, арестовалъ его и завладѣлъ довѣренными Сумарокову письмами.

Всѣ эти тайныя петиціи совѣтовали герцогинѣ курляндской подписать на время «кондиціи» Верховнаго Совѣта, но по пріѣздѣ въ Москву, совершить переворотъ, участіе и содѣйствіе въ которомъ ей обѣщалось. Всѣ совѣтовали ей ѣхать въ Москву немедленно.

Салтыковы, Трубецкіе [1]) и Головкины рѣшили воспользоваться всеобщимъ неудовольствіемъ, вызваннымъ дѣйствіями Верховнаго Совѣта, а также и горячими стремленіями широкихъ слоевъ дворянства къ ограниченію самодержавія, — и вошли съ послѣдними въ сношенія.

Задача этого сближенія и соглашенія была возложена на высшей степени умнаго, но совершенно безпринципнаго человѣка — Василія Никитича Татищева. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, онъ хлопоталъ о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званіи сенатора и обращался съ этимъ къ Ивану и Алексѣю Долгоруковымъ. Ему было грубо отказано. Долгоруковы ненавидѣли его, не за недостатки, которыхъ сами были полны, но за европейское воспитаніе, за знанія и работоспособность—здѣсь Азія ненавидѣла Европу.

Татищевъ сталъ заклятымъ врагомъ Верховнаго Совѣта и сблизился съ Салтыковыми, съ которыми былъ связанъ дальнимъ родствомъ.

---

[1]) Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой былъ третій фельдмаршалъ. Не введенный въ Верховный Совѣтъ, онъ сталъ ярымъ сторонникомъ возстановленія самодержавія, за что, былъ, впослѣдствіи, Анной Іоанновной пожалованъ званіемъ сенатора, а затѣмъ (1739 г.) назначенъ Московскимъ ген.-губернаторомъ.

Партія самодержавія, понявъ что конституціонныя стремленія очень сильны въ дворянствѣ, особенно въ богатыхъ его кругахъ, рѣшилась на крупныя уступки, въ надеждѣ въ будущемъ сумѣть воспользоваться обстоятельствами и, отнявъ уступленное, утвердить за новой государыней самодержавныя права. Къ партіи самодержавія примкнули, два молодыхъ человѣка, дѣятельныхъ и энергичныхъ, сыгравшихъ крупную роль въ ближайшихъ событіяхъ: князь Антіохъ Кантемиръ и графъ Матвѣевъ. Первый былъ движимъ разсчетомъ второй личной ненавистью и враждой къ Долгоруковымъ.

Антіохъ Кантемиръ, младшій изъ четырехъ сыновей бывшаго молдавскаго господаря, князя Дмитрія Кантемира, отъ перваго его брака съ княжной Кантакузенъ, родился въ 1708 году. Отецъ его умеръ въ 1723 году, когда дѣйствовалъ законъ о принудительномъ майоратѣ, безъ обезпеченія на то права перворожденнаго (1714—1730). Принужденный этимъ закономъ оставить свое огромное состояніе (10,000 душъ) одному изъ сыновей, по выбору, и ненавидѣвшій своего старшаго сына Матвѣя, бывшій господарь вставилъ въ свое завѣщаніе слѣдующія слова: «Умоляю Его И. В. утвердить моимъ наслѣдникомъ одного изъ моихъ трехъ (сына моего Матвѣя исключаю) сыновей, на которомъ остановится всемилостивѣйшій выборъ Его И. В. Признаю моего сына Константина лучшимъ изъ трехъ, сына же Антіоха наиболѣе умнымъ и способнымъ...»

При этомъ онъ оставилъ все свое состояніе въ пожизненное владѣніе второй своей женѣ, рожд. княжнѣ Трубецкой—на что не имѣлъ никакого права. Послѣ его смерти разгорѣлся процессъ между вдовой (при содѣйствіи Трубецкихъ и Нарышкиныхъ; послѣдніе были ей родня по матери) и Константиномъ и Антіохомъ Кантемирами,—каждый изъ трехъ хотѣлъ захватить богатое наслѣдство.

Въ царствованіи Петра II Константинъ Кантемиръ женился на на кн. Анастасіи Голицыной, дочери Дмитрія Михайловича, члена Верховнаго Совѣта. Это усилило его шансы, и онъ выигралъ процессъ. Антіохъ взбѣшенный неудачей, принужденный жить на маленькую пенсію младшаго члена семьи, въ скромномъ чинѣ гвардіи поручика, умный энергичный, чувствующій свое превосходство, сталъ злѣйшимъ врагомъ Верховнаго Совѣта. Энергія его удвоилась, когда онъ задумалъ жениться на княжнѣ Черкасской, единственной дочери и наслѣдницы огромнаго состоянія въ 70,000 душъ. Для этого ему было необходимо войти въ милость и снискать довѣріе матери ея, рожденной Трубецкой.

Графу Федору Андреевичу Матвѣеву было двадцать пять лѣтъ. Внукъ боярина Матвѣева, друга царя Алексѣя Михайловича, наслѣдникъ большого состоянія, Матвѣевъ былъ уменъ, горячъ и всегда дѣятеленъ. Воспитанный иностранцемъ гувернеромъ, дѣтство проведшій за границей, по взглядамъ своимъ онъ былъ культурнѣе большинства своихъ современниковъ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ вызвавшій на дуэль. Каковъ бы ни былъ взглядъ на дуэль, ей приходится отдать предпочтеніе передъ кулачнымъ боемъ, не вышедшимъ еще тогда изъ обычая въ Россіи [1]).

Въ іюнѣ 1729 г. графъ Матвѣевъ и герцогъ Де-Лиріа повздорили, какъ-то, за званнымъ обѣдомъ и публично наговорили другъ другу рѣзкостей. Матвѣевъ вызвалъ Де-Лиріа на дуэль. Посланникъ пожаловался канцлеру, тотъ довелъ дѣло до Верховнаго Совѣта. По распоряженію послѣдняго Матвѣева посадили подъ арестъ и заставили извиниться передъ герцогомъ де-Лиріа. Верховный Совѣтъ не могъ дѣйствовать иначе, но оберъ-камергеръ Иванъ Долгоруковъ, другъ герцога, позволилъ себѣ послать сказать графу Матвѣеву, что тотъ заслужилъ нѣсколько добрыхъ ударовъ кнута.

Матвѣевъ сталъ заклятымъ врагомъ Долгоруковыхъ.

Семенъ Салтыковъ поручилъ Татищеву составить записку. Въ этой запискѣ, послѣ обсужденія различныхъ формъ правленія, бѣглаго очерка событій за послѣднія два столѣтія и довольно слабыхъ доводовъ, направленныхъ противъ ограниченія императорской власти,— доводовъ среди которыхъ былъ забытъ единственный, имѣющій серьезное значеніе: фактъ существованія крѣпостного права, — авторъ приходилъ къ заключенію, что въ Россіи самодержавіе необходимо. Эта записка была выраженіемъ идей Салтыковыхъ, а для Татищева служила заручкой въ будущемъ. На случай возстановленія самодержавія, онъ подготовлялъ себѣ репутацію человѣка, преданнаго этому образу правленія. Въ концѣ записки, однако, было вставлено предложеніе, формулированное въ десяти параграфахъ, явно стремившееся ограничить царскую власть, уничтожить существующій Верховный Совѣтъ и перемѣстить власть въ руки дворянства.

Вотъ содержаніе этихъ десяти параграфовъ:

1) Учредить Сенатъ, долженствующій служить опорой Е. И. В. въ управленіи Имперіей. Сенату состоять изъ 21 пожизненнаго чле-

---

[1]) Такъ напр. въ 1722 г. между княземъ-кесаремъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Рамодановскимъ и сенаторомъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Григоріемъ Ѳеодоровичемъ Долгоруковымъ, бывшимъ посланникомъ въ Польшѣ, произошелъ кулачный бой.

на. Въ число сенаторовъ принять восемь членовъ нынѣ существующаго Верховнаго Совѣта.

2) Для внутренняго управленія, учрежденія налоговъ, объявленія войны—учредить Совѣтъ, состоящій изъ ста пожизненныхъ членовъ. Совѣту собираться три раза въ годъ; въ промежуткахъ между сессіями засѣдать постоянно третей части членовъ Совѣта.

3) Свободныя вакансіи въ Сенатѣ и Совѣтѣ, такъ же какъ вакансіи на постъ президента и вице-президента различныхъ коллегій, губернаторовъ и вице-губернаторовъ различныхъ губерній, должно замѣщать по выборамъ, въ общемъ, соединенномъ засѣданіи Сената, Совѣта и совѣта президентовъ различныхъ коллегій. Назначеніе на высшіе военные посты—по выборамъ въ общемъ соединенномъ засѣданіи Сената, Совѣта и совѣта военныхъ генераловъ.

Въ этихъ засѣданіяхъ каждому писать на билетахъ имя своего кандидата, дабы собранію удобно было предоставить на выборъ Е. И. В. трехъ кандидатовъ, получившихъ большинство голосовъ, или самому Совѣту переизбрать одного изъ этихъ кандидатовъ, представивъ выборъ на утвержденіе Е. И. В. «Черезъ сей способъ», говорилось въ запискѣ «можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, несмотря на высокородство, въ которомъ много негодныхъ въ чины происходитъ».

4) Проэктамъ законовъ надлежитъ быть выработанными въ различныхъ коллегіяхъ и представленными въ Сенатъ, гдѣ онѣ подлежатъ разсмотрѣнію, сравненію и обсужденію, на основаніи которыхъ вырабатывается законъ въ своей окончательной формѣ.

5) Въ Сенатѣ, Совѣтѣ, равно и въ различныхъ коллегіяхъ не должно засѣдать одновременно: отцу и сыну, тестю и зятю, дядѣ и племяннику. Равно не должно, впредь, засѣдать одновременно въ Сенатѣ двумъ членамъ одной фамиліи.

6) Начальникъ тайной канцеляріи долженъ назначаться Е. И. В. два помощника его должны быть выбираемы сенатомъ изъ числа дворянъ срокомъ на три мѣсяца. Должно назначить лицо знатной фамиліи для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ случаѣ ареста, у приговоренныхъ не было похищено имущество.

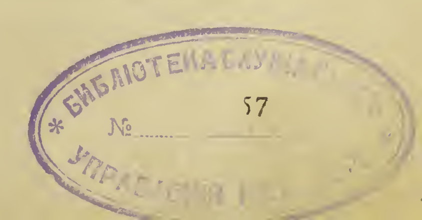
7) Слѣдующія мѣры надлежитъ принять: a) открыть школы для дворянскихъ дѣтей. b) Дворянамъ не быть призываемыми къ службѣ ранѣе восемнадцати лѣтъ и не быть обязанными служить болѣе двадцати лѣтъ. c) Дворянамъ не должно нести службы простыми матросами, ни отбывать, будучи на службѣ, какихъ-либо черныхъ работъ. d) Завести дворянскія книги въ кои внести всѣ дворянскіе роды

Понеже по воле всемогущаго Бога и по общему
желанию всероссийскаго народа, мы по пре-
ставлении всепресветлейшаго держа-
внейшаго великаго государя Петра Втораго
императора и самодержца всероссийскаго
нашего любезнейшаго государя племянника
императорский всероссийский престол
восприяли, и следуя божественному
закону правительство свое таким
образом вести намерена и желаю,
дабы оное в начале к прославлению божес-
каго имени и к благополучию всего нашего
государства и всех верных наших под-
данных служить могло. Того ради
чрез сие наикрепчайше обещаемся, что
наиглавнейшее мое попечение и старание
будет не токмо о содержании, но и о
крайнем и всевозможном распростра-
нении православныя нашея веры грече-
скаго исповедания, такожде по приня-
тии короны российской, в супружество
во всю мою жизнь не вступать, и наслед-
ника ни при себе, ни по себе никого не
определять. Еще обещаемся, что
понеже целость и благополучие всякаго
государства от благих советов состоит,
того ради мы ныне уже учрежденный
Верховный тайный совет в восьми пер-
сонах

«Кондиціи» Императрицы

всегда содержать, и безоного Верховного
тайного совета согласия: 1. ни с кем
войны не всчинать. 2. Миру не заклю-
чать, 3. Верных наших подданных
никакими новыми податми не отяго-
щать, 4. В знатные чины, как в ста-
тские, так и военные сухопутные
и морские выше полковничья ранга
не жаловать, ниже к знатным делам
никого не определять, и гвардии
и протчим войскам быть под веде-
нием верховного тайного совета.
5. У шляхетства живота и имения и чести
безсуда не отнимать; 6. вотчины
и деревни не жаловать. 7. в придво-
рные чины как руских так и ино-
земцов без совету верховного тайного
совету не производить, 8. Государст-
венные доходы в росход не употреблять
и всех верных своих подданных в неотмен-
ной своей милости содержать; а буде
чего по сему обещанию не исполню и не до-
держу, то лишена буду короны российской
[illegible]
[illegible]
Анна

Анны Іоанновны.

происхожденія болѣе давняго нежели время царствованія имп. Петра I.
е) Въ книги отдѣльныя внести дворянскіе роды, пріобрѣтшіе дворянство въ послѣднія три царствованія, и владѣющіе или дворянскими граматами или дарственными на владѣніе крѣпостными душами.

8) Составить опись имуществамъ духовнымъ; улучшить положеніе деревенскаго духовенства. Что касается до архіерейскихъ и монастырскихъ богатствъ—излишекъ ихъ отчудить на нужды государства и благотворительныхъ учрежденій.

9) Облегчить подати купцамъ и внимательно слѣдить за развитіемъ промышленности и торговли.

10) Законъ принудительнаго майората уничтожить. Выработать новый законъ о наслѣдованіи, согласно уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Эта записка была подписана Семеномъ Салтыковымъ и самимъ Татищевымъ и представлена на одобреніе дворянства. Подъ ней подписались:—сенаторы—князь Юсуповъ, кн. Черкасскій и Новосильцевъ; генералъ-лейтенанты—Чернышевъ и Ушаковъ; тайные совѣтники—графъ Иванъ Головкинъ, Иванъ Плещеевъ и Макаровъ; гофмаршалъ Шепелевъ, обершенкъ графъ Андрей Апраксинъ и гофмейстеръ Елагинъ; шталмейстеръ двора Кошелевъ; генералъ майоры—Алабердеевъ, князь Барятинскій, Бибиковъ, два Грековыхъ, Лопухинъ, Петръ Измайловъ, кн. Шаховской, Сукинъ, Таракановъ, Вельяминовъ, кн. Вяземскій, Петръ Воейковъ; дѣйствит. статск. совѣтники:—Баскаковъ, Дашковъ, графъ Михаилъ Головкинъ, Колтовской, Кропотовъ, графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, Матвѣй Олсуфьевъ, Секитовъ, Сухотинъ, Вельяминовъ-Зерновъ и Зыбинъ, камеръ-юнкеръ князь Никита Трубецкой, 51 гвардіи офицеръ, 156 офицеровъ арміи, между ними нѣсколько полковниковъ и бригадировъ. Наконецъ, 42 кавалергарда т.-е. двѣ трети эскадрона.

Въ то время какъ составлялась эта записка и собирались подписи, Верховный Совѣтъ торжествовалъ побѣду. Второго февраля Леонтьевъ вернулся изъ Митавы. Онъ привезъ вѣсть о принятіи герцогиней курляндской предложенныхъ ей кондицій. Привезъ, также и арестованнаго и закованнаго въ кандалы Сумарокова, тайнаго посланца Ягужинскаго.

Верховный Совѣтъ собрался въ залѣ дворца и пригласилъ членовъ генералитета, чтобы сообщить имъ о принятіи «кондиціи» герцогиней курляндской. Князь Голицынъ, обратившись къ Ягужинскому, спросилъ его, не имѣетъ ли тотъ сказать чего противъ кондицій, Ягужинской смущенно отвѣчалъ, что нѣтъ. Кн. Дмитрій Ми-

хайловичъ, обратившись къ статсъ-секретарю Степанову, сказалъ ему чтобы онъ пригласилъ оберъ-шталмейстера пройти въ сосѣднiй залъ для объясненiй. Тамъ фельдмаршалъ Долгоруковъ встрѣтилъ Ягужинскаго гнѣвной рѣчью, сорвалъ темлякъ съ его шпаги и приказалъ его немедленно арестовать.

Извѣстiе объ арестѣ мгновенно облетѣло присутствующихъ; старый канцлеръ Головкинъ, тесть оберъ-шталмейстера, поблѣднѣлъ и былъ охваченъ припадкомъ нервной дрожи. Онъ всталъ и ни слова не сказавъ, уѣхалъ домой. Вечеромъ того же дня онъ, его дочь, сыновья и зятья прiѣхали къ Голицыну умолять о помилованiи Ягужинскаго, котораго Верховный Совѣтъ присудилъ къ смертной казни. Смертная казнь была отмѣнена, но Ягужинскiй остался въ заключенiи, такъ же какъ и Сумароковъ.

Проектъ Татищева—Салтыковыхъ, о которомъ я говорилъ, былъ представленъ въ Верховный Совѣтъ черезъ нѣсколько дней по возвращенiи Леонтьева [1]). Верховники отклонили его рѣзкимъ заявленiемъ, въ которомъ говорилось, что только Верховному Совѣту принадлежитъ право составлять проекты, обсуждать ихъ и приводить въ исполненiе.

Отвѣтъ этотъ, составленный графомъ Ѳедоромъ Апраксинымъ, былъ подписанъ всѣми членами Верховнаго Совѣта, за исключенiемъ Остермана; ловкiй дипломатъ, чтобы не быть замѣшаннымъ въ дѣло, сослался опять на свое иностранное происхожденiе, прикинулся больнымъ, заперся у себя въ кабинетѣ и, чтобы не давать подписи забинтовалъ правую руку, увѣряя что у него подагра. Канцлеръ Головкинъ, два сына котораго подписали Татищевскiй проектъ,—подписалъ отвѣтъ Верховнаго Совѣта, чтобы заручиться въ обоихъ лагеряхъ. Угрозами и давленiемъ удалось собрать подписи людей малодушныхъ, находившихся въ зависимости отъ Верховнаго Совѣта, или въ родствѣ съ Голицыными и Долгоруковыми. Между другими подписались—фельдмаршалъ Трубецкой, старый графъ Мусинъ-Пушкинъ (сынъ котораго, Платонъ подписалъ проектъ Татищева), генерелъ Матюшкинъ, сенаторъ кн. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, сенаторъ Мамоновъ, сенаторъ Наумовъ, князья Сергѣй и Иванъ Долгоруковы, братья Алексѣя. Старый баронъ Шафировъ, князь Алексѣй Голицынъ, сынъ Дмитрiя Михайловича, генералъ Левъ Измайловъ и

[1]) Леонтьевъ былъ произведенъ Верховн. Сов. въ генер.-лейтенанты, но Имп. Анна не пожелала утвердить это назначенiе и, несмотря на покровительство гр. Головкина, ему былъ возвращенъ этотъ чинъ только черезъ два года.

Александръ Бутурлинъ, оба зятья фельдмаршала Голицына, Московскій губернаторъ Плещеевъ, оберъ-комендантъ Еропкинъ, правитель дѣлъ Верховнаго Совѣта Степановъ, русскій резидентъ въ Варшавѣ Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, находившійся въ Москвѣ. Угрозами были собраны 37 подписей офицеровъ гвардіи и арміи, 14 кавалергардовъ, 21 подпись мелкихъ дворянъ и то, что любопытнѣе всего— мы видимъ, среди подписей, подпись Ивана Колтовскаго, подписавшаго проектъ Татищева и имѣвшаго низость поставить свою подпись подъ отвѣтомъ Верховаго Совѣта на этотъ проектъ.

Отвѣтъ верховниковъ вызвалъ большое негодованіе. Пятнадцатью членами генералитета былъ составленъ новый проектъ и представленъ въ Верховный Совѣтъ. Требованія новаго проекта были скромны: 1.— Число членовъ В. С. увеличить до двѣнадцати, съ запрещеніемъ на будущее время назначать двухъ членовъ одной фамиліи. 2.—Вакантныя мѣста въ Верховномъ Совѣтѣ замѣщать a) или по выбору генералитета изъ тройного списка кандидатовъ, представленнаго Верховнымъ Совѣтомъ, b) или по выбору Верховнаго Совѣта изъ тройного списка кандидатовъ, представленнаго генералитетомъ. И эта скромная петиція была отвергнута. Возмущеніе было всеобщее.

Верховный Совѣтъ увидѣлъ необходимость пойти на уступки, но уступки предложенныя имъ были недостаточны. Верховники согласились увеличить число членовъ Совѣта до двѣнадцати, число членовъ одной фамиліи, имѣющихъ право засѣдать въ Совѣтѣ, ограничили двумя, соглашались на назначеніе членовъ Совѣта императрицей, но лишь на томъ условіи, чтобы государыня назначала ихъ исключительно изъ числа кандидатовъ, представленныхъ самимъ Верховнымъ Совѣтомъ. Обѣщали въ дѣлахъ важныхъ принимать во вниманіе мнѣніе сената, генералитета и знати, и въ вопросахъ, касающихся духовенства, совѣтоваться съ епископами (это послѣднее обѣщаніе дано было подъ впечатлѣніемъ энергичнаго противодѣйствія, оказаннаго Совѣту духовенствомъ съ архіепископомъ Ѳеофаномъ во главѣ). Но говоря о дѣлахъ важныхъ, ничто не было указано опредѣленно и, по существу, не было дано никакого обѣщанія.

Уступки болѣе значительныя были предложены дворянству и нѣмцамъ. Было обѣщано сохранить привилегіи, данныя Балтійскимъ провинціямъ Петромъ I и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уравнять дворянство этихъ провинцій въ правахъ съ русскими дворянами. Уступки эти были формулированы въ слѣдующихъ условіяхъ, содержавшихъ для того времени довольно значительное расширеніе правъ.

a) Дворяне не будутъ принуждаемы служить ни солдатами, ни матросами.

b) Будутъ открыты военныя школы для дворянъ, послѣ обученія въ которыхъ дворяне будутъ причисляться къ арміи въ младшемъ офицерскомъ чинѣ и къ флоту—въ чинѣ гардемарина.

c) Конфискаціи будутъ уничтожены. Имущества приговоренныхъ и сосланныхъ будутъ передаваться ихъ законнымъ наслѣдникамъ.

d) Сенаторы, президенты и члены различныхъ коллегій и главныхъ канцелярій будутъ выбираться дворянствомъ.

e) Будетъ оказано покровительство купцамъ. Патентный сборъ уменьшенъ и монополіи уничтожены.

f) Столица окончательно переносится въ Москву.

g) Совѣтъ обѣщаетъ облегчить положеніе крѣпостного люда, съ характерной, для времени, оговоркой, что ни одинъ крѣпостной не можетъ быть допущенъ на государственную службу.

Этимъ уступкамъ недоставало только одно: гарантіи, что онѣ будутъ приведены въ исполненіе.

По существу власть перемѣщалась изъ рукъ одного государя въ руки 12 неограниченныхъ правителей. Деспотизмъ замѣняется олигархіей. Дворянство не могло, не хотѣло и не должно было согласиться на это.

Анна Іоанновна выѣхала изъ Митавы 29 янв.; она ѣхала черезъ Ригу, Новгородъ, Тверь, вездѣ была встрѣчена колокольнымъ звономъ, вездѣ ей были оказаны, подобающія ея сану почести, но все время пути она была подъ строгимъ надзоромъ Василія Лукича. Съ нею ѣхали дѣти Бирона, но Биронъ остался въ Митавѣ. Верховный Совѣтъ поставилъ это своимъ главнымъ условіемъ. Въ Митавѣ, во время первой аудіенціи трехъ депутатовъ, Биронъ, единственный изъ всѣхъ приближенныхъ герцогини, позволилъ себѣ остаться въ ея кабинетѣ. Князь Василій Лукичъ приказалъ ему выйти. Биронъ отказался, тогда Долгоруковъ, взявъ его за плечи, вывелъ изъ комнаты. Долгоруковы дорого заплатили за это оскорбленіе.

Императрица пріѣхала 10-го февраля въ Всесвятское, подъ Москвой, гдѣ была встрѣчена двумя своими сестрами. На слѣдующій день 11-го, были похороны императора Петра II, а 15-го, въ воскресенье, Анна Іоанновна торжественно въѣхала въ Москву. Впереди кортежа ѣхали верхомъ: фельдмарш. Долгоруковъ съ братомъ, фельдмаршалъ Голицынъ и Дмитрій Мих. Голицынъ, канцлеръ Головкинъ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ. Около ста лицъ знатнѣйшихъ фамилій, съ кн. Шаховскимъ во главѣ; кавалергарды, съ поручикомъ сенато-

ромъ Мамоновымъ во главѣ; наконецъ императорская карета, запряженная восьмеркой цугомъ; справа ѣхали кн. Василій Лукичъ и генералъ Леонтьевъ, слѣва сенаторъ Михаилъ Голицынъ и генералъ-маіоръ графъ Шуваловъ.

По всему пути отъ Всесвятскаго и по Тверской, до часовни Иверской Божіей Матери, были разставлены восемь пѣхотныхъ полковъ, а отъ Иверской, на Красной площади и въ Кремлѣ выстроены два гвардейскихъ полка. Все московское духовенство, черное и бѣлое, ожидало императрицу подъ сводами и возлѣ Иверской часовни. Входъ временно былъ расширенъ и образъ, вывѣшенный сбоку, нѣсколько дней оставался снаружи, подъ дождемъ и снѣгомъ; это вызвало сильное недовольство въ народѣ. Въ Вознесенскомъ соборѣ императрица была встрѣчена высшимъ духовенствомъ и всѣми, кому возрастъ или болѣзненное состояніе не дозволяло сѣсть на лошадь. Недоставало только двухъ лицъ:—находившагося въ заключеніи Ягужинскаго и вице-канцлера Остермана, который продолжалъ болѣть подагрой и осторожно наблюдалъ ходъ событій изъ своего кабинета.

Надзоръ кн. Василія Лукича не ослабѣвалъ и въ Москвѣ. Онъ поселился въ комнатахъ, смежныхъ съ аппартаментами императрицы и безъ его разрѣшенія къ ней никому не было доступа; такое положеніе оскорбляло и раздрожало ее и становилось очевидно, что оно долго длиться не можетъ.

Нельзя было, также, запретить императрицѣ видѣть своихъ сестеръ и не допускать къ ней кавалерственныхъ дамъ. Герцогиня Мекленбугская, Екатерина Ивановна, царевна Прасковья Ивановна, баронесса Остерманъ, княгиня Черкасская, Чернышева, Ягужинская, мужъ которой былъ въ заключеніи, графиня Головкина и двугія—составляли ея интимный кружокъ и рады были помочь полу-заключенной государынѣ. Осебенно энергично дѣйствовала молодая 22-хъ лѣтняя Салтыкова, рожденная Трубецкая, невѣстка Семена Салтыкова. Прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ способамъ. Архіепископъ Ѳеофанъ поднесъ императрицѣ часы. Салтыкова предупредила государыню, что она найдетъ въ нихъ цѣлый планъ дѣйствій, составленный Ѳеофаномъ. Нѣсколько разъ въ день приносили императрицѣ маленькаго Карла Бирона (ему было 1 годъ и четыре мѣсяца), и въ его одеждѣ она постоянно находила письма.

Времени терять было нельзя. Въ пятницу, 20 февраля, по распоряженію Верховнаго Совѣта присягали императрицѣ и отечеству. Дмитрій Голицынъ предлагалъ заставить присягать «императрицѣ и Верховному Совѣту», но другіе верховники на это не рѣшились.

Дворянство обратилось къ государынѣ съ петиціей, въ которой просило созвать совѣтъ дворянъ и поручить ему обсужденіе вопроса о выборѣ наиболѣе желательной формы правленія. Салтыковы, Трубецкіе, Головкины, Барятинскіе, Антіохъ Кантемиръ, словомъ, лица стремившіеся, изъ личныхъ цѣлей, къ возстановленію самодержавія, соединились съ констуціоналистами, рѣшивъ временно воспользоваться ихъ услугами и, при первой возможности, разрушить ихъ планы. Это имъ, какъ извѣстно, удалось. 23 и 24 февраля, въ домѣ князя Черкасскаго, на Никольской и у князя Барятинскаго на Поварской происходили многолюдныя собранія. Собравшіеся у Барятинскаго, 24-го вечеромъ, послали Татищева въ собраніе къ Черкасскому, чтобы обсудить петицію на имя императрицы и придти къ общему соглашенію, которое и состоялось. Въ этой петиціи, указывали императрицѣ, на нежеланіе Верховнаго Совѣта считаться съ мнѣніемъ общества умоляли ее соблаговолить созвать совѣтъ, изъ двухъ членовъ отъ каждой дворянской фамиліи, поручить этому совѣту разсмотрѣть всѣ конституціонные проекты, представленные за послѣднія пять недѣль и дозволить ему выработать статутъ государственнаго устройства въ Россіи. Текстъ петиціи былъ составленъ Антіохомъ Кантемиромъ. Татищевъ вернулся къ Барятинскому, гдѣ все собраніе, въ числѣ 74 человѣкъ, подписалось подъ составленной Кантемиромъ петиціей и in corpore отправилось въ домъ Черкасскаго. Собравшіеся у Черкасскаго, въ числѣ 93 человѣкъ, также поставили свою подпись.

Антіохъ Кантемиръ, графы Матвѣевы и Ѳедоръ Апраксинъ (составлявшій за нѣсколько дней передъ тѣмъ текстъ отвѣта Верховнаго Совѣта) провели всю ночь, собирая подписи. Къ утру петиція была подписана 58 офицерами гвардіи и 37 кавалергардами. Вмѣстѣ съ тѣмъ было дано знать дворянамъ прибыть лично во дворецъ къ 8 ч. утра. Императрица была освѣдомлена о всемъ, что происходило. Князья Барятинскій и Черкасскій, предупрежденные о намѣреніи Верховнаго Совѣта ихъ арестовать, уѣхали изъ дому и провели ночь, одинъ у Алексѣя Шаховского, другой у Платона Мусинъ-Пушкина. Въ среду 25 февраля, къ 8 ч. утра, дворяне начали съѣзжаться во дворецъ. Въ этотъ день солдаты Семеновскаго полка несли караулъ во дворцѣ; Семенъ Салтыковъ, майоръ этого полка, пользовался ихъ полнымъ довѣріемъ. Собралось около 800 человѣкъ, включая офицеровъ гвардіи которыхъ прибыло очень много.

Черкасскій пріѣхалъ къ 10 часамъ, въ сопровожденіи своего деверя Никиты Трубецкого, Барятинскаго, двухъ Головкиныхъ, стараго

фельдмаршала Трубецкого (дядя княгини Черкасской) Шаховского, Татищева и Антіоха Кантемира. Дворецъ былъ уже полонъ народа и Верховному Совѣту было бы невозможно ихъ арестовать. Императрица велѣла пригласить верховниковъ, засѣдавшихъ въ это время въ Совѣтѣ. Въ сопровожденіи членовъ Верховнаго Совѣта и сестры своей герцогини Мекленбургской, она вышла къ дворянамъ. Фельдмаршалъ Трубецкой подалъ ей петицію, но въ виду его природнаго заиканья, Татищевъ долженъ былъ ее прочесть. Верховники были ошеломлены; князь Василій Лукичъ предложилъ государынѣ пройти въ ея кабинетъ, чтобы обсудить дѣло. Въ залѣ поднялся шумъ; герцогиня Мекленбургская, съ несвойственной ей находчивостью, подала императрицѣ перо, замѣтивъ: «Не время обсуждать, надо согласиться». Анна Іоанновна написала на петиціи «быть по сему» и своимъ громкимъ мужскимъ голосомъ объявила, что не находится въ безопасности и обратившись къ Семену Салтыкову, поручила ему командованіе надъ дворцовой стражей и произвела его, тутъ же, въ подполковники Семеновскаго полка, приказавъ повиноваться только ея приказамъ. Фельдмаршалъ Долгоруковъ и кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ хотѣли высказать свое мнѣніе; тогда въ залѣ поднялся страшный шумъ, слышались возгласы о томъ, что ослушниковъ воли Ея И. В. надо выбросить изъ окна.

По заранѣе облуманному плану императрица пригласила членовъ Верховнаго Совѣта къ обѣду. Дворяне, собиравшіеся уѣзжать, были задержаны и имъ было предложено собраться въ большомъ залѣ. Тамъ партія Салтыковыхъ заговорила о крайнемъ неудобствѣ и затруднительности долгаго обсужденія и разсмотрѣнія различныхъ конституціонныхъ проектовъ.

Нѣсколько генераловъ и офицеровъ гвардіи, заранѣе настроенныхъ Семеномъ Салтыковымъ, кричали о необходимости немедленно покончить дѣло. Рѣшено было составить тутъ же новую петицію и просить императрицу:

1. Уничтожить Верховный Совѣтъ.

2. Учредить Сенатъ изъ 21 члена.

3. Возстановить самодержавіе.

4. Но разрѣшить дворянству выбирать a) сенаторовъ; b) губернаторовъ; c) президентовъ коллегій.

5. Имѣть въ виду облегченіе налоговъ.

Послѣ обѣда императрица опять вышла къ дворянамъ и Антіохъ Кантемиръ прочелъ ей новую петицію.

Княжна Меншикова
Александра Александровна.

IV.

Княжна Меншикова.
Марія Александровна.

Анна Іоанновна приказала принести «Кондиціи», подписанныя ею въ Митавѣ. Бумага немедленно была принесена первымъ секретаремъ сената совѣтникомъ Масловымъ и вручена императрицѣ княземъ Черкасскимъ. Обернувшись къ Долгорукому, государыня сказала ему: «Василій Лукичъ, ты меня, стало быть, обманулъ?» и разорвала бумагу.

Раздалось «ура!» Императрица приказала Чернышеву послать за Ягужинскимъ и привести его немедленно. Она приняла его очень милостиво, поблагодарила за преданность и возстановила его въ званіи оберъ-шталмейстера.

Послѣ чтенія новой петиціи Анна Іоанновна объявила, что возстановляется самодержавіе и не прибавила ни слова больше: не было дано ни малѣйшаго обѣщанія. Салтыковы, объединившіеся съ нѣмецкой партіей, превосходно повели дѣло. Верховный Совѣтъ былъ побѣжденъ, но побѣда, которую конституціоналисты думали одержать, досталась приверженцамъ самодержавія. День, начавшійся возмущеніемъ противъ олигархіи, казалось, долженъ былъ кончиться утвержденіемъ конституціи. Вмѣсто этого было возстановлено самодержавіе и дворянство оставлено въ рабствѣ болѣе тяжелымъ, чѣмъ когда-либо. Князь Голицынъ, выходя изъ дворца сказалъ своимъ товарищамъ: «Пиръ былъ готовъ, но званые не захотѣли придти. Знаю, что головой отвѣчу за все, что произошло, но я старъ, жить мнѣ не долго. Тѣ кто переживутъ меня натерпятся вволю».

Въ тотъ же вечеръ курьеръ былъ посланъ въ Митаву, чтобы спѣшно призвать Бирона ко двору русской императрицы. Черезъ девять дней фаворитъ былъ въ Москвѣ.

На слѣдующій день послѣ возстановленія неограниченнй императорской власти Остерманъ совершенно поправился. Ноги его, которымъ подгара мѣшала двигаться, носили его быстро и легко; рука, бывшая не въ силахъ поднять перо, крѣпко жала руку новыхъ любимцевъ.

Остерманъ, Карлъ Густавъ Левенвольде и Биронъ стали во главѣ нѣмецкой партіи. Чтобы съ меньшимъ трудомъ ослабить русское дворянство, они стали искусно сѣять въ немъ раздоръ.

Первыми жертвами этого страшнаго царствованія были Долгоруковы: фаворитъ Петра II, Иванъ, его отецъ, братья, дяди; затѣмъ Василій Лукичъ, позже старый фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ. Послѣ ссылки Долгоруковыхъ насталъ чередъ преслѣдованія Голицыныхъ, по отношенію къ которымъ, въ первые дни царствованія, нѣмецкая партія выказала много ласки и лести.

Это необходимо было, чтобы заставить ихъ отвернуться отъ Долгоруковыхъ. Уничтожить эти двѣ семьи было легче одну за другой.

Также ловко и умѣло выбирались члены новаго сената[1]) и назначались новыя лица ко двору.

28 апрѣля Анна Іоанновна короновалась и осыпала въ этотъ день милостями всѣхъ, кто велъ борьбу противъ Верховнаго Совѣта [2]).

Такова была неудавшаяся попытка введенія конституціи въ 1730 г.

---

[1]) Назначенные 21 сенаторъ были: Канцлеръ Головкинъ, фельдмашалы Голицынъ, Долгоруковъ, Трубецкой, дѣйств. тайн. совѣтники, князь Вас. Лукичъ Долгоруковъ, Дмитрій Голицынъ, Остерманъ, князь Рамодановскій (дядя императрицы), Ягужинскій, князь Алексѣй Черкасскій, Чернышевъ, Мамоновъ, Ушаковъ, князь Юсуповъ, Семенъ Салтыковъ, князь Георгій Трубецкой, князь Барятинскій, Сукинъ, кн. Григорій Урусовъ, Василій Новосильцевъ, и графъ Михаилъ Головкинъ.—Салтыковъ отказался и былъ замѣненъ Шаховскимъ. Князь Рамодановскій умеръ 16-го того же мѣсяца и былъ замѣщенъ генералъ-майоромъ Таракановымъ.

[2]) Къ большому удовлетворенію дворянства, въ эти первые дни своего царствованія А. І. уничтожила законъ о принудительномъ майоратѣ.

ГЛАВА IV.

Ссылка Долгоруковыхъ.

Биронъ и Карлъ Густавъ Левенвольде, ставши во главѣ нѣмецкой партіи рѣшили, какъ я говорилъ уже, поссорить Голицыныхъ съ Долгоруковыми, съ тѣмъ, чтобы тѣмъ легче было погубить ихъ поочередно. Шестого марта, въ день многочисленныхъ назначеній при новомъ дворѣ, Голицыны были осыпаны милостями: фельдмаршалъ Голицынъ и кн. Дмитрій Михайловичъ назначены сенаторами, княгиня Голицына, жена фельдмаршала,—оберъ-гофмейстериной, князь Куракинъ, ея братъ и Алексѣй Голицынъ, сынъ кн. Дмитр. Михайловича—шталмейстерами. Въ этотъ же день генералъ-лейтенанты Ушаковъ и кн. Юсуповъ получили приказъ сдѣлать обыскъ и отобрать всѣ драгоцѣнности, лошадей, охотничьихъ собакъ и пр., принадлежавшее двору имущество, похищенное князьями Алексѣемъ и Иваномъ Долгоруковыми во дни ихъ могущества.

Долгоруковы, дѣйствительно, присвоили себѣ великолѣпные бриліанты, конфискованные у Меншикова, вмѣстѣ съ другими, принадлежавшими казнѣ, завладѣли частью дворцовой посуды и перевели въ свои конюшни лучшихъ лошадей и лучшихъ собакъ царской охоты.

Надо, впрочемъ, прибавить, что ихъ предшественникъ Меншиковъ грабилъ всю свою жизнь и въ очень широкихъ размѣрахъ. Биронъ, занявшій недавнее положеніе Долгоруковыхъ, превзошелъ въ своей алчности и ихъ, и Меншикова и всѣхъ временщиковъ, которые когда-либо существовали.

Было извѣстно, что княжна Долгорукова беременна отъ Петра II; ждали ея родовъ, чтобы послѣ нихъ начать преслѣдованіе семьи [1]). Въ среду, 1 апрѣля, она разрѣшилась отъ бремени мертворожденной дочерью и черезъ недѣлю надъ семьей разразилась гроза. 8 апрѣля кн. Василій Лукичъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Сибирь; князь Михаилъ Владиміровичъ, братъ фельдмаршала — губернаторомъ въ Астрахань; князь Иванъ Григорьевичъ братъ Алексѣя—воеводой въ Вологду; на слѣдующій день, 9 апрѣля, князь Александръ Григорьевичъ (братъ Алексѣя) былъ назначенъ воеводой въ городокъ Алатырь за 617 в. отъ Москвы, а князья Алексѣй и Сергѣй Григорьевичи сосланы въ дальнія вотчины. Алексѣю назначено было его Никольское—въ нынѣшней Пензенской губерніи.

14 апрѣля князь Василій Лукичъ былъ также сосланъ въ одну изъ своихъ дальнихъ деревень. Грозный манифестъ былъ изданъ противъ всей семьи Долгоруковыхъ и князь Михаилъ Владиміровичъ, не уѣхавшій еще въ Астрахань, также сосланъ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ выѣхалъ со всей семьей въ свое пензенское помѣстье. Ѣхали медленно, отдыхая подолгу, въ сопровожденіи сотни слугъ и нѣсколькихъ своръ охотничьихъ собакъ. Недалеко отъ Касимова, приблизительно на полпути, рѣшили отдохнуть и поохотиться въ одномъ изъ помѣстій княгини. Эта остановка на нѣсколько недѣль была тѣмъ болѣе необходима, что княжна была еще слаба (выѣхали на 12-й день послѣ ея родовъ) и здоровье ея требовало отдыха.

Биронъ представилъ императрицѣ это временное пребываніе въ другомъ, не указанномъ ею имѣніи, какъ актъ дерзкаго ослушанія 12 іюня вышелъ новый указъ: князь Алексѣй Григорьевичъ съ семьей былъ сосланъ въ Березовъ. Братья его Сергѣй и Иванъ сосланы, одинъ—въ Раненбургъ, другой—въ Пустозерскъ; князь Василій Лукичъ посланъ въ Соловецкій монастырь. Младшій изъ братьевъ Алексѣя, Александръ, отправленъ на службу во флотъ на Каспійскомъ морѣ.

---

[1]) Кн. П. В. Долгоруковъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не подтверждаетъ никакими ссылками на авторитетные источники сообщаемый имъ фактъ. Надо думать, что онъ основываетъ свои извѣстія этого характера на семейныхъ преданіяхъ.

Сестра (бывшая замужемъ за Салтыковымъ, но разошедшаяся съ нимъ, вслѣдствіи его грубаго обращенія)—заточена въ моностырь, въ Нижнемъ-Новгородѣ. На содержаніе ея было положено по 50 копеекъ въ сутки.

15 іюля—новый указъ.—Все имущество кн. Алексѣя Григорьевича, имущества его сыновей, братьевъ Ивана и Сергѣя и кн. Василія Лукича были конфискованы. Каждому было назначено по 1 рублю въ день на содержаніе—слугамъ также—по рублю.

Помѣстья ихъ перешли въ казну за исключеніемъ подмосковныхъ, причисленныхъ къ личному имуществу императрицы. Подмосковныя эти были: Горенки, Волынское и Хотунь, принадлежавшіе Алексѣю, и Неклюдово—имѣніе Василія Лукича.

Баронъ Шафировъ выхлопоталъ своему зятю Сергѣю Долгорукому, 9-го ноября того же года, возвращеніе одного изъ его помѣстій (Замотрина).

Въ тотъ самый день, когда рѣшалась судьба Долгоруковыхъ, 8-го апрѣля, князь Иванъ Алексѣевичъ, бывшій любимецъ Петра II, вѣнчался въ Горенкахъ съ графиней Натальей Борисовной Шереметевой.

Наталья Борисовна родилась 17 января 1714 года. Она была дочь извѣстнаго фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева тогда уже семидесятилѣтняго старика, и его второй жены Анны Петровны, рожденной Салтыковой [1]). Ей было 5 лѣтъ, когда умеръ ея отецъ. Четырнадцати, потерявъ мать, она осталась круглой сиротой на попеченіи брата, Петра, который былъ только на годъ старше нея. Братъ и сестра совершенно не походили другъ на друга. Графъ Петръ Борисовичъ былъ глупый и напыщенный человѣкъ, безъ сердца и безъ правилъ. Сестра—была его полная противоположность. Красавица, умница, съ чуткой любящей душой—она была олицетвореніемъ физической и душевной красоты. Ей было 15 лѣтъ, когда Иванъ Долгоруковъ, любимецъ государя, братъ его невѣсты, оберъ-шталмейстеръ, двадцатилѣтній красавецъ, просилъ ея руки. Она полюбила его и съ радостью согласилась на уговоры братьевъ, сестеръ и родныхъ, которые рады были этому браку изъ честолюбія. Обрученіе состоялось въ Шереметевскомъ дворцѣ, на Воздвиженкѣ, въ среду 24 декабря 1729 г., съ большой пышностью, въ присутствіи Государя, двора и всего Московскаго общества. Вся семья и родня Шереме-

---

[1]) По первому мужу Нарышкина, вдова Льва Нарышкина, дяди Петра I по матери.

выхъ, гордая будущимъ родствомъ съ Государемъ, на рукахъ носила Наталью Борисовну, окружала ее ласками, лестью, стараясь заранѣе купить ея расположеніе и покровительство.

19 января Петра II не стало. Положеніе князя Ивана круто измѣнилось, а вскорѣ несчастья посыпались на всю семью. Тогда вся родня стала уговаривать Наталью Борисовну отказать жениху. Она не колебалась. Никто изъ семьи, кромѣ двухъ захудалыхъ старушекъ изъ дальней родни, не пріѣхалъ на ея свадьбу. На другой день послѣ вѣнчанья пришла вѣсть о ссылкѣ всей семьи. Съ молодой женщиной никто не пріѣхалъ проститься, и братъ ея, обладавшій огромнымъ состояніемъ, имѣлъ низость присвоить приданое сестры, пославъ ей въ помощь тысячу рублей.

Только старая гувернантка, воспитавшая молодую княгиню, и преданная горничная, служившая при ней давно и носившая ее когда-то на рукахъ, поѣхали вмѣстѣ съ ней въ далекій, трудный путь.

Въ старости, въ 1770 году, за годъ до смерти, Наталья Борисовна, уже тринадцать лѣтъ монахиня Фроловскаго монастыря въ Кіевѣ, набросала для своего сына и его жены свои воспоминанія объ обрученіи своемъ, свадьбѣ и ссылкѣ.

Записки княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой.

1767 году генваря 12 дня.

Какъ скоро вы [1]) отъ меня поѣхали, осталась я въ уединеніи пришло на меня уныніе, и такъ отягощена была голова моя безпокойными мыслями: казалось, что уже отъ той тягости къ землѣ клонюсь. Не знала, чѣмъ бы тѣ безпокойныя мысли разбить; пришло мнѣ на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себѣ оставила на память журналъ, что́ мнѣ случилось въ жизни моей достойно памяти и какимъ средствомъ я жизнь проводила. Хотя она очень бѣдственна и до-днесь, однако во удовольствіе ваше хочу васъ тѣмъ утѣшить, и желаніе ваше или любопытство исполнить, когда то будетъ Богу угодно и слабость моего здоровья допуститъ. Хотя я и не могу много писать, но ваше прошеніе меня убѣждаетъ. Сколько можно, буду стараться, чтобъ привести на память все то, что случилось мнѣ въ жизни моей.

---

[1]) Княгиня Долгорукова обращается къ старшему сыну своему князю Михаилу Ивановичу (1731—1794) и къ супругѣ его.

Не всегда бываютъ счастливы благороднорожденные; по большей части находятся въ свѣтѣ изъ знатныхъ домовъ происходящіе бѣдственны, а отъ подлости рожденные происходятъ въ великіе люди, знатные чины и богатства получаютъ. На то есть опредѣленіе Божіе. Когда и я на свѣтѣ родилась, надѣюсь, что всѣ пріятели отца моего и знающіе домъ нашъ блажили день рожденія моего, видя радующихся родителей моихъ и благодарящихъ Бога о рожденіи дочери. Отецъ мой и мать надежду имѣли, что я имъ буду утѣха при старости. Казалось бы и такъ, по предѣламъ свѣта сего ни въ чемъ бы недостатку не было. Вы сами небезъизвѣстны о родителяхъ моихъ, отъ кого на свѣтъ произведена, и домъ нашъ знаете, который и донынѣ во всякомъ благополучіи состоитъ; братья и сестры мои живутъ во удовольствіи міра сего, честьми почтены, богатство и изобиліе [1]). Казалось и мнѣ никакого слѣду не было къ нынѣшнему моему достоянію. Для чего бы и мнѣ не такъ счастливой быть, какъ и сестры мои? Я еще всегда думала предъ ними преимущество имѣть, потому что я была очень любима у матери своей и воспитана отмѣнно отъ нихъ, я же имъ и большая. Надѣюсь, тогда всѣ обо мнѣ разсуждали: такого великаго господина дочь, знатство и богатство, кромѣ природныхъ достоинствъ, обратитъ очи всѣхъ знатныхъ жениховъ на себя, и я, по человѣческому разсужденію, совсѣмъ опредѣлена къ благополучію; но Божій судъ совсѣмъ не сходенъ съ человѣческимъ опредѣленіемъ. Онъ по своей власти иную жизнь мнѣ назначилъ, объ которой никогда и никто вздумать не могъ и ни я сама.

Я очень имѣла склонность къ веселію. Я осталась малолѣтня послѣ отца моего, не больше какъ пяти лѣтъ; однако я росла при вдовствующей матери моей во всякомъ довольствѣ, которая старалась о воспитаніи моемъ, чтобъ ничего не упустить въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобъ мнѣ умножить достоинствъ. Я ей была очень дорога; льстилась мною веселиться, представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали и радости; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучіе кончилось: смерть меня съ нею разлучила. Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ: это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько

[1]) Два брата, графы Петръ Борисовичъ (1713—1788), отъ котораго происходятъ нынѣшніе графы Шереметевы, и Сергѣй Борисовичъ (1715—1768), не оставившій потомства. Двѣ сестры графиня Вѣра (1716)—за Лопухинымъ и графиня Екатерина (1718)—за кн. Урусовымъ.

я ни плакала, только еще все недоставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не воротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ, который уже сталъ своему дому господинъ. Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ горести описать, которыя со мной случались? Надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи впредбудущаго счастія; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя Власть грозитъ мнѣ бѣдами и что въ будущее надежда обманчива бываетъ.

И такъ, я послѣ матери своей всѣхъ канпаній лишилась; пришло на меня высокоуміе, вздумала я себя сохранить отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. И такъ, я сама себя заключила; и правда, что въ тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣтѣ: очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мыкаться, какъ въ нонѣшній вѣкъ. Я такъ вамъ пишу, будто я съ вами говорю, и для того вамъ отъ начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и въ самой молодости весело не живала и никогда сердце мое большаго удовольствія не чувствовало. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣ пріучала себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года; дни мои проходили безутѣшны. Тогда обыкновенно всегда, гдѣ слышатъ невѣсту богатую, тутъ и женихи льстятся; пришло и мое время, чтобъ начать ту благополучную жизнь, которую я льстилась. Я очень была счастлива женихами; однако то оставлю, а буду вамъ то писать, что въ дѣло произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи; я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благосклонна. Напротивъ того, и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: ахъ, какъ она счастлива! Моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать; а не знала, что это счастіе мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастіи, которыхъ Богъ благословитъ. Однако,

я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать; а радовалась тѣмъ видя себя въ такомъ благополучіи цвѣтущею. Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатку; милый человѣкъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась.

Между тѣмъ начались у насъ пріуготовленія къ сговору нашему. Правду могу сказать, рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько домъ нашъ могъ помѣстить обоихъ персонъ; не было ни одной комнаты, гдѣ бы не полно было людей. Обрученіе наше было въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, бриліантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереею; мои-бъ руки не могли-бъ всего забрать, когда-бъ мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой—въ шесть тысячъ. Напротивъ, и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляши золоченыя. Казалось мнѣ тогда, по моему молодоумію, что это все прочно и на цѣлой мой вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго, а все на часъ. Сговоръ мой былъ въ семь часовъ пополудни; это была уже ночь, и для того принуждены были смоляныя бочки зажечь для свѣту, чтобъ видно было разъѣзжаться гостямъ; тѣснота превеликая отъ каретъ была; отъ того великаго огня видно было, сказываютъ, что около ограды дому нашего столько было народа, что вся улица заперлась, и кричалъ народъ: «Слава Богу, отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову!» Надѣюсь, вы довольно извѣстны, что отецъ мой былъ первой фельдмаршалъ и что очень былъ любимъ народомъ, и до-днесь его помнятъ. О прочихъ всѣхъ сговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, нынѣшнее мое состояніе и званіе запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, чтó можете вздумать, ничего упущено не было. Это мое благополучіе и веселіе долго-ль продолжалось? Не болѣе какъ отъ декабря 24 дня по 18 генваря день.

Вотъ моя обманчивая надежда кончилась, со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Нафаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть; да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

Теперь надобно уже иную матерію зачать. Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались навѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, кто-бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нонѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ окончилъ животъ свой; паче чаянія моего, чего я никогда не ожидала, сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго государя, и великой былъ плачъ въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они ни стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что государь боленъ и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было,—не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было иного ничего отъ меня, что пропала! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачъ мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фа-

вориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя; но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако, послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время правда, что (одинъ) женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то несклонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра—другого; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое разсужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или можетъ быть, меня жалѣли. — Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ разсказывалъ объ смерти, жалости достойной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ нимъ прощался. И, такъ говоря, плакали оба, и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. И такъ, часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня сташа, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ

я въ стрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучше-бъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ!

Выбрана была на престолъ одна принцесса крови, которая никакого слѣду не имѣла въ коронѣ [1]). Между тѣмъ пріуготовлялись церемоніи къ погребенію. Пришелъ тотъ назначенной несчастливый день; нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря ту плачевную церемонію. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами, множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ, какъ обыкновенно бываютъ такія высочайшія погребенія, несли государственные гербы, кавалерію, разные ордена, короны; въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенные, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявши противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миною: кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю. Я такъ обезпамятовала, что упала на окошко: не могла усидѣть отъ слабости. Потомъ и гробъ везутъ: отступили отъ меня уже всѣ чувства на нѣсколько минутъ. А какъ опомнилась, оставя всѣ церемоніи, плакала, сколько мое сердце дозволило, разсуждая мыслію своею, какое это сокровище земля принимаетъ, на которое, кажется, и солнце со удивленіемъ сіяло. Умъ сопряженъ былъ съ мужественною красотою; природное милосердіе, любовь къ подданнымъ нелицемѣрная. О, Боже мой, дай великодушно понести сію напасть, лишеніе сего милостиваго монарха. О, Господи, Всевышній Творецъ, Ты вся можеши, возврати хотя на единую минуту духъ его и открой глаза его, чтобъ онъ увидѣлъ вѣрнаго своего слугу, идущаго предъ гробомъ, потерявъ всю надежду ко утѣшенію и облегченію печали его! И такъ окончилась церемонія; множество знатныхъ дворянъ, слѣдующихъ за гробомъ; казалось мнѣ, что и небо плачетъ, и всѣ стихіи небесныя. Надѣюсь, между тѣмъ и такіе были, которые радовались, чая себѣ отъ новой государыни милости.

---

[1]) Такъ какъ закона о престолонаслѣдіи не было, то и нельзя сказать, кому былъ слѣдъ въ коронѣ; но по старшинству она скорѣе принадлежала Мекленбургской принцессѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, старшей дочери царя Ивана Алексѣевича, нежели Аннѣ Ивановнѣ.

По нѣсколькихъ дняхъ послѣ погребенія, пріуготовляли торжественное восшествіе новой государыни въ столичный городъ со звономъ, съ пушечною пальбою. Въ назначенный день поѣхала и я посмотрѣть ея встрѣчи: для того полюбопытствовала, что я ее не знала отъ роду въ лицо, кто она. Во дворцѣ, въ одной отхожей комнатѣ, я сидѣла, гдѣ всю церемонію видѣла. Она шла мимо тѣхъ оконъ, подъ которыми я была, и тутъ послѣдній разъ видѣла, какъ мой женихъ командовалъ гвардіею; онъ былъ маіоръ, отдавалъ ей честь на лошади. Подумайте, каково мнѣ глядѣть на сіе позорище! И съ того времени въ жизни своей я ее не видала. Престрашнаго была взору. Отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста. Какъ я поѣхала домой, надобно было ѣхать черезъ всѣ полки, которые въ строю были собраны. Я поспѣшила домой, еще не распущены были. Боже мой Я тогда свѣта не видѣла и не знала отъ стыда, куда меня везутъ, и гдѣ я. Одни кричатъ: «это отца нашего невѣста!» Подбѣгаютъ ко мнѣ: «матушка наша, лишились мы своего государя!» Иные кричатъ: «прошло ваше время, теперь не старая пора!» Принуждена была все это вытерпѣть, рада была, что доѣхала до двора своего; вынесъ Богъ изъ такого садому.

Какъ скоро вступила государыня въ самодержавство, такъ и стали искоренять нашу фамилію; не такъ бы она злобна была на насъ, да фаворитъ ея, который былъ безотлучно при ней, онъ старался нашъ родъ истребить, чтобъ его на свѣтѣ не было; по той злобѣ, когда ее выбирали на престолъ, то между прочими пунктами написано было, чтобъ онаго фаворита, который былъ при ней каммергеромъ, въ наше государство не ввозить: потому что они жили въ своемъ владѣніи; хотя она и наша принцесса, да была выдана замужъ; овдовѣвши, жила съ своемъ владѣніи, а оставить и его въ своемъ домѣ, чтобъ онъ у насъ ни въ какихъ дѣлахъ не былъ, къ чему она и подписалась. Однако злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили; и его къ ней попрежнему допустили. Какъ онъ усилился, побравъ себѣ знатные чины, первое возымѣлъ дѣло съ нами, и искалъ, какими бы мѣрами насъ истребить изъ числа живущихъ. Такъ публично говорилъ: дома той фамиліи не оставлю! Что онъ не напрасно говорилъ, но и въ дѣло произвелъ. Какъ онъ уже взошелъ на великую степень, онъ не могъ уже на насъ спокойными глазами глядѣть. Онъ насъ боялся и стыдился; зналъ нашу фамилію, за сколько лѣтъ рожденные князья имѣли свое владѣніе, сколькимъ

коронамъ заслужили. Всѣ предки нашъ родъ любили за вѣрную службу къ отечеству, живота своего не щадили; сколько на войнахъ головы свои положили! За такія ихъ знатныя службы были отъ государей отмѣнно награждены великими чинами, кавалеріами, и въ чужихъ государствахъ многимъ спокойствіе дѣлали, гдѣ имя ихъ славно; а онъ былъ самый подлый человѣкъ, а дошелъ до такого великаго градуса, однимъ словомъ сказать, только одной короны не доставало! Уже всѣ въ руку его цѣловали, и что хотѣлъ, то дѣлалъ: уже титуловали его ваше высочество; а онъ не что иное былъ, какъ башмачникъ: на дядю моего сапоги шилъ. Сказываютъ, мастеръ превеликой былъ; да красота его до такой великой степени довела. Бывши такихъ высокихъ мыслей, думалъ, что не удастся ему до конца привести свое намѣреніе, онъ не истребитъ знатные роды; (но) такъ и сдѣлалъ: не только нашу фамилію, но другую такую же знатную фамилію сокрушилъ, разорилъ и въ ссылку сослалъ [1]). Уже все ему было покорено. Однако о томъ я буду молчать, чтобъ не прейтить предѣловъ; я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать.

Не зналъ онъ, чѣмъ начать, чтобъ насъ сослать. Первое, всѣхъ сталъ къ себѣ призывать изъ тѣхъ же людей, которые прежде намъ друзья были; ласкалъ ихъ, выспрашивалъ, какъ мы жили, и не дѣлали ли кому обиды, не брали ли взятокъ? Нѣтъ, никто ничего не сказалъ. Онъ этимъ не доволенъ былъ; велѣлъ указомъ объявить, чтобъ всякой безъ опасности подавалъ самой государынѣ челобитныя, ежели кого чѣмъ обидѣли: и того удовольствія не получилъ. А между тѣмъ всякія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ; иной скажетъ, въ ссылку сошлютъ, иной скажетъ, чины и кавалеріи оберутъ; подумайте, каково мнѣ тогда было, будучи въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руку помощи не имѣть, и не съ кѣмъ о себѣ посовѣтывать; а надобно и домъ, долгъ и честь сохранить, и вѣрность не уничтожить. Великая любовь къ нему весь страхъ изгонитъ изъ сердца; а иногда нѣжность воспитанія и природа въ такую горесть приведетъ, что всѣ члены онѣмѣютъ отъ несносной тоски. Куда какое это злое время было! Мнѣ кажется, при Антихристѣ не тошнѣе того будетъ. Кажется, въ тѣ дни и солнце не свѣтило; кровь вся закипитъ, когда вспомню, какіе столбы поколебалъ, до основанія разорилъ, и до-днесь не можемъ исправиться; что же до меня касается, въ здѣшнемъ свѣтѣ на вѣки пропала.

---

[1]) Т. е. князей Голицыныхъ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Работы де-Велли. Наход. въ Академіи художествъ.

Худож. фототип. К. А. Фишера.

И такъ мое жалкое состоянiе продолжалось по апрѣль мѣсяцъ; только и отрады мнѣ было, когда его вижу, поплачемъ вмѣстѣ, и такъ домой поѣдетъ. Куда уже всѣ веселья пошли! Ниже сходства было, что это женихъ къ невѣстѣ ѣздитъ. Что же между тѣмъ, какiя были домашнiя огорченiя? Боже, дай мнѣ все то забыть! Наконецъ, ужъ надо нашъ несчастливый бракъ окончить; хотя, какъ ни откладывали день отъ дня, но, видя мое непремѣнное намѣренiе, принуждены согласиться. Братъ тогда былъ боленъ большой, а меньшой, который меня очень любилъ, жилъ въ другомъ домѣ, по той причинѣ, что онъ тогда не лежалъ еще воспою, а большой братъ былъ воспою боленъ. Ближнiе сродники всѣ отступили; дальнiе и пуще не имѣли резону. Бабка родная умерла [1]). И такъ я осталась безъ призрѣнiя; самъ Богъ давалъ меня замужъ, а больше никто. Не можно всѣхъ тѣхъ безпорядковъ описать, что со мною тогда были; уже день назначили свадьбы; не кому проводить, никто изъ родныхъ не ѣдетъ, да не кому и звать. Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственныхъ, которыя меня провожали, а то принуждена бы съ рабою ѣхать; а ѣхать надобно было въ село, пятнадцать верстъ отъ города, тамъ наша свадьба была. Въ этомъ селѣ они всегда лѣтомъ живали; мѣсто очень веселое и устроенное; палаты каменные, пруды великiе, ранжереи и церковь въ палатахъ. Послѣ смерти государевой отецъ его съ своею фамилiею тамъ жилъ [2]). Фамилiя ихъ была не малая: я, все презря на весь страхъ! Свекоръ былъ и свекровь, три брата, кромѣ моего мужа, и три сестры; вить надобно бы о томъ подумать, что я всѣмъ меньшая и всѣмъ должна угождать во всемъ; во всемъ положилась на волю Божiю: знать судьба мнѣ такъ опредѣлила!

Вотъ уже, какъ я стала прощаться съ братомъ и со всѣми домашними, кажется бы и варваръ сжалился, видя мои слезы; кажется, и стѣны дому отца моего помогали мнѣ плакать; братъ и домашнiе такъ много плакали, что изъ глазъ меня со слезами отпустили. Какая это розница свадьба, сговоръ! Тамъ всѣ кричали: ахъ! какъ она счастлива; а тутъ провожаютъ и плачутъ: знать, что я всѣмъ жалка была. Боже мой, какая перемѣна! Какъ я выѣхала изъ отцовскаго дому, съ тѣхъ поръ цѣлый вѣкъ странствовала. Привезли меня въ домъ свекровъ какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу пе-

---

[1]) Бабка княгини по матери, Марья Ивановна Салтыкова, урожд. княжна Прозоровская, сконч. 23 февраля 1730 г.

[2]) Знаменитые Горенки, нынѣ полуразрушенныя, въ 14 верстахъ отъ Москвы, по Владимирской дорогѣ.

редъ собою. Подумайте, и съ добрымъ порядкомъ замужъ идти, надобно подумать послѣднее счастіе; не токмо въ таковомъ состояніи, какъ я шла. Я пріѣхала въ одной каретѣ, да двѣ вдовы со мною сидятъ, а у нихъ всѣ родные приглашены, дядья, тетки; и пуще мнѣ стало горько: привезли меня какъ бѣдненькую сироту: принуждена все сносить. Тутъ насъ въ церкви вѣнчали. По окончаніи свадебной церемоніи, провожатые мои меня оставили, поѣхали домой; и такъ нашъ бракъ былъ плачу больше достоинъ, а не веселія. На третій день, по обыкновенію, я стала собираться съ визитами ѣхать по ближнимъ его сродникамъ и рекомендовать себя въ ихъ милость: всегда можно было изъ того села ѣхать въ городъ послѣ обѣда, домой ночевать пріѣзжали.

Вмѣсто визитовъ, сверхъ чаянія моего, мнѣ сказываютъ, пріѣхалъ-де секретарь изъ Сенату; свекоръ мой долженъ былъ его принять. Он ему объявляетъ: указомъ велѣно-де вамъ ѣхать въ дальнія деревни, и тамъ жить до указу. Охъ! какъ мнѣ эти слова не полюбились; однако я крѣплюся, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ представляю: поѣзжайте сами къ государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ, глядя на меня, удивляется моему молодоумію и смѣлости. Нѣтъ, я не хотѣла свадебной церемоніи пропустить, и не разсудя, что уже бѣда, подбила мужа уговорила его ѣхать съ визитомъ: поѣхали къ дядѣ родному, который насъ съ тѣмъ встрѣтилъ: «былъ ли у васъ сенатскій секретарь? У меня былъ, и велѣно мнѣ ѣхать въ дальнія деревни, жить до указу» Вотъ тутъ и другіе дяди съѣхались, всѣ то же сказываютъ. Нѣтъ, нѣтъ, уже я вижу, что на это дѣло нѣту починки: это мнѣ свадебныя конфекты. Скорѣе домой поѣхали, и съ тѣхъ поръ мы другъ друга не видали, и никто ни съ кѣмъ не прощались: не дали время. Я пріѣхала домой; у насъ уже сбираются; велѣно въ три дни чтобы въ городѣ не было; принуждена судьбѣ повиноваться. У насъ такое время, когда къ несчастію, то нѣтъ уже никакого оправданія, не лучше турковъ: когда-бъ прислали петлю, должны-бъ удавиться.

Подумайте, каково мнѣ тогда было видѣть: всѣ плачутъ, суетятся, сбираются! И я суечусь. Куда ѣду, не знаю, и гдѣ буду жить, не вѣдаю, только что слезами обливаюсь. Я еще и къ нимъ ни къ кому не привыкла; мнѣ страшно было только въ чужой домъ перейтить. Какъ это тяжело! Такъ далеко везутъ, что никого своихъ не увижу однако въ разсужденіи для милаго человѣка все должна сносить; стала я сбираться въ дорогу; а какъ я очень молода, никуда не ѣзжала, и что въ дорогѣ надобно, не знала никакихъ обстоятельствъ

что можетъ впредь быть: обоимъ намъ и съ мужемъ было тридцать семь лѣтъ. Онъ выросъ въ чужихъ, жилъ все при дворѣ; онъ все на мою волю отдалъ; не знала, что мнѣ дѣлать, научить было некому. Я думала, что мнѣ ничего не надобно будетъ и что очень скоро насъ воротятъ. Хотя и вижу, что свекровь и золовки съ собой очень много берутъ изъ брилліантовъ, изъ галантереи, все по карманамъ прячутъ, мнѣ до того и нужды не было: я только хожу за нимъ слѣдомъ, чтобъ изъ глазъ моихъ куда не ушелъ; и такъ чисто собралась: что имѣла при себѣ, золото и серебро, все отпустила домой къ брату на сохраненіе, довольно моему глупому тогдашнему разсудку, изъяснить вамъ хочу, не токмо брилліантовъ что оставить для себя и всякихъ нуждъ, всякую мелочь: манжеты кружевныя, платки, чулки шелковые, сколько ихъ было дюжинъ, все отпустила. Думала, на что мнѣ тамъ? всего не переносить; шубы всѣ обобрала у него и послала домой, потому что онѣ всѣ были богатыя; одинъ тулупъ ему оставила, да себѣ шубу, да платье черное, въ чемъ ходила тогда по государѣ. Братъ прислалъ на дорогу тысячу рублевъ; на дорогу вынула четыреста, а то назадъ отослала; думаю, на что мнѣ такъ много денегъ прожить? Мы поѣдемъ на общемъ коштѣ; мой отъ отца не отдѣленъ. Послѣ уже узнала глупость свою, да поздно было; только на утѣшеніе себѣ оставила одну табакерку золотую, и то для того, что царская милость.

И такъ мы, собравшись, поѣхали; съ нами было собственныхъ людей десять человѣкъ, да лошадей его любимыхъ верховыхъ пять. Я дорогою уже узнала, что я на своемъ коштѣ ѣду, а не на общемъ. Ѣдемъ въ незнаемое мѣсто и путь въ самый розливъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, гдѣ всѣ луга потопляетъ вода, и маленькіе розливы бываютъ озерами, а ѣхать до той деревни, гдѣ намъ жить, восемьсотъ верстъ. Изъ моей родни никто ко мнѣ не поѣхалъ проститься, или не смѣли, или не хотѣли, Богъ то разсудитъ; а только со мной поѣхала моя мадамъ, которая за маленькою за мною ходила, иноземка; да дѣвка, которая при мнѣ жила: я и тѣмъ была рада. Мнѣ какъ ни было тяжело, однако принуждена духъ свой стѣснять и скрывать свою горесть для мужа милаго; ему и такъ тяжело, что самъ страждетъ, при томъ же и меня видитъ, что его ради погибаю. Я въ радости ихъ не участница была, а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая, надобно всякому угодить. Я надѣялась на свой нравъ, что я всякому услужу. И такъ, куда мы пріѣдемъ на станъ, пошлемъ закупать сѣно, овесъ лошадямъ. Стала уже и я въ экономію входить; вижу, что денегъ много идетъ. Мужъ мой пойдетъ смотрѣть, какъ

лошадямъ кормъ задаютъ, и я съ нимъ; отъ скуки что было дѣлать? Да эти лошади право и стоили того, чтобы за ними смотрѣть; ни прежде, ни послѣ такихъ красавицъ не видала; когда-бъ я была живописецъ, не устыдилась бы ихъ портреты написать.

Девяносто верстъ отъ города какъ отъѣхали, въ первой провинціальной городъ пріѣхали: тутъ случилось намъ обѣдать. Вдругъ явился къ намъ капитанъ гвардіи, объявляетъ намъ указъ: велѣно де съ васъ кавалеріи снять. Въ столицѣ знать стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой, какое это ихъ правосудіе! Мы отдали тотчасъ съ радостію, чтобы ихъ спокоить; думали, они тѣмъ будутъ довольны, обругали, сослали; нѣтъ, у нихъ не то на умѣ. Поѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми стезями, никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелыя; кучера только знаютъ, какъ по городу провезти. Настигла насъ ночь, принуждены стать въ полѣ, а гдѣ, не знаемъ, на дорогѣ ли, или свернули, никто не знаетъ, потому что все воду объѣзжали. Стали тутъ, палатки поставили. Это надобно знать, что наша палатка будетъ всѣхъ далѣ поставлена, потому что лучшее мѣсто выберутъ свекру, подлѣ по близости золовкамъ, а тамъ деверьямъ холостымъ, а мы будто иной партіи: послѣднее мѣсто намъ будетъ. Случилось и въ болотѣ; какъ постелю сымутъ—мокра, иногда и башмаки полны воды. Это мнѣ очень памятно, что весь лугъ былъ зеленой, травы не было, какъ только чеснокъ полевой; и такой былъ духъ тяжелый, что у всѣхъ головы болѣли, и когда мы ужинали, то мы всѣ видѣли, что два мѣсяца взошло, ардинарный большой, а другой подлѣ него поменьше, и мы долго на нихъ смотрѣли, и такъ ихъ оставили, спать пошли. По утру, мы встали, свѣтъ насъ освѣтилъ, удивлялись сами, гдѣ мы стояли: въ самомъ болотѣ и не по дорогѣ, какъ насъ Богъ помиловалъ, что мы гдѣ не увязли ночью, такъ оттудова насилу на прямую дорогу выбились.

Маленькая у насъ утѣха была, псовая охота. Свекоръ превеликій охотникъ былъ; гдѣ случится какой перелѣсочекъ, мѣсто для нихъ покажется хорошо, верхами сядутъ и поѣдутъ, пустятъ гончихъ; только провожденіе было времю, или сказать скукѣ. А я останусь одна, утѣшу себя, дамъ глазамъ своимъ волю и плачу сколько хочу.

Въ одинъ день такъ случилось; мой товарищъ поѣхалъ верхомъ, а я осталась въ слезахъ. Очень уже поздно, стало смеркаться, и гораздо уже темно, вижу противъ меня скачутъ двое верховые, прискакали къ моей каретѣ, кричатъ: «стой!» Я удивилась; слышу голосъ мужа моего и съ меньшимъ братомъ, который весь мокръ. Говоритъ

мнѣ мужъ: вотъ онъ избавилъ меня отъ смерти. Какъ же я испужалась! Какъ-де мы поѣхали отъ васъ, и все разговаривали и сшиблись съ дороги; видимъ мы, за нами никого нѣтъ, вотъ мы по лошадямъ ударили, чтобъ скорѣе кого своихъ наѣхать; видимъ, что поздно; пріѣхали къ ручью, казался очень мелокъ; такъ мой мужъ хотѣлъ напередъ ѣхать опробовать, какъ глубокъ. Такъ бы они, конечно, утонули, потому что тогда подъ нимъ лошадь была не проворна, и онъ былъ въ шубѣ; братъ его удержалъ, говоритъ: «постой! на тебѣ шуба тяжела, а я въ одномъ кафтанѣ, подо мною же и лошадь добра, она меня вывезетъ, а послѣ вы переѣдете». Какъ это выговоря, тронулъ свою лошадь; она передними ногами ступила въ воду, а задними уже не успѣла, какъ ключъ ко дну; такъ крутоберего было и глубоко, что не могла задними ногами справиться, одна только шляпа поплыла; однако она очень скоро справилась, лошадь была проворная, а онъ крѣпко на ней сидѣлъ, за гриву ухватился. По счастію ихъ, человѣкъ ихъ наѣхалъ, который отъ нихъ отсталъ; видя ихъ въ такой бѣдѣ, тотчасъ кафтанъ долой, бросился въ воду; онъ умѣлъ плавать, ухватилъ за волосы и притащилъ къ берегу. И такъ, Богъ его спасъ животъ, и лошадь выплыла. Такъ испужалась, и плачу и дрожу вся; побожилась, что я его никогда верхомъ не пущу, спѣшили скорѣе доѣхать до мѣста, насилу его отогрѣли, въ деревню пріѣхавши.

Послѣ, нѣсколько дней спустя, пріѣхали мы ночевать въ одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а рѣка преширокая; только что мы расположились, палатки поставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, вся деревня, валяются въ ноги, плачутъ, просятъ: «спасите насъ! сегодня къ намъ подкинули письмо; разбойники хотятъ къ намъ пріѣхать, насъ всѣхъ прибить до смерти, а деревню сжечь; помогите вы намъ! у васъ есть ружья; избавьте насъ отъ напрасной смерти, намъ оборониться нечѣмъ; у насъ, кромѣ топоровъ, ничего нѣтъ, здѣсь воровское мѣсто; на этой недѣлѣ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню совсѣмъ разорили; мужики разбѣжались, а деревню сожгли». Ахъ, Боже мой! какой же на меня страхъ пришелъ! боюсь до смерти разбойниковъ; прошу, чтобъ уѣхать оттудова: никто меня не слушаетъ. Всю ночь не спали, пули лили, ружья заряжали, и такъ готовились на драку; однако Богъ избавилъ насъ отъ той бѣды: можетъ быть, они и подъѣзжали водою, да побоялись, видя такой великій обозъ, или и не были. Чего же мнѣ эта ночь стоила! Не знаю, какъ я ее пережила; рада, что свѣту дождалась. Славу Богу! уѣхали.

И такъ, мы три недѣли путались и пріѣхали въ свои деревни, которыя были на половинѣ дороги, гдѣ намъ опредѣлено было жить.

Пріѣхавши, мы расположились на нѣсколько время прожить, отдохнуть намъ и лошадямъ; я очень рада была, что въ свою деревню пріѣхали [1]). Казна моя уже очень истончала; думала, что моимъ расходамъ будетъ перемѣна, не все буду покупать, по крайней мѣрѣ сѣна лошадямъ не куплю; однако я недолго объ этомъ думала; не больше мы трехъ недѣлей тутъ прожили; паче чаянія нашего вдругъ ужасное нѣчто насъ постигло. Только что мы отобѣдали—въ эвтомъ селѣ домъ былъ господскій, и окна были на большую дорогу:—взглянула я въ окно, вижу пыль великую по дорогѣ; видно изъ далека, что очень много ѣдутъ и очень скоро бѣгутъ. Когда стали подъѣзжать, видно, что все телѣги парами, позади коляска.... [2]); всѣ наши бросились смотрѣть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ; въ коляскѣ офицеръ гвардіи, а по телѣгамъ солдаты двадцать четыре человѣка. Тотчасъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не умаляется, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была! Упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ. Я уже ничего не знаю, что они объявили свекру; а только помню, что я ухватилась за своего мужа и не отпускаю отъ себя; боялась, чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великій плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ: можно ли ту бѣду описать? Я не могу ни у кого допроситься, что будетъ съ нами, не разлучатъ ли насъ. Великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей премножество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хотятъ быть съ ними неразлучно; женщины, какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ. Боже мой, какой это ужасъ! Кажется бы и варваръ, глядя на это жалкое позорище, умилосердился. Насъ уже на квартиру не отпущаютъ: какъ я и прежде писала, что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не помѣстились въ одномъ домѣ; мы стояли у мужика на дворѣ, а спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штыки. Боже мой, какой это страхъ! Я отъ роду ничего подобнаго этому не видала и не слыхала. Велѣли наши командиры кареты закладать; видно, что хотятъ насъ везти, да не знаемъ куда. Я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять.

---

[1]) Въ село Селище, въ 6 верстахъ отъ города Касимова по дорогѣ въ Елатьму.

[2]) Въ подлинникѣ два слова нельзя разобрать.

Войдите въ мое состоянiе, каково мнѣ тогда было! Только меня и поободряло, что онъ со мною, и всѣ, видя меня въ таковомъ состоянiи, увѣряютъ, что съ нимъ неразлучна буду. Я бы хотѣла самого офицера спросить, да онъ со мною не говоритъ, кажется неприступный; придетъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ я сижу, поглядитъ на меня, плечами пожметъ, вздохнетъ, и прочь пойдетъ, а я спросить его не осмѣлюсь.

Вотъ уже къ вечеру велятъ намъ въ кареты садиться и ѣхать. Я уже опомнилась и стала просить, чтобъ меня отпустили на квартиру собраться; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла, и два солдата за мною; я не помню, какъ меня мой мужъ довелъ до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла я съ нимъ поговорить и свѣдать, что съ нами дѣлается; а солдатъ тутъ, ни пяди отъ насъ не отстаетъ; подумайте, какое жалостное состоянiе! И такъ я ничего не знаю, что далѣе съ нами будетъ. Мои домашнiе собрались; я уже ничего не знаю; они сѣли въ карету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно мнѣ говорить, а солдаты всѣ за нами поѣхали. Тутъ онъ мнѣ сказалъ: офицеръ объявилъ, что велѣно васъ подъ жестокимъ карауломъ везти въ дальнiе городы, а куда—не велѣно сказывать. Однако, свекоръ мой умилостивилъ офицера и привелъ его на жалость; сказалъ, что насъ везутъ въ островъ [1]), который состоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и больше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ намъ никого не допущать, ни насъ никуда, кромѣ церкви, переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернилъ намъ не давать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; первое, — лишилась дому своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила, я же не буду и слышать объ нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшiй мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестры маленькiя остались. О, Боже мой, какая это тоска пришла! Жалость, сродство, кровь вся закипѣла отъ несносности. Думаю я, уже никого не увижу своихъ, буду жить въ странствiи; кто мнѣ поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ и вѣдать обо мнѣ, гдѣ я; когда я ни съ кѣмъ не буду кореспонденцiи имѣть, или переписки; хотя я какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто мнѣ не подастъ; а можетъ быть, имъ тамъ скажутъ, что я уже умерла, что меня и на свѣтѣ нѣтъ; они только поплачутъ и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться!

---

[1]) Городъ Березовъ стоитъ на островѣ, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогулкою.

Съ этими мыслями ослабѣли всѣ мои чувства, онѣмѣли, а послѣ полились слезы.

Мужъ мой очень испужался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ сказалъ правду; боялся, чтобъ я не умерла; истинная его ко мнѣ любовь принудила духъ свой стѣснить и утаевать эту тоску, и перестать плакать; и должна была его еще подкрѣплять, чтобъ онъ себя не сокрушилъ: онъ всего свѣту дороже былъ. Вотъ любовь до чего довела! все оставила: и честь, и богатство, и сродниковъ, и стражду съ нимъ, и скитаюсь; этому причина—все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; мнѣ казалось, что онъ для меня родился и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. И по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнію своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и великія бѣды сносить, могу сказать, безпримѣрныя бѣды. Послѣ услышите, ежели слабость моего здоровья допуститъ всѣ мои бѣды описать.

И такъ, насъ довезли до Касимова. Я вся расплакана; свекоръ мой очень испужался, видя меня въ таковомъ состояніи; однако говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ тутъ съ нами и унтеръ-офицеръ; поставили насъ уже вмѣстѣ, а не на розныхъ квартирахъ, и у дверей поставили часовыхъ, примкнуты штыки.

Тутъ мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако, не такъ сдѣлалось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она—человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ; все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребывніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать; людей намъ дали для услугъ 10 человѣкъ; а женщинъ на каждую персону по человѣку, всѣхъ пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою; однако золовки мои отговорили; для себя включили въ то число свою; а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ,

ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать; я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ, я хорошо собралась: ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла при себѣ оная моя воспитательница денегъ, мнѣ отдала; сумма не очень велика была—шестьдесятъ рублевъ; съ тѣмъ я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко рѣка была отъ дому нашего; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я во свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ; сколько можно было — помогала моему бѣдному состоянію; пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе, тутъ же и прощаться, что я уже ее въ послѣдній разъ вижу; ухватились мы другъ другу за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ; я вскочила съ постели, бѣгу вверхъ, думаю, еще хотя разъ увижу—ниже мѣста того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ, знать я его въ воду упустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ ужъ и не жаль было, не до него: жизнь тратится. Такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ, громъ, молнія; гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ: какъ громъ грянетъ, то и попадаютъ люди. Золовка меньшая, очень боялась—та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе! Принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна препроводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали водою; когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою — вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была и осетръ со мною; а когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на палубу и положатъ на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувства лежу, покамѣстъ погода утихнетъ, и покроютъ меня шубою: на водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня си-

дитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла, все тошнилось [1]).

Однажды что съ нами случилось: погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто-бъ зналъ, гдѣ глубь, гдѣ мель, и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ, а такъ все мужики набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ, а темно ужъ становится, ночь близка, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ; якорь бросили середи рѣки въ самую глубь: якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ наверхъ; боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ меня не задавили; люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло, я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ, какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы—никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ; на одномъ берегу все березникъ, такъ какъ надобно рощѣ не очень густой; стала эта земля осѣдать и съ лѣсомъ нѣсколько саженъ опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ кверху подыметъ, и насъ въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго; думали все, что мы пропали; и командиры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малою самою частію земли вода; надобно думать, что озеро; когда-бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно-бъ намъ въ томъ озерѣ быть. Вѣтеръ преужасный тогда былъ; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когда-бъ не самая милость Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать, землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды, выѣхали на свѣту на свой путь, изъ онаго заливу въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ. Однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на бо́льшія готовилась, для того меня Богъ и подкрѣплялъ.

Доѣхали мы до города Соликамска, гдѣ надобно намъ выгружаться на берегъ и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада, думала такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ: не на то меня судьба опредѣлила, чтобъ покоиться! Какая же это дорога? Триста верстъ должно было переѣхать горами, верстъ по пяти

---

1) Княгиня была тогда беременна первымъ ребенкомъ, кн. Михаиломъ Ивановичемъ, родившимся въ Березовѣ 2 апрѣля 1731 года.

на горы и съ горы также; онѣ же какъ усыпаны дикимъ камнемъ, а дорожка такая узкая, въ одну лошадь только впряжено, что называется гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы; ежели въ двѣ лошади впрячь, то одна другую въ ровъ спихнетъ; оные же рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины; какъ взъѣдешь на самый верхъ горы, и посмотришь по сторонамъ — неизмѣримая глубина; только видны однѣ вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣсу не видала. Это каменная дорога; я думала, что у меня сердце оторветъ; сто разъ я просилась: дайте отдохнуть! Никто не имѣетъ жалости; а спѣшатъ какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться; а надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе домики для пристанища проѣзжавшихъ и для корму лошадямъ. Что случилось? Одинъ день весь шелъ дождь и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли изъ колясокъ, то съ головы и до ногъ съ насъ текло, какъ изъ рѣки вышли; коляски были маленькія, кожи всѣ промокли, закрыться нечѣмъ; да и, пріѣхавши на квартиру, обсушиться негдѣ, потому что одна только хижина, а фамилія наша велика, всѣ хотятъ покою. Со мною и тутъ несчастье пошутило.

Повадка или привычка прямо ходить; меня за то смалу били: ходи прямо, притомъ же и росту я немалаго была: какъ только въ ту хижину вошла, гдѣ намъ ночевать, только черезъ порогъ переступила, назадъ упала, ударилась объ матицу — она была очень низка — такъ крѣпко, что я думала, что съ меня голова спала. Мой товарищъ испужался; думалъ, я умерла; однако молодость лѣтъ все мнѣ сносить помогала, всякія бѣдственныя приключенія; а бѣдная свекровь моя такъ простудилась отъ этой мокроты, что и руки и ноги отнялись, и черезъ два мѣсяца животъ свой окончила. Не можно всего описать, сколько я въ той дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла: пускай бы я одна въ страданіи была, товарища своего не могу видѣть безвинно-страждующаго.

Сколько мы въ этой дорогѣ были недѣль — не упомню. Доѣхали до провинціальнаго города того острова, гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою и тутъ будетъ перемѣна; офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручатъ тутошняго гарнизонта офицеру, съ командою 24 человѣка солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки, какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ

очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: «теперь-то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать, какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ». И такъ, мы всѣ плакали, будто съ родникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ исправились съ судномъ, новой командиръ повелъ насъ на судно; процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками. Я уже шла, внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла, великая розница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое; такъ по имени нашему и судно! хотя бы на другой день пропáсть; какъ мы тогда назывались арестанты, иного имени не было;—что уже въ свѣтѣ этого титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно изъ пазовъ доски вышли; насквозь диры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрыпѣть; оно же черное, закоптѣлое, какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное, никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова; да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать, какое случилось, такое и дали; а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ способы искали, какъ бы его приласкать; не могли найтить, да въ комъ и найтить? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ! Какой этотъ глупый офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку да туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ? Я была всѣхъ моложе и не воздержана; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говоритъ, смѣяся: «теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы съ тобою сговорилъ!» Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ и кому были препоручены, чтобъ

онъ усмотрѣлъ, когда-бъ мы что намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? Чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша; думали, что современемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ, мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить...

ГЛАВА V.

Долгоруковы въ Березовѣ. Ихъ гибель.

Послѣ долгаго и тяжелаго пути, семья Долгоруковыхъ прибыла въ Березовъ. Ихъ помѣстили въ острогѣ, находившемся неподалеку отъ церкви Рождества Пресв. Богородицы. Въ оградѣ острожнаго двора имъ былъ отведенъ маленькій одноэтажный деревянный домъ, ветхій и почти безъ мебели. Княгиня Наталья Борисовна съ мужемъ, всегда обставленные хуже другихъ членовъ семьи, поселились въ небольшомъ сараѣ, раздѣленномъ внутри перегородкой. Наскоро имъ были поставлены туда двѣ печи.

Посреди двора былъ прудикъ, гдѣ лѣтомъ плавали утки и гуси, доставлявшіе много развлеченія несчастнымъ, особенно дочерямъ Алексѣя Григорьевича, не имѣвшимъ, кромѣ кормленія птицъ, никакихъ занятій.

Надзоръ за сосланными былъ порученъ, присланному съ этой цѣлью въ Березовъ, майору Семену Петрову. Березовскимъ воеводою былъ тогда нѣкто Бобровскій, добрѣйшій человѣкъ, дѣлавшій все возможное, чтобы облегчить положеніе заключенныхъ. Подъ его вліяніемъ

и Петровъ смотрѣлъ сквозь пальцы на уклоненія отъ суровой инструкціи, присланной изъ столицы. Согласно инструкціи, заключенныхъ не разрѣшалось выпускать за ограду острога, кромѣ праздничныхъ дней, когда ихъ подъ вооруженнымъ конвоемъ должны были водить въ церковь. Имъ было запрещено сообщаться съ кѣмъ бы то ни было; приказано было отнять бумагу и перья. Бобровскій и Петровъ значительно облегчили надзоръ: позволили прогулки въ городѣ, допускали гостей и даже позволяли иногда, Ивану особенно, посѣщать нѣкоторыхъ чиновниковъ города. За все это имъ пришлось жестоко поплатиться: впослѣдствіи оба были сосланы.

Старая княгиня пріѣхала въ Березовъ совсѣмъ больная и умерла черезъ нѣсколько недѣль; ее похоронили возлѣ церкви Рождества Пр. Богородицы и надъ могилой поставили деревянную часовенку, сгорѣвшую въ 1764 г. Князь Алексѣй Григорьевичъ въ несчастьи и ссылкѣ сталъ невыносимъ; мучилъ придирками своихъ дѣтей, особенно Ивана и княжну Екатерину Алексѣевну; онъ часто упрекалъ ихъ въ томъ, что они не сумѣли во время заставить покойнаго государя написать завѣщаніе; что будь оно заявлено при жизни его, дѣло такъ легко нельзя было бы разстроить. Ивану, а иногда и княжнѣ, приходилось терпѣть отъ отца и побои.

Въ 1734 г. онъ умеръ и былъ похоренъ возлѣ жены.

Фельдмаршала Долгорукова правительство, вначалѣ, какъ будто, щадило. Онъ былъ даже назначенъ сенаторомъ. Положеніе его при дворѣ было неловкое, трудное, особенно для него, человѣка прямого, честнаго, не умѣвшаго замалчивать правду. Императрица его не любила; Биронъ ненавидѣлъ, придворные старательно избѣгали: чувствовалось, что гибель его близка. Нуженъ былъ предлогъ, и предлогъ нашелся. Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гамбургскій, бывшій тогда на русской службѣ, человѣкъ очень сомнительной репутаціи и признанный шпіонъ, донесъ въ декабрѣ 1731 г. на стараго фельдмаршала. Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, фельдмаршалъ, будто бы, оскорбительно отзывался объ императрицѣ. Этого было достаточно. Фельдмаршала и его жену немедлено арестовали. Въ доносѣ были также названы лица, слышавшія оскорбительныя рѣчи фельдмаршала: это были—племянникъ его—кн. Георгій Юрьевичъ Долгоруковъ, гвардіи капитанъ, князь Алексѣй Барятинскій, и Георгій Столѣтовъ, гвардейскій офицеръ. Они были тоже арестованы; этихъ трехъ при допросѣ пытали. Сенатъ и генералитетъ были созваны, чтобы вести судебное дѣло; съ характерной угодливостью они всѣмъ вынесли смертный приговоръ. Императрица смягчила наказаніе: фельдмаршалъ и его

жена были приговорены къ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости; имущество ихъ конфисковано. Имъ было однако разрѣшено жить въ Иванъ - Городѣ (около Нарвы) подъ карауломъ капральства солдатъ. У остальныхъ имущество было тоже конфисковано и ихъ самихъ сослали на вѣчную каторгу въ Сибирь: князья Долгоруковъ [1]) и Барятинскій попали въ Охотскъ, Столѣтовъ [2])—въ Нерчинскъ. Князь Михаилъ Владиміровичъ, братъ фельдмаршала, назначенный вначалѣ губернаторомъ въ Астрахань, затѣмъ сосланный, одновременно съ семьей кн. Алексѣя Григорьевича въ одну изъ отдаленныхъ своихъ деревень, пожалованый вскорѣ, по ходатайству фельдмаршала и назначенный губернаторомъ въ Казань,—теперь былъ лишенъ должности и вновь сосланъ въ дальнее помѣстье. У него было три сына: Сергѣй, 36 лѣтъ, Александръ 17 и Василій 9 лѣтъ (впослѣдствіи Долгоруковъ Крымскій). Сергѣй, генералъ-майоръ, былъ отставленъ отъ службы и сосланъ въ деревню; Александръ разжалованъ въ солдаты, безъ права производства, а Василію воспрещено учиться, даже грамотѣ, предписано съ 15 лѣтъ служить рядовымъ всю жизнь. При осадѣ Очкова онъ отличился, и фельдмаршалъ Минихъ, свидѣтель его храбрости, не зная его имени, тутъ же произвелъ его въ офицеры. Узнавъ, что это Долгоруковъ, который былъ лишенъ права производства, фельдмаршалъ воскликнулъ: «Минихъ никогда не лгалъ! Я ему объявилъ, что онъ произведенъ, и онъ останется офицеромъ!» Благодаря запрещенію учиться, къ которому онъ былъ приговоренъ, князь Василій Михайловичъ былъ почти безграмотенъ и едва могъ подписать свое имя. Позже, когда онъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, ставя свою резолюцію на бумагахъ, онъ дѣлалъ самыя невѣроятныя ошибки. Его правитель канцеляріи, Василій Степановичъ Поповъ, говаривалъ ему: «Ваше сіятельство сдѣлали ошибку въ этомъ словѣ»,—Долгоруковъ бросалъ перо и съ досадой говорилъ: «Вы даже и перьевъ очинить не умѣете!»

---

[1]) Кн. Г. Ю. Долгорукова императрица Елизавета вернула изъ ссылки и произвела въ генералъ-майоры.

[2]) Несчастный Столѣтовъ, сосланный въ Нерчинскъ, какъ-то тамъ, въ пьяномъ видѣ проговорился объ какомъ-то своемъ разговорѣ въ Петербургѣ со своимъ деверемъ, мундшенкомъ двора, Сергѣемъ Нестеровымъ, гофмейстеромъ Елагинымъ и княземъ Михаиломъ Бѣлосельскимъ. Этого было достаточно, чтобы Столѣтова вернули въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ переданъ тайной канцеляріи, подвергнутъ страшнымъ пыткамъ и обезглавленъ.

Сестру его, тоже Нестерову, наказывали кнутомъ *нещадно* и сослали съ мужемъ въ Оренбургъ. Елагинъ былъ посаженъ въ тюрьму; Бѣлосельскій сосланъ въ Оренбургъ. Елагинъ и Бѣлосельскій были возвращены изъ ссылки лишь Елизаветой Петровной.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, руководитель верховниковъ, былъ вначалѣ, казалось, въ милости у Бирона и нѣмецкой партіи. Назначенный сенаторомъ, онъ рѣдко бывалъ въ засѣданіяхъ, и когда столица, въ 1732 г., была окончательно перенесена въ Петербургъ, онъ остался въ Москвѣ.

Онъ проводилъ большую часть года въ своемъ подмосковномъ помѣстьѣ Архангельскомъ (теперь принадлежитъ кн. Юсуповымъ); тамъ онъ собралъ великолѣпную библіотеку (около 7 тысячъ томовъ) и старательно держался вдали отъ двора. Но Бирону, во чтобы то ни стало, хотѣлось избавиться отъ этого предпріимчиваго и умнаго старика. Я разсказывалъ уже, что зять князя Дмитрія Михайловича, Константинъ Кантемиръ, выигралъ процессъ о своемъ наслѣдствѣ Антіоха Кантемира научили поднять дѣло вновь и принести жалобу императрицѣ. Это былъ въ 1737 г.—Стараго князя посадили въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ въ слѣдующимъ году, въ апрѣлѣ. Его второй сынъ, Алексѣй, избѣжалъ ссылки благодаря своимъ связямъ съ Салтыковыми; старшій, Сергѣй, былъ сначала оставленъ на своемъ посту въ Берлинѣ, затѣмъ посланъ губернаторомъ въ Казань, гдѣ былъ убитъ молніей 1-го іюля 1738 г., вскорѣ послѣ смерти отца. Князь Дмитрій Михайловичъ перенесъ несчастье съ твердостью, мужествомъ и тѣмъ достоинствамъ, которое всю жизнь было его отличительной чертой. Его политическія заблужденія и олигархичеекія тендеціи не могутъ умалить чувства уваженія, которое внушаетъ этотъ большой человѣкъ, гордый, независимый среди моря человѣческой низости, такъ энергично стремившійся къ достиженію личной независимости, которой бо́льшая часть его современниковъ, равныхъ ему по положеніи и рожденію, не знали цѣны, привыкнувъ пресмыкаться въ рабствѣ, унаслѣдованномъ ими отъ отцовъ и завѣщанномъ потомкамъ, которые пресмыкаются и по сію пору [1]).

---

[1]) Однимъ изъ пострадавшихъ былъ еще князь Александръ Андреевичъ Черкасскій. Въ 1734 г. онъ былъ смоленскимъ губернаторомъ; постъ замѣщаемый въ то время съ большимъ выборомъ, такъ такъ въ виду близости Смоленска къ польской границѣ и постоянныхъ сношеній съ ближайшими польскими провинціями, на губернаторѣ лежала не только административная, но и политическая отвѣтственность. Такой большой баринъ, какъ Черкасскій, независимый и очень богатый (у него было болѣе 40.000 душъ) не могъ, разумѣется, не тяготиться игомъ деспотизма, не могъ не сравнивать своего положенія съ независимымъ положеніемъ польскихъ магнатовъ и не чувствовать себя возмущеннымъ и оскорбленнымъ беззаконіями Бироновскаго режима. Съ другой стороны, его огромное состояніе было слишкомъ соблазнительно для придворныхъ, умышленно вызывавшихъ ссылки и конфискаціи, въ надеждѣ извлечь изъ нихъ личную выгоду. Въ

Мой пра-прадѣдъ Сергѣй Петровичъ Долгоруковъ, не игралъ никакой роли въ описываемыхъ событіяхъ: по отношенію къ нему и его женѣ ограничились, поэтому, только ссылкой ихъ въ деревню.

Передъ ихъ отъѣздомъ изъ Москвы Анна Іоанновна велѣла призвать мою пра-прабабку и стала упрекать ее за принятіе католицизма. (Императрица приняла ее въ фрейлинской комнатѣ, смежной со своимъ кабинетомъ). Когда княгиня нагнулась, чтобы, согласно этикету, поцѣловать государынѣ руку, та дала ей сильнѣйшую пощечину, осыпала ругательствами и закончила аудіенцію словами: «Пошла вонъ, мерзавка!»

Аббатъ Жюбе, духовникъ моей пра-прабабки такъ же, какъ и ея горничная, фанатичная католичка, были изгнаны изъ Россіи.

Герцогъ де-Лиріа, понявъ, что положеніе его опасно, выразилъ своему двору желаніе быть отозваннымъ и уѣхалъ черезъ полгода по восшествіи Анны Іоанновны на престолъ.

Но несчастья семьи Долгоруковыхъ не пришли еще къ концу. Какъ это часто бываетъ, счастливый случай былъ причиной ужасающей катастрофы.

царствованіе Анны Іоанновны правительство проявляло невѣроятную жестокость при взиманіи недоимокъ съ народа. Черкасскій, какъ губернаторъ, долженъ былъ поступать, какъ того требовалъ общій режимъ и дѣлалъ это съ явнымъ отвращеніемъ. Онъ имѣлъ неосторожность говорить откровенно о дурномъ вліяніи окружавшихъ на императрицу, и разъ сказалъ, что было бы, пожалуй, лучше, если бы, въ свое время, выбрали маленькаго принца Голштинскаго и назначили регентшей цесаревну Елизавету. Этого было совершенно достаточно, чтобы Черкасскій былъ обвиненъ въ учиненіи заговора съ цѣлью возвести на престолъ принца Голштинскаго. При обыскѣ у него нашли письма, полученныя имъ изъ Польши, отъ друзей; въ этой перепискѣ, чисто личнаго, интимнаго характера откровенно обсуждалось печальное состояніе Россіи, говорилось объ ужасѣ положенія независимыхъ и порядочныхъ людей, вынужденныхъ терпѣть обиды и оскорбленія отъ такого негодяя, какъ Биронъ; Бирона въ этихъ письмахъ не щадили. Несчастнаго Черкасскаго пытали въ тайной канцеляріи, конфисковали все его состояніе и самого сослали въ Сибирь. По восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны онъ былъ возвращенъ, произведенъ въ генералъ-поручики, назначенъ гофмаршаломъ, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго. Это были жалкія награды для человѣка его положенія, послѣ перенесенныхъ имъ потерь. Изъ состоянія его ему вернули очень немногое: только тѣ помѣстья, которыя еще не были подарены другимъ; за невозвращенныя, онъ получилъ самую ничтожную плату. Лишнее доказательство, что заговора не существовало: въ противномъ случаѣ награды были бы иныя. Онъ умеръ въ 1749 г. Князя Александра Андреевича Черкасскаго не слѣдуетъ смѣшивать съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Черкасскимъ, способствовалъ возстановленію самодержавія въ 1730 г. и впослѣдствіи при Аннѣ Іоанновнѣ былъ кабинетъ-министромъ (см. ниже VIII глава). Оба они принадлежали къ различнымъ вѣтвямъ рода Черкасскихъ.

Хитрый и ловкій баронъ Шафировъ выхлопоталъ у Бирона разрѣшеніе своему зятю Сергѣю Долгорукову, вернуться изъ ссылки (тотъ былъ сосланъ въ деревню). Обсуждался даже вопросъ объ одномъ дипломатическомъ назначеніи для князя Сергѣя Григорьевича. Но Остерманъ, ненавидѣвшій Шафирова и опасавшійся его возрастающаго вліянія, Ушаковъ [1])—врагъ Долгоруковыхъ, боявшійся ихъ мести, наконецъ, Волынскій, быстро сдѣлавшійся вліятельнымъ лицомъ и боявшійся усиливающагося значенія Шафирова—всѣ соединились, чтобы убѣдить Бирона, что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ вернуть семью, причиной несчастій которой былъ онъ самъ, Биронъ; ему указали на неотложную необходимость покончить навсегда съ Долгоруковыми. Начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ обѣщалъ доставить ему для этого необходимый предлогъ.

Послѣ смерти отца и матери въ Березовѣ, князь Иванъ сталъ главой семьи; поведеніе его не могло внушить уваженія къ нему, ни близкихъ, ни чужихъ. Несчастье поднимаетъ сильную душу, очищаетъ ее, но оно совершенно разрушаетъ волю слабаго, дюжиннаго человѣка; оно принижаетъ и развращаетъ его еще больше. Князь Иванъ пилъ, небрежно относился къ женѣ; проводилъ дни въ пьянствѣ съ мелкими чиновниками, попами и купцами Березова. Кроткой Натальѣ Борисовнѣ бывало очень тяжело ладить съ золовками, надменными, капризными, требовательными. Младшіе братья Ивана Алексѣевича, глупые и грубые, не были способны оцѣнить его жену, которой жизнь стала настоящей мукой. Душевно одинокая, среди семьи, которой она всѣмъ пожертвовала, терпящая постоянныя мелкія обиды отъ золовокъ, заброшенная мужемъ,—она находила утѣшеніе только въ своихъ крошечныхъ дѣтяхъ; у нея было два мальчика Михаилъ и Дмитрій [2]); она сама ихъ кормила, несмотря на слабое здоровье свое, такъ какъ нанять кормилицу правительство ей не разрѣшило.

Въ Березовѣ княжна Екатерина Алексѣевна опустилась; она вошла въ связь съ поручикомъ гарнизона, нѣкимъ Овцынымъ, однимъ изъ собутыльниковъ князя Ивана [3]). Среди послѣднихъ, появлялся иногда

---

[1]) Ушаковъ и князь Юсуповъ были назначены, чтобы произвести обыскъ у Долгоруковыхъ.

[2]) Дмитрій родился позже, уже послѣ того, какъ князя Ивана разлучили съ семьей и увезли на казнь въ Новгородъ.

[3]) Сплетня, не обоснованная ни однимъ сколько-нибудь достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, и выросшая, по всѣмъ вѣроятіямъ, на томъ фактѣ, что когда доносчикъ Тишинъ оскорбилъ княжну, имѣвшую несчастье понравиться ему, своими объясненіями, она пожаловалась князю Ивану, съ которымъ былъ близокъ поручикъ

одинъ подъячій изъ Тобольска, Осипъ Тишинъ, пріѣзжавшій въ Березовъ по дѣлалъ службы. Какъ-то разъ, въ пьяномъ видѣ, Тишинъ позволилъ себѣ по отношенію къ княжнѣ какую-то непристойность. Овцынъ съ товарищемъ своимъ Яковомъ Лихачевымъ и еще однимъ обывателемъ Березова, Кашперовымъ, избили Тишина. Тотъ поклялся отмстить.

Приблизительно въ это же время Ушаковъ послалъ въ Тобольскъ одного изъ своихъ родственниковъ, капитана сибирскаго гарнизона, съ тѣмъ, чтобы тотъ запуталъ ссыльныхъ въ какое-нибудь опасное дѣло. Капитанъ научилъ Тишина донести: 1) что князь Иванъ ему говорилъ объ императрицѣ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ; 2) что Тишинъ видѣлъ у него картину изображающую коронованіе имп. Петра II, 3) что у князя Николая (младшаго брата) есть книга, напечатанная въ Кіевѣ, въ которой описано обрученіе его сестры съ императоромъ; 4) что воевода Бобровскій и майоръ Петровъ разрѣшали ссыльной семьѣ принимать гостей, что князь Иванъ бывалъ у жителей города, кутилъ, роскошничалъ и хулилъ государыню; 5) что духовенство Березова бывало постоянно въ гостяхъ, обѣдало и ужинало въ ссыльной семьѣ.

Капитанъ, котораго, если не ошибаюсь, тоже звали Ушаковымъ [1]), получивъ этотъ доносъ, пріѣхалъ лично въ Березовъ въ маѣ 1738 г., присланный, будто бы, правительствомъ для того, чтобы внести возможныя облегченія и улучшенія въ положеніи сосланныхъ. Онъ каждый день бывалъ у Долгоруковыхъ, обѣдалъ, гулялъ съ ними по городу. Вскорѣ онъ уѣхалъ, и немедленно послѣ его отъѣзда пришелъ приказъ, имъ самимъ посланный, разлучить князя Ивана съ семьей и посадить его въ одиночное заключеніе; тамъ приказано было кормить его только настолько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. Княгиня Наталья Борисовна, съ разрѣшенія сжалившагося Петрова, ходила ночью повидать мужа сквозь маленькое рѣшетчатое оконце и приносила ему пищу.

Въ сентябрѣ, въ темную, дождливую ночь къ берегу Сосвы причалила баржа. Изъ нея вышли солдаты. Тридцать одинъ человѣкъ

Овцынъ. Овцынъ побилъ Тишина. Для послѣдняго этого было достаточно, чтобы увидѣть въ Овцынѣ счастливаго соперника. Овцынъ былъ очень образованный по своему времени человѣкъ. Разжалованный за дружбу съ Долгоруковымъ въ матросы, онъ участвовалъ въ экспедиціи Беринга, въ 1741 г. получилъ снова офицерскій чинъ; въ 1757 г. онъ уже командовалъ судами на Балтійскомъ морѣ. Ему принадлежитъ подробное описаніе Обской губы и Енисейскаго залива.

[1]) Фамилія его дѣйствительно была Ушаковъ.

были арестованы въ Березовѣ; ихъ повели къ судну, заковали въ кандалы и до зари увезли въ Тобольскъ.

Арестованы были между другими: князь Иванъ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ, Лихачевъ, Кашперевъ; пять священниковъ, Федоръ Петровичъ Кузнецовъ, духовникъ Ивана Долгорукова, Илья Прохоровъ и три брата Васильева; наконецъ, діаконъ Ѳеодоръ Какоулинъ. Въ Тобольскѣ ихъ повели на дознаніе, которое дѣлалъ самъ... пріѣзжавшій въ Березовъ капитанъ Ушаковъ!

Обвиненные въ сношеніяхъ съ ссыльными, въ томъ, что вели съ ними дружбу, обѣдали и пили съ ними, они были приговорены: Лихачевъ и Кашперевъ къ кнуту и ссылкѣ въ Оренбургъ; Бобровскій посланъ въ Оренбургъ и разжалованъ въ солдаты безъ права производства. Петровъ и Овцынъ сосланы на каторгу. У митрополита Сибирскаго Антонія Стаховскаго хватило благородства и мужества вступиться за пятерыхъ священниковъ и діакона, но спасти ихъ онъ не могъ. Всѣ были наказаны кнутомъ и сосланы на каторгу. Кромѣ того, имъ были вырваны ноздри.

Князя Ивана посадили въ Тобольскѣ въ острогъ, гдѣ держали на цѣпи, прикованнымъ къ стѣнѣ, въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ. Чтобы измучить его, ему не давали спать. Доведенный до полнаго нервнаго разстройства, онъ сталъ бредить о своемъ прошломъ и, ловко допрошенный, разсказалъ подробно о томъ, какъ составлено было ложное завѣщаніе Петра II. Для Бирона этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отправить его на пытку и казнь.

Князя Ивана отправили въ Новгородъ. Вскорѣ, привезли туда изъ Березова и остальныхъ братьевъ и сестеръ. Изъ Соловецкаго монастыря былъ доставленъ Василій Лукичъ. Братья покойнаго Алексѣя Григорьевича, Сергѣй и Иванъ, были также привезены въ Новгородъ. Слѣдователямъ приказано было всѣхъ на допросѣ пытать.

Это было въ 1739 г. Вся Россія, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ нѣмцевъ, стоявшихъ у власти,—была измучена, доведена до отчаянія правленіемъ Бирона. Цесаревна Елизавета Петровна и ея маленькій племянникъ, принцъ Голштинскій, о которыхъ въ 1730 г. никто не думалъ и о которыхъ упоминали съ презрѣніемъ, теперь представлялись русскому дворянству единственной надеждой на спасеніе.

Привѣтливость, простота и ласковость цесаревны привлекали къ ней всѣхъ знавшихъ ее, и въ полкахъ у нея было много преверженцевъ, какъ среди офицеровъ, такъ и среди солдатъ. Биронъ и нѣмцы начинали серьезно опасаться ея вліянія и въ каждомъ политическомъ

процессѣ, въ каждомъ открытомъ выраженіи недовольства искали участія преданныхъ цесаревнѣ людей. Такъ было и теперь, въ дѣлѣ Долгоруковыхъ, и совсѣмъ напрасно: ни сосланные въ Березовъ, ни ловкій интриганъ Василій Лукичъ, никогда не имѣли сношеній съ великой княжной. Къ несчастью для Долгоруковыхъ, единственный человѣкъ въ Петербургѣ, который могъ за нихъ вступиться, старый Шафировъ, умеръ не задолго передъ тѣмъ (1 марта 1739 г.). Умирая, онъ обратился къ милости и добротѣ императрицы и довѣрилъ ей судьбу своего зятя Сергѣя Долгорукова и своихъ внуковъ... Но Анна Іоанновна не знала ни милости, ни доброты... Эта предсмертная просьба еще болѣе обострила ненависть враговъ несчастной семьи.

Допросъ велся съ жестокостью, доходившей до дикости. Пытки были ужасны. Младшаго брата князя Ивана, Александра, напоили пьянымъ и заставили разсказывать вещи губившія семью.

Придя въ себя, въ отчаяніи, онъ схватилъ ножъ и вскрылъ себѣ животъ. Это замѣтили во-время—зашили рану, стали его лечить и *спасли* ему жизнь.

Императорскій приказъ приговорилъ Ивана къ четвертованію, [1]) братьевъ его отца, князей—Сергѣя и Ивана Григорьевичей и Василія Лукича—къ обезглавленію. Фельдмаршала Василія Владиміровича и его брата, Михаила, къ заточенію, одного въ Соловецкій монастырь, другого въ Шлиссельбургъ,—имущества ихъ къ конфискаціи. Николай, младшій братъ Ивана, 26-ти лѣтъ, былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ въ Охотскѣ и къ отрѣзанію языка, Алексѣй, 23-хъ лѣтъ, къ ссылкѣ на Камчатку простымъ матросомъ на всю жизнь; Александръ, 21 года, на Камчатку, въ каторжныя работы. Всѣ три брата приговорены къ кнуту. Сестры заточены въ монастыри. Изъ четырехъ сыновей князя Сергѣя Григорьевича (внуковъ стараго Шафирова): старшіе Николай и Петръ отданы въ солдаты; младшіе Григорій и Василій отданы въ подмастерья; маленькій Василій попалъ къ кузнецу—учиться грамотѣ ему было также навсегда запрещено.

Казнь назначена была 8 ноября 1739 г. Въ верстѣ отъ Новгорода тянется болотистая мѣстность, отдѣленная отъ города высохшимъ русломъ рѣки—носящимъ названіе Федоровскаго ручья. На этомъ болотистомъ мѣстѣ находится кладбище для бѣдныхъ, извѣстное подъ именемъ Скудельничьяго. На разстояніи четверти версты отъ этого Скудельничьяго кладбища былъ построенъ эшафотъ. Начали съ кну-

[1]) По приговору суда князь Иванъ былъ не четвертованъ, а колесованъ; его братья Александръ и Николай во время новгородскихъ ужасовъ находились въ Вологдѣ.

та, къ которому приговорены были три брата князя Ивана; младшему Николаю былъ кромѣ того «урѣзанъ» языкъ; затѣмъ отрубили голову князю Ивану Григорьевичу (дядѣ кн. Ивана Алексѣевича), затѣмъ Сергѣю Григорьевичу, наконецъ, Василію Лукичу. Пришелъ чередъ Ивана. Въ эту страшную минуту онъ выказалъ поразительную твердость; онъ глядѣлъ въ глаза смерти, и какой смерти! Съ мужествомъ, воистину русскимъ. Въ то время, какъ палачъ привязывалъ его къ роковой доскѣ—онъ молился. Когда палачъ рубилъ ему лѣвую руку—онъ сказалъ: «*Благодарю тя Господи!*» Палачъ отсѣкъ ему правую ногу—Иванъ продолжалъ «*что сподобилъ мя...*» и когда ему рубили лѣвую ногу «*познать тя...*» затѣмъ онъ потерялъ сознаніе. Палачъ закончилъ казнь, отрѣзавъ правую руку и голову. Внукъ несчастнаго, князь Иванъ Михайловичъ, пишетъ въ своихъ неизданныхъ запискахъ:

«Такая неожиданная и ужасная кончина, полная такихъ страстныхъ страданій, искупаетъ всѣ вины его молодости и его кровь, оросившая новгородскую землю, эту древнюю колыбель русской свободы, должна примирить съ его памятью всѣхъ враговъ нашего рода».

Внукъ несчастнаго мученика правъ, утверждая, что столько страданій, увѣнчанныхъ такой смертью, искупаютъ вину молодости, но безпристрастный историческій судъ, не долженъ ничего замалчивать и, клеймя безчеловѣчныхъ палачей несчастнаго князя Ивана, онъ долженъ сохранить въ своихъ анналахъ и тяжелыя страницы короткаго царствованія Петра II.

Послѣ казни были тотчасъ вырыты двѣ могилы; въ нихъ опустили по гробу, съ двумя тѣлами въ каждомъ. Послѣ восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, князь Николай, братъ и племянникъ казненныхъ и князь Михаилъ, старшій сынъ несчастнаго князя Ивана, построили возлѣ кладбища церковь святого Николая Чудотворца. Они перенесли и похоронили въ церкви оба гроба. Они стоятъ влѣво отъ входа, по правую руку отъ алтаря; вмѣсто надгробныхъ плитъ они обложены, выбѣленными известкой кирпичами. Ни надписи, ни имени, ни чиселъ. Я посѣтилъ въ 1849 г. эту церковь и почтительно склонился передъ этими двумя могилами, нѣмыми и такими краснорѣчивыми, свидѣтелями человѣческаго тщеславія, честолюбія и шаткаго счастья.

Я разскажу еще о тѣхъ членахъ семьи, которые пережили эту страшную казнь. О фельдмаршалѣ я говорилъ. Возвращенный, какъ и всѣ Долгоруковы, импер. Елизаветой изъ ссылки, фельдмаршалъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни въ Петербургѣ, окруженный

вниманіемъ и почетомъ. Его братъ Михаилъ Владиміровичъ былъ назначенъ сенаторомъ. Онъ пережилъ фельдмаршала и умеръ въ 1750 г. восьмидесяти двухъ лѣтъ.

Жена князя Ивана, Наталья Борисовна, оставалась въ Березовѣ, гдѣ ее задержали до воцаренія императрицы Елизаветы. Она вернулась тогда въ Петербургъ съ обоими сыновьями и жила въ домѣ брата графа Петра Борисовича Шереметева.

Старшій сынъ Натальи Борисовны, Михаилъ, былъ женатъ два раза; въ первый разъ, въ теченіе только одного года, на Голицыной; овдовѣвъ, онъ женился на Строгановой. Второй, Дмитрій, страдавшій съ дѣтства нервнымъ разстройствомъ, умеръ на рукахъ матери въ Кіевѣ, въ 1757 году. Послѣ смерти сына, Наталья Борисовна, исполнила обѣтъ, давно данный, и постриглась въ Кіевскомъ Фроловскомъ монастырѣ подъ именемъ Нектаріи. Накануне постриженія она сошла къ берегу Днѣпра, сняла съ руки обручальное кольцо, поцѣловала его и бросила въ рѣку. Въ 1771 г. 3 іюля она скончалась и была похоронена въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Княжна Екатерина Алексѣевна была увезена въ ноябрѣ 1739 г. въ Горицкій Воскресенскій монастырь, на Бѣломъ озерѣ, въ Кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губ. — Этотъ монастырь, построенный среди глухихъ лѣсовъ, не разъ служилъ государственной тюрьмой. Основанный княгиней Евфросиньей, вдовой князя Андрея Іоанновича Старицкаго, сына Іоанна III, онъ сдѣлался мѣстомъ заключенія своей основательницы. Она была заточена туда Іоанномъ IV, послѣ того, какъ сынъ ея былъ отравленъ грознымъ царемъ. Вслѣдъ затѣмъ тамъ была заключена невѣстка Іоанна Грознаго, Прасковья Михайловна Саловая, жена его несчастнаго сына Ивана. Въ первыхъ годахъ XVII в., послѣ паденія Годунова, царевна Ксенія провела въ Горицкомъ монастырѣ нѣсколько тяжелыхъ мѣсяцевъ.

Княжну Екатерину Алексѣевну держали въ строгомъ одиночномъ заключеніи, никогда не выпуская изъ кельи. На заднемъ дворѣ монастыря стояла изба съ небольшими отверстіями, вмѣсто оконъ; дверь ея была всегда заперта тяжелымъ висячимъ замкомъ. Эта изба служила тюрьмой бывшей невѣстѣ Петра II. Ни суровое заключеніе, ни полная зависимость, въ которой она находилась отъ игуменьи, не сломили ея характера. Къ игуменьѣ, бывшей крѣпостной, она относилась съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Какъ-то разъ грубая старуха замахнулась четками и хотѣла ударить княжну; та спокойно уклонилась отъ удара, выпрямилась во весь ростъ и указала на дверь: «Ты должна уважать свѣтъ и во тьмѣ», сказала она, «не забывай, что я

княжна, а ты холопка!» Игуменья смутилась и вышла безпрекословно. Въ другой разъ, губернаторъ, объѣзжая губернію, посѣтилъ монастырь. Его принимали съ большой торжественностью. Игуменья повела его къ княжнѣ; княжна при входѣ гостей не встала и въ отвѣтъ на замѣчаніе, молча повернула вошедшимъ спину. Въ наказаніе заколотили единственное оконце ея кельи и оставили ее въ полной темнотѣ. Такъ томилась она въ теченіе двухъ лѣтъ, до воцаренія императрицы Елизаветы. Изъ Петербурга за княжной былъ присланъ экипажъ; игуменья и монахини почтительно ее провожали, земно кланялись ей, прощаясь, и просили не забывать ихъ милостями. Много разъ впослѣдствіи, монастырь получалъ отъ нея богатые дары[1]).

---

[1]) Этотъ разсказъ князя П. В. Долгорукова о судьбѣ бывшей невѣсты Петра II долгое время пользовался большой распространенностью. Новѣйшее изслѣдованіе, принадлежащее перу проф. Д. А. Корсакова, мѣняетъ многое въ привычной версіи. Пользуясь документами Государственнаго Архива, а также мѣстными томскими и иркутскими консисторскими и монастырскими архивами, Д. А. Корсаковъ установилъ, что сестры князя Ивана были разосланы по сибирскимъ монастырямъ: Екатерина (государыня-невѣста), м. б. послѣ очень недолгаго пребыванія въ Горицкомъ монастырѣ—въ томскій Рождественскій, Елена—въ тюменскій Успенскій, Анна—въ верхотурскій Покровскій. Указъ тобольской архіерейской канцеляріи отъ 9-го ноября 1740 г. былъ полученъ въ Томскѣ 21-го декабря того же года,—говоритъ проф. Корсаковъ, — а на другой день совершено было іеромонахомъ Моисеемъ постриженіе въ монахини томскаго Рождественскаго монастыря «разрушенной невѣсты», «дѣвки Катерины, Долгоруковой дочери», какъ она названа была въ указѣ тобольской архіерейской канцеляріи. Постриженіе происходило въ присутствіи караульнаго оберъ-офицера, доставившаго ее изъ Тобольска; княжна Екатерина, по обычаю всѣхъ насильственно постригаемыхъ въ монашество въ XVII и XVIII вв., не произнесла ни одного изъ монашескихъ обѣтовъ, храня упорное молчаніе на вопросы, предлагаемые ей іеромонахомъ. Рождественскій монастырь былъ крайне бѣденъ, не имѣя никакихъ вкладовъ и земельныхъ владѣній и не получая ничего отъ казны на свое содержаніе: монахини питались мірскимъ подаяніемъ, и такъ какъ княжна Екатерина ничего не получала отъ казны на свое содержаніе, то пропитывалась тѣмъ же способомъ. Преданія о княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой, доселѣ живущія среди томскихъ обывателей, разсказываютъ слѣдующее: содержалась она въ монашеской келіи подъ строгимъ карауломъ, не покидавшимъ ее ни днемъ, ни ночью; она получала позволеніе лишь иногда, для развлеченія, подняться на монастырскую колокольню, съ высоты которой былъ виденъ весь городъ Томскъ. Сохранился также разсказъ о томъ, какъ княжна Екатерина рѣшительно отказала отдать присланному къ ней нарочному свое обручальное кольцо, дѣлавшее ее обрученной невѣстой императора Петра II. «Только тогда вы можете воспользоваться этой моей святыней, когда согласитесь отрѣзать мой палецъ или отрубить мою руку»—сказала она посланному. См. Д. А. Корсаковъ Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка, стр. 136—137.

Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ очень хотѣлось выдать замужъ бывшую царскую невѣсту, но это было не легко: тяжелый и властный характеръ княжны отпугивалъ жениховъ, да и сама она была слишкомъ горда и разборчива. Наконецъ въ 1745 году, графъ Александръ Брюсъ, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшій, просилъ руки княжны, Екатерины Алексѣевны. Послѣ свадьбы молодые ѣздили въ Новгородъ поклониться могиламъ брата и дядей молодой графини. Во время этого путешествія она простудилась, захворала и вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ умерла. Говорятъ, что передъ смертью она велѣла при себѣ сжечь всѣ свои платья, изъ страха, чтобы кто-нибудь не надѣлъ ихъ послѣ нея. Даже близость смерти не могла заглушить въ ней ея надменности.

Братья княжны Екатерины Алексѣевны, Николай, Алексѣй и Александръ были всѣ возвращены изъ ссылки имп. Елизаветой такъ же какъ и дѣти князя Сергѣя Григорьевича, казненнаго вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ въ Новгородѣ.

ГЛАВА VI.

Императрица Анна Іоанновна и ея дворъ.

Императрица Анна Іоанновна была роста выше средняго, очень толста и неуклюжа; въ ней не было ничего женственнаго: рѣзкія манеры, грубый мужской голосъ, мужскіе вкусы. Она любила верховую ѣзду, охоту, и въ Петергофѣ, въ ея комнатѣ всегда стояли наготовѣ заряженныя ружья: у нея была привычка стрѣлять изъ окна пролетающихъ птицъ. Во дворѣ Зимняго дворца для нея былъ устроенъ тиръ и охотничій манежъ, куда ей приводили дикихъ кабановъ, козъ, иногда волковъ и медвѣдей. Такъ, 14 марта 1737 г. С.-Петербургскія Вѣдомости объявляютъ «что Е. И. В., всемилостивѣйшая Государыня, изволила потѣшаться охотой на дикую свинью, которую изволила изъ собственныхъ рукъ застрѣлить». 25 іюля объявляется, что на прошедшей недѣлѣ, въ присутствіи императрицы состоялось состязаніе въ стрѣльбѣ и были розданы призы: золотыя кольца, усыпанныя алмазами. 27 апрѣля 1738 г. въ Вѣдомостяхъ объявляется, что императрица застрѣлила дикаго кабана и оленя. 8-го августа 1740 г., за два мѣсяца до смерти Анны Іоанновны въ Вѣдомостяхъ объ-

является, что во время пребыванія Ея Величества въ Петергофѣ (т.-е. въ три мѣсяца) было убито: девять оленей, шестнадцать дикихъ козъ, четыре кабана, волкъ, триста семьдесятъ четыре зайца, шестьдесятъ восемь утокъ, шестнадцать большихъ чаекъ и т. д.

Даже флегматичную и кроткую Анну Леопольдовну заставляли охотиться. Такъ въ 1737 г., когда принцессѣ было всего девятнадцать лѣтъ, С.-Петербургскія Вѣдомости объявляютъ, что во время императорской охоты, во дворѣ Зимняго дворца, ея Высочество убила оленя.

Имераторскимъ указомъ запрещалось, подъ угрозой суровѣйшихъ наказаній, 1) охота въ окрестностяхъ Петергофа и Петербурга, 2) на зайцевъ, на сто верстъ 3) на куропатокъ на 200 верстъ вокругъ.

Быть сурово наказаннымъ, въ царствованіе Анны Іоанновны означало, по меньшей мѣрѣ быть битымъ кнутомъ или имѣть вырванныя ноздри.

Надменная, жестокая, злая Анна Іоанновна была нелюбима даже родной матерью, которая примирилась съ нею лишь передъ смертью, по настоянію Петра I и Екатерины. Она вставала между 7—8 часами, туалетъ ея длился не долго. Она была неряшлива и грязна, несмотря на страсть къ роскоши. Послѣ утренняго кофе, она проводила нѣкоторое время, разбирая свои драгоцѣнности. Въ 9 часовъ начинался пріемъ министровъ; она подписывала бумаги, часто не читая; затѣмъ ѣхала въ манежъ Бирона, гдѣ у нея была, отдѣльная комната. Въ манежѣ она ѣздила верхомъ, осматривала лошадей, стрѣляла; часто, тамъ же назначались и аудіенціи. Въ 12 часовъ она возвращалась во дворецъ и завтракала съ семьей Бирона. Въ торжественные дни она обѣдала на народѣ, въ открытомъ павильонѣ, съ племянницей своей принцессой Анной Леопольдовной и цесаревной Елисаветой Петровной. Во внутреннихъ покояхъ она носила обыкновенно широкій шлафрокъ, голубой или блѣднозеленый, голову повязывала, по крестьянски, краснымъ платкомъ. Послѣ обѣда она ложилась отдыхать. Биронъ оставался возлѣ нея, жена его и дѣти удалялись. Послѣ часового отдыха, она вставала, открывала дверь въ сосѣднюю комнату, въ которой за рукодѣльемъ сидѣли фрейлины и кричала имъ: «Ну, дѣвки, пойте!» И фрейлины должны были пѣть, пока она имъ не кричала: «Довольно!» По вечерамъ бывали куртаги. Играли въ фараонъ, банкъ, квинтичь. Проигрывалось и выигрывалось по десять, пятнадцать тысячъ червонцевъ въ вечеръ. Императрица сама держала банкъ; только тѣ, кого она лично просила, могли понтировать; она платила немедленно и никогда не брала своего выигрыша, такъ что честью быть приглашенными къ игрѣ императрицы приближенные ея очень дорожили.

Неряшливая въ одеждѣ и въ домашнемъ обиходѣ, Анна Іоанновна любила роскошь тѣмъ болѣе, что это была одна изъ страстей Бирона; вкусы Бирона—были ея вкусы, то что онъ любилъ, она любила, то что онъ ненавидѣлъ—ненавидѣла она. Она была весела, только когда и онъ былъ веселъ, была грустна, когда онъ хмурился. Фаворитъ любилъ яркіе цвѣта: черный цвѣтъ былъ запрещенъ при дворѣ. Пріѣхать ко двору въ темномъ платьѣ, значило навлечь на себя немилость. Всѣ одѣвались свѣтло и пестро. Старики, какъ князь Черкасскій и вице-канцлеръ Остерманъ, появлялись во дворцѣ въ блѣдно-розовыхъ костюмахъ. Платье вице-канцлера, который былъ скупъ и неряшливъ, было всегда сомнительной чистоты; чтобы угодить императрицѣ онъ пускался танцовать полонезъ, съ трудомъ передвигая больныя ноги, мучась отъ боли, но всегда съ улыбкой и съ сіяющимъ лицомъ.

Иногда давались при дворѣ спектакли; игрались нѣмецкія и итальянскія комедіи; императрицѣ нравились особенно тѣ, въ которыхъ вступали въ драку; чѣмъ грубѣе были сцены, тѣмъ громче она хохотала своимъ басистымъ смѣхомъ. Она первая ввела, впрочемъ, итальянскую оперу въ Россіи: это было въ 1736 г.

Не получивъ разрѣшенія Бирона, императрицу видѣть было нельзя. Горе было тому, кто осмѣлился бы ослушаться временщика. Всѣ, служившіе при дворѣ, начиная съ оберъ-гофмаршала Рейнгольда Левенвольде и до истопниковъ, были ставленниками Бирона; онъ ихъ назначалъ и смѣнялъ по капризу. Истопникъ, топившій печи въ покояхъ императрицы, былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ Бирону людей. Онъ имѣлъ свободный доступъ въ спальню Анны Іоанновны. Ему приходилось входить нѣсколько разъ, чтобы слѣдить за топкой; императрица вставала и одѣвалась при Биронѣ, не стѣсняясь и присутствіемъ истопника. Въ тѣ времена прислуга, входя въ комнату, должна была подойти сперва къ императрицѣ и поцѣловать ей руку (Екатерина II этотъ обычай уничтожила). Истопникъ былъ слишкомъ грязенъ, чтобы быть допущеннымъ къ рукѣ—онъ кланялся въ ноги и цѣловалъ ногу императрицѣ, затѣмъ продѣлывалъ тоже по отношенію къ Бирону. Этому истопнику даровали дворянство 3 марта 1740 г.; гербъ, которымъ его наградили, очень краснорѣчивъ: три серебряныя вьюшки на голубомъ полѣ. Его звали Алексѣй Милютинъ. Одинъ изъ его правнуковъ теперь военный министръ—другой министръ, статсъ-секретарь царства польскаго [1]).

[1]) Записки печатались впервые въ 1867 г.

Наканунѣ праздниковъ генералитетъ, придворные и гвардія являлись поздравлять императрицу, допускались къ рукѣ и получали изъ Высочайшихъ рукъ стаканъ вина. 19 января, день восшествія на престолъ Анны Іоанновны, справлялся попойкой: чѣмъ больше пили, тѣмъ больше, значитъ, выражали радости, слѣдовательно, и преданности. Больше всѣхъ выказывалъ свою преданность оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, горьчайшій пьяница.

Анна Іоанновна любила шутовъ. У нея ихъ было шесть; изъ которыхъ два были шутами еще при Петрѣ I: это были Балакиревъ, человѣкъ очень хорошей семьи, и Лакоста, крещеный португальскій еврей, которому Петръ I, шутки ради, подарилъ необитаемый островокъ на Балтійскомъ морѣ, съ титуломъ «царя Самоѣдскаго». Остальные четыре были: князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, зять его графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій и итальянецъ Педрилло, пріѣхавшій въ Россію въ качествѣ первой скрипки театральнаго оркестра, и перешедшій на болѣе выгодную должность придворнаго шута. Онъ скопилъ на этомъ доходномъ мѣстѣ довольно хорошее состояніе и, послѣ смерти Анны Іоанновны, когда регентша Анна Леопольдовна упразднила шутовъ, уѣхалъ въ Италію богатымъ человѣкомъ. Онъ и Лакоста были любимцами императрицы; она установила для нихъ особый орденъ—Санъ-Бенедетто. Это былъ въ миніатюрѣ орденъ Александра Невскаго, повѣшенный въ петлицѣ, на красной лентѣ; придворнымъ, которые имѣли орденъ Александра Невскаго—это было не очень лестно.

Какъ-то Биронъ сказалъ Педрилло: «Правда ли что ты женатъ на козѣ?» «Ваша свѣтлость, не только женатъ, но моя жена беременна, и я надѣюсь, мнѣ дадутъ достаточно денегъ, чтобы прилично воспитать моихъ дѣтей». Черезъ нѣсколько дней онъ сообщилъ Бирону, что жена его, коза, родила, и онъ проситъ, по старому русскому обычаю, придти ее навѣстить и принести въ подарокъ, кто сколько можетъ, одинъ, два червонца. На придворной сценѣ поставили кровать, положили на нее Педрилло съ козой, и всѣ, начиная съ императрицы,—за ней дворъ, офицеры гвардіи—приходили кланяться козѣ и дарили ее. Это дикое шутовство принесло Педрилло около 10 тысячъ рублей.

Князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій, былъ почтенный пятидесятилѣтній человѣкъ, зять Алексѣя и Михаила Бестужевыхъ-Рюминыхъ; онъ былъ приговоренъ къ шутовству изъ личной мести Анны Іоанновны; это была старая вражда между женой Волконскаго и тремя дочерьми царя Ивана. У Волконскаго было два сына, уже

офицеры. Старшій Михаилъ, человѣкъ выдающійся, былъ, впослѣдствіи при Екатеринѣ II, посланникомъ въ Польшѣ и московскимъ генералъ-губернаторомъ. Зятья Волконскаго Алексѣй и Михаилъ Бестужевы занимали высокіе дипломатическіе посты; Алексѣй въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Анны Іоанновны былъ призванъ въ Петербургъ, чтобы занять одно изъ вліятельнѣйшихъ положеній для того времени—постъ кабинетъ-министра. Онъ бывалъ при дворѣ, пользовался милостями двора, при которомъ зять его, оплеванный и всѣми презираемый, получалъ ежедневные пинки. Отсутствіе достоинства и готовность терпѣть униженія у русскихъ придворныхъ воистину изумительна! *Татарское поколѣніе!*

Шутъ князь Михаилъ Голицынъ былъ внукъ извѣстнаго Василія Голицына, сотрудника и любимца царевны Софіи, изгнаннаго Петромъ I на самый сѣверъ Россіи. Съ нимъ вмѣстѣ былъ изгнанъ и его старшій сынъ Алексѣй, женатый на Квашниной; Алексѣй впалъ въ меланхолію и умеръ раньше отца, который вынесъ 24 года тяжелаго изгнанія. Михаилъ, сынъ Алексѣя, родился въ самый годъ ужасной катастрофы, разразившейся (въ 1689 г.) надъ его дѣдомъ. Когда онъ подросъ, его взяли въ солдаты и лѣтъ сорока онъ былъ все еще въ скромномъ чинѣ армейскаго майора. Онъ женился на Хвостовой; отъ нея у него былъ сынъ Николай, впослѣдствіи умершій бездѣтнымъ, и дочь Елена, вышедшая замужъ за Апраксина. Овдовѣвъ, Голицынъ путешествовалъ; въ Италіи онъ женился вторично на итальянкѣ и, подъ ея вліяніемъ, принялъ католичество. Жена его была семьи очень простой, и онъ не рѣшился объявить о своемъ бракѣ своимъ именитымъ родственникамъ. Вернувшись въ Россію, онъ поселилъ жену въ Нѣмецкой слободѣ, и только въ 1736 г. узнали при дворѣ о его необъявленномъ бракѣ. Послѣ смерти фельдмаршала Голицына, Биронъ преслѣдовалъ всю семью и былъ очень доволенъ возможности нанести Голицынымъ такой унижающій, оскорбительный ударъ. Князь Михаилъ Алексѣевичъ былъ приговоренъ къ роли придворнаго шута. У него не хватило мужества лишить себя жизни. Жену его арестовали, увезли въ Петербургъ и предали тайной канцеляріи; я не знаю, что съ ней сталось, но бракъ былъ расторгнутъ и признанъ недѣйствительнымъ. Въ послѣдній годъ своего царствованія Анна Іоанновна приказала женить Голицына [1]) на камчадалкѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Ей было лѣтъ 30; она была уродлива, грязна, звали ее Евдокіей Ивановной; у нея даже фамиліи не было.

[1]) Голицынъ былъ тогда въ состояніи близкомъ къ идіотизму.

Ее прозвали Бужениновой (въ честь «буженины»—любимаго блюда императрицы!). Свадьба справлялась въ февралѣ 1740 года среди сборища представителей чуть ли не всѣхъ дикихъ народностей Россіи, созванныхъ нарочно по этому случаю. Молодыхъ везли въ церковь въ клѣткѣ на спинѣ слона; приглашенные ѣхали за ними въ саняхъ, запряженныхъ быками, собаками, оленями, козлами и свиньями. Въ Бироновскомъ манежѣ устроенъ былъ пиръ и балъ, на которыхъ каждая пара инородцевъ угощалась своимъ національнымъ кушаньемъ и затѣмъ каждая танцовала свой національный танецъ подъ звуки родной музыки: шумъ и гамъ стояли оглушающіе. Затѣмъ молодыхъ ввели въ ледяной домъ, построенный на Невѣ, гдѣ они были заперты на всю ночь. У Евдокіи Ивановны родился сынъ, Андрей.

Несчастнаго князя Михаила Алексѣевича прозвали при дворѣ «квасникомъ»; вотъ по какому случаю: какъ-то разъ Анна Іоанновна спросила себѣ стаканъ квасу и, выпивъ половину, вылила остатокъ на голову бѣдному Голицыну. Придворные нашли, конечно, что шутка полна остроумія, и бѣдный старикъ до конца жизни назывался квасникомъ. Анна Леопольдовна, сдѣлавшись регентшей (въ 1840 г.) освободила Голицына отъ его тяжкихъ обязанностей, и онъ уѣхалъ въ Москву. Тамъ родился у Евдокіи Ивановны второй сынъ.

Голицынъ былъ женатъ и въ четвертый разъ, на Хвостовой, отъ которой у него было три дочери. Онъ умеръ въ 1775 г. восьмидесяти шести лѣтъ.

Графъ Алексѣй Апраксинъ былъ сдѣланъ шутомъ также въ наказаніе: за то, что онъ принялъ католичество подъ вліяніемъ своего тестя Михаила Голицына. Онъ былъ племянникъ графовъ Апраксиныхъ: генералъ-адмирала и оберъ-шенка. Сынъ оберъ-шенка, его двоюродный братъ Ѳедоръ, пра-прадѣдъ, нынѣшнихъ Апраксиныхъ, тотъ самый который игралъ такую постыдную роль 1730 году, совершенно спокойно выносилъ оскорбленіе, нанесенное семьѣ и исполнялъ при дворцѣ свои обязанности камергера, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ это же время начиналъ свою карьеру Степанъ Апраксинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ. Онъ былъ воспитанъ въ домѣ родственника своего графа Петра Апраксина, отца шута. Это послѣднее обстоятельство Степанъ Апраксинъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ—мать его была во второмъ бракѣ замужемъ за Ушаковымъ, начальникомъ тайной канцеляріи—повидимому, совершенно не помнилъ и никогда не сдѣлалъ ничего для облегченія участи несчастнаго шута.

По воскресеньямъ, когда императрица Анна Іоанновна и ея дворъ шли черезъ залы дворца отъ обѣдни, прослушавъ молитвы Тому, Кто

напомнилъ людямъ о любви, объ уваженіи къ слабости и къ страданію,—несчастные шуты должны были сидѣть вдоль стѣнъ на корточкахъ и кричать «кука-реку». Придворные забавлялись, толкая ихъ, глумясь, разрисовывая имъ лица углемъ. Среди придворныхъ находились родственники Волконскаго, Голицына и Апраксина, не подозрѣвавшіе, что оскорбленіе и стыдъ, переживаемые несчастными, падалъ на нихъ, маралъ и ихъ имя.

Однимъ изъ любимыхъ развлеченій Бирона и Анны Іоанновны были драки шутовъ. Ихъ заставляли нападать другъ на друга, бить другъ друга по лицу, часто въ кровь, валить другъ друга на землю. Императрица и Биронъ хохотали до слезъ, глядя на нихъ. Шутамъ приходилось повиноваться безпрекословно. Балакиреву, однажды, нездоровилось, и онъ отказался вступить въ драку. Анна Іоанновна и Биронъ были взбѣшены; Балакирева приказано было выпороть *нещадно*; несчастный два дня пролежалъ послѣ экзекуціи, не будучи въ состояніи ни встать, ни повернуться въ постели.

У Анны Іоанновны была вообще страсть ко всякаго рода вульгарному шутовству. Узнавъ, что Тредьяковскій написалъ эротическую буффонаду въ стихахъ, она призвала его и выразила желаніе услышать это произведеніе. Вотъ какъ Тредьяковскій разсказываетъ объ этомъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Имѣлъ счастіе читать Государынѣ Императрицѣ, у камеля, стоя на колѣняхъ передъ ея Императорскимъ Величествомъ, и по окончаніи онаго чтенія, удостоился получить, изъ собственныхъ Ея Императорскаго Величества рукъ Всемилостивѣйшую оплеушину».

Анна Іоанновна приблизила къ себѣ и воспитала племянницу свою, единственную дочь сестры Екатерины Іоанновны герцогини Мекленбургской. Молодая принцесса родилась 18 декабря въ 1718 году и была названа при крещеніи Елизаветой - Екатериной - Кристиной. Грубый, деспотическій нравъ герцога принудилъ Екатерину Іоанновну покинуть мужа и пріѣхать въ Петербургъ, когда дочери ея было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Принцесса Елизавета приняла православіе и была названа въ честь своей тетки, Анной. Это была свѣтлая блондинка, съ лицомъ мало выразительнымъ, хорошо сложенная и довольно граціозная; она была не глупа, но питала отвращеніе ко всякому серьезному занятію и всегда имѣла усталый, скучающій видъ; несмотря на свою флегматичность, она была очень чувственна; очень не любила стѣснять себя и бо́льшую часть дня проводила полуодѣтая, безъ дѣла, безпорядочно мечтая. Императрица искала ей жениха, среди нѣмецкихъ принцевъ. Карлъ

Густавъ Левенвольде былъ посланъ за границу съ этой цѣлью. Австрійскій дворъ щедро заплатилъ ему за то, что онъ способствовалъ выбору принца Антона—Ульриха Брауншвейгъ-Бевернскаго. Принцъ Брауншвейгскій былъ племянникомъ по матери, императрицы Австрійской, супруги Карла VI. Ему было двадцать пять лѣтъ (род. 17 августа 1714 г.). Онъ былъ очень добрый малый—и только; у него было доброе сердце, умъ отсутствовалъ, энергіи не было никакой: это было именно то, что требовалось. Его дядя и тетка и вся семья были очень довольны, когда дѣло устроилось: они не подозрѣвали, что посылаютъ его на гибель, на ужасы, на смерть въ тюрьмѣ, послѣ 35-ть лѣтъ заточенія. Какъ только онъ пріѣхалъ въ Россію, его послали на границы Турціи подъ начальство Миниха, въ дѣйствующую армію, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ обществу и сблизить съ арміей. Биронъ противодѣйствовалъ, сколько могъ, предполагавшемуся браку. Онъ задумалъ женить своего старшаго сына Петра (мальчикъ былъ на пять лѣтъ моложе принцессы) на Аннѣ Леопольдовнѣ и возвести такимъ образомъ своихъ потомковъ на русскій престолъ. Вліяніе фаворита на императрицу было такъ сильно, что трудно было предвидѣть, чѣмъ кончилась бы его интрига, если бы въ дѣло не вмѣшался Остерманъ. Послѣдній очень стоялъ за бракъ Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ. Къ Остерману присоединилась графиня Головкина, искренне любившая Анну Леопольдовну. Головкиной удалось окончательно разрушить планы Бирона. Въ тѣ времена, бракъ между двоюродными считался совершенно недопустимымъ; дѣти же Бирона были дѣтьми Анны Іоанновны, такъ что Петръ Биронъ приходился, въ сущности, двоюроднымъ братомъ принцессѣ [1]). Графиня Головкина сумѣла воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и съ необычайнымъ тактомъ провела все дѣло. Съ другой стороны она очень повліяла и на Анну Леопольдовну, которая очень неохотно согласилась на бракъ съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ. Онъ былъ ей очень не по душѣ. Головкина убѣдила ее, что колебанія могутъ только способствовать успѣху интриги Бирона, и что если ужъ рѣшаться на бракъ безъ сердечной склонности, то, конечно, лучше выйти замужъ за герцога Брауншвейгскаго, потомка владѣтельныхъ князей, племянника австрійской императрицы, чѣмъ за Бирона, сдѣлавшагося правда наслѣднымъ принцемъ курляндскимъ,

---

[1]) Насколько все это достовѣрно—судить нельзя; приходится принимать, какъ тогдашніе ходячіе слухи и пересуды, очень характерные для общаго положенія дѣлъ.

но, все же, правнука простого конюха. Анна Леопольдовна нисколько не скрывала своей антипатіи къ обоимъ женихамъ. Она говорила, не стѣсняясь, окружающимъ, что для нея не понятенъ фактъ, что она, племянница и пріемная дочь самодержцы всероссійской, не можетъ выбрать себѣ мужа по своему желанію, свободно и независимо [1]).

Уже будучи невѣстой принца Антона Ульриха, принцесса говорила Волынскому, съ которымъ была въ пріятельскихъ отношеніяхъ: «Это вы, министры проклятые, на то привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала,—раздраженно и злобно отвѣчала Анна Леопольдовна,—а все вы для своихъ интересовъ къ тому привели».

— Я и князь Черкасскій въ томъ не виноваты—дипломатически оправдывался Волынскій:—Мы о томъ не вѣдали, а вѣдалъ ли о томъ или нѣтъ графъ Остерманъ,—мнѣ неизвѣстно... Чѣмъ же вы, ваше высочество, недовольны?

«Принцъ Брауншвейгскій весьма тихъ и не смѣлъ въ поступкахъ своихъ?..»

Волынскій отвѣчалъ на это опять таки очень дипломатично:

— Хоть въ его свѣтлости какіе недостатки и есть, то, напротивъ того, довольныя богодарованія въ вашемъ высочествѣ имѣются и для того можете тѣ недостатки снабдѣвать или награждать своимъ благоразуміемъ. Сносите все то терпѣливо и не показывайте людямъ, что въ томъ вамъ противность имѣется. Въ томъ разумъ и честь вашего высочества состоитъ. Когда такого состоянія принцъ Брауншвейгскій, то для вашего высочества пользы лучше будетъ, потому что больше будетъ вамъ въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ, а ежелибъ вашему высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ (Биронъ), то бъ хуже было для вашего высочества, потому что принцъ Петръ въ молодыхъ лѣтахъ и при томъ запальчиваго нрава.

Анна Леопольдовна уступила уговорамъ окружающихъ и подчинилась волѣ своей тетки. Но несмотря на свою природную доброту, она не могла переломить себя и была очень нелюбезна и холодна къ своему жениху.

Всю ночь послѣ свадьбы она провела одна, въ Лѣтнемъ саду. Аннѣ Іоанновнѣ пришлось прибѣгнуть къ своимъ привычнымъ грубымъ мѣрамъ: фрейлины видѣли въ полуотворенную дверь, какъ императрица била по щекамъ свою племянницу.

---

[1]) Въ молодости Карабановъ слышалъ это отъ графини Головкиной, которая доживала свои послѣдніе годы въ Москвѣ. Она умерла 90 съ лишнимъ лѣтъ въ 1791 г.

Теперь я хочу разсказать о Биронѣ и его роковомъ вліянии на дѣла въ это несчастное для Россіи царствованіе.

Іоганнъ-Эрнстъ Биренъ, измѣнившій свое имя на Биронъ, родился 12 ноября 1690 года. Онъ былъ внукъ конюха придворной конюшни герцога курляндскаго Іакова III. Сынъ этого конюха началъ свою службу въ конюшняхъ сына герцога Іакова, принца Александра [1]).

Придворный конюхъ сопровождалъ принца въ Венгрію и послѣ его смерти, вернулся въ Курляндію, гдѣ былъ назначенъ егерсгауптманомъ герцогской охоты. Онъ былъ большой взяточникъ и скопилъ хорошее состояніе. Послѣ него остались три сына: Карлъ, Іоганнъ-Эрнстъ и Густавъ, которымъ онъ оставилъ, кромѣ капиталовъ, пріобрѣтенное имъ имѣніе Каленземъ.

Іоганнъ-Эрнстъ былъ посланъ отцомъ въ Кенигсбергскій университетъ. Онъ тамъ больше безобразничалъ и кутилъ, чѣмъ учился. За мошенничество въ карты товарищи его высѣкли. Бирону пришлось бѣжать. Онъ вернулся въ Курляндію и поступилъ управляющимъ къ одному богатому помѣщику. Черезъ нѣкоторое время онъ переѣхалъ въ Петербургъ и хлопоталъ тамъ о полученіи званія камеръ-юнкера при дворѣ супруги цесаревича Алексѣя. Ему было отказано и онъ возненавидѣлъ Россію и русскихъ со всей злобой, на которую былъ способенъ. Впослѣдствіи судьба дала ему возможность выместить въ несчастной Россіи всѣ свои обиды. Вернувшись въ Митаву, Биронъ сумѣлъ втереться къ Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину, гофмаршалу двора вдовствующей герцогини Анны Іоанновны. Стройный и прекрасно сложенный, онъ сумѣлъ привлечь вниманіе самой герцогини и въ 1718 году получилъ званіе камеръ-юнкера ея двора и сталъ ея любовникомъ. Его назначеніе камеръ-юнкеромъ жестоко оскорбило двухъ камеръ-юнкеровъ курляндцевъ, Кейзерлинга и Фитингофа. Они были возмущены уравненіемъ своимъ со внукомъ конюха, и что еще хуже, человѣкомъ высѣченнымъ товарищами за карточныя плутни. Кейзерлингъ подалъ въ отставку.

Какъ только Биронъ попалъ въ милость, онъ сталъ интриговать противъ своего бывшаго покровителя Бестужева и поссорилъ послѣд-

---

[1]) Распространенное мнѣніе объ очень низкомъ происхожденіи фаворита едва ли справедливо. Родъ Bühren'овъ по подлиннымъ актамъ восходитъ къ XVI в. Представители его роднились въ XVI и XVII в.в. съ лучшими фамиліями Польши и Курляндіи. Можетъ быть, Іоганнъ Эрнстъ Биронъ и занималъ маленькую должность при дворѣ курляндскаго герцога по шталмейстерской части—отсюда и разговоры о немъ, какъ о конюхѣ. По всей вѣроятности, родъ Бирона дворянскій, но не богатый и не древній среди курлянскаго дворянства, многіе представители котораго ведутъ свои родославныя съ XII и даже XI вв.

няго съ герцогиней. Съ перваго же дня новый фаворитъ сталъ пользоваться необычайнымъ вліяніемъ у Анны Іоанновны. Герцогиня послала барона Корфа въ Петербургъ къ Петру I, съ жалобой на Бестужева. Бирону было довѣрено управленіе дворомъ и частными дѣлами герцогини и пожаловано званіе секретаря и камергера. Биронъ сопровождалъ герцогиню въ Петербургъ въ 1724 году, куда она ѣздила, чтобы присутствовать при коронованіи императрицы. Въ 1724 году на него было возложено порученіе, поздравить императрицу Екатерину съ восшествіемъ ея на престолъ.

Биронъ былъ посланъ однажды герцогиней, съ частнымъ порученіемъ въ Кенигсбергъ. По своей привычкѣ, онъ тамъ проводилъ время въ пьянствѣ и кутежахъ, попалъ въ какой-то ночной скандалъ и драку, былъ схваченъ, высѣченъ и въ истерзанномъ видѣ съ разорваннымъ платьемъ, избитый и окровавленный, былъ отправленъ въ городскую тюрьму, гдѣ былъ заключенъ съ ворами и бродягами. Герцогинѣ пришлось заплатить большія деньги, чтобы освободить его и избѣжать суда.

Курляндцы были внѣ себя отъ негодованія, но Анна Іоанновна, ослѣпленная страстью, замяла дѣло. Требованія удалить Бирона, присутствіе котораго при дворѣ герцогини считалось оскорбленіемъ курляндскаго дворянства, были оставлены, разумѣется, безъ вниманія.

По настоянію Анны Іоанновны Биронъ женился, чтобы имѣть возможность дать имя дѣтямъ герцогини. Анна Іоанновна выбрала ему въ супруги одну изъ своихъ фрейлинъ, Бенигну Готтлибе. Ей было двадцать лѣтъ. Она была глупа, некрасива, очень слабаго здоровья (что ей не помѣшало, однако, прожить до 85 лѣтъ) и совершенно неспособна къ супружеской жизни. Послѣднее обстоятельство особенно повліяло на выборъ герцогини. Отецъ невѣсты ни за что не хотѣлъ согласиться на этотъ бракъ, но свадьба состоялась въ 1723 г. безъ его разрѣшенія; молодымъ долго не удавалось помириться со старикомъ.

Жизнь супруговъ Биронъ и герцогини тѣсно слилась; они прожили втроемъ семнадцать лѣтъ, до смерти Анны Іоанновны.

Въ 1724 г. у Бирона родился сынъ Петръ, послѣдній герцогъ курляндскій; въ 1727 г. родилась дочь Гедвига-Елизавета (впослѣдствіи баронесса Черкассова) и въ 1728 г., второй сынъ Карлъ, дѣдъ нынѣшнихъ Бироновъ.

Женившись, Биронъ пожелалъ себя имматрикуляризировать, какъ говорили въ Курляндіи, то-есть быть внесеннымъ въ списки Курляндскихъ дворянъ. Ему, однако, это не удалось, несмотря на хло-

поты Анны Іоанновны и на поддержку ландмаршала барона Бракеля, бывшаго тогда очень вліятельнымъ лицомъ.

Только по восшествіи Анны Іоанновны на русскій престолъ, когда Бирону императоръ Карлъ VI даровалъ графство священной имперіи, курляндское дворянство согласилось принять его въ свою среду. Послѣ усиленныхъ хлопотъ барона Бракеля, кстати сказать, очень дряннаго человѣка, и нѣсколькихъ курляндцевъ, находившихся на русской службѣ, слѣдовательно, подчиненныхъ Бирону—послѣднему былъ посланъ патентъ имматрикуляціи въ великолѣпномъ драгоцѣнномъ ящикѣ. Бракель былъ награжденъ лентой Андрея Первозваннаго и вслѣдъ затѣмъ принятъ на русскую службу въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника съ огромнымъ содержаніемъ.

Въ 1737 г. умеръ послѣдній представитель мужской линіи дома Кетлеровъ, которые управляли Курляндіей съ 1562 года. Для полуголодныхъ, всегда нуждавшихся нѣмецкихъ принцевъ, обладавшихъ необычайной способностью размножаться, маленькій курляндскій престолъ былъ предметомъ ярыхъ вожделѣній. Претендентовъ оказалось очень много. У каждой великой державы былъ свой. Курфюрстъ Саксонскій, король Польскій, Августъ III, хлопоталъ о курляндскомъ герцогствѣ для своего незаконнаго брата, графа Морица Саксонскаго, французскаго маршала. Эта кандидатура поддерживалась въ Версалѣ. Императоръ Карлъ VI стремился дать герцогство одному изъ своихъ племянниковъ, принцевъ Брауншвейгъ-Бевернскихъ. Этотъ выборъ поддерживался Англіей, гдѣ царствовала младшая линія Брауншвейгскаго дома. Наконецъ, король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ I, добивался курляндской короны для своего племянника маркграфа Бранденбургскаго, соглашаясь отдать ее также одному изъ маркграфовъ младшей линіи Бранденбурговъ. Биронъ рѣшилъ вопросъ въ свою пользу при помощи русскихъ солдатъ, которые были введены въ Курляндію и заняли Митаву. Начальствовалъ надъ войскомъ зять Бирона, генералъ-маіоръ—Августъ Бисмаркъ, пруссакъ по происхожденію, принадлежавшей къ старинной фамиліи очень многочисленной и обѣднѣвшей. Онъ былъ женатъ на сестрѣ госпожи Биронъ и, благодаря протекціи своего зятя, былъ принятъ на русскую службу.

Курляндское дворянство собралось въ Митавѣ для выборовъ новой династіи. Вся страна была занята русскими войсками. Возлѣ Митавы было заготовлено большое количество кибитокъ. Русскіе агенты сообщали курляндцамъ, о желаніи императрицы доставить герцогство оберъ-камергеру графу Бирону; прибавлялось, что каждый дворянинъ имѣетъ право голосовать согласно съ своимъ убѣжденіемъ и со-

вѣстью; но тѣ, кто будутъ голосовать противъ графа Бирона, будутъ, въ стоящихъ съ этой цѣлью на-готовѣ кибиткахъ, увезены въ Сибирь. Такая система выборовъ привела къ блестящему результату: курляндское дворянство выбрало своимъ государемъ человѣка, котораго въ теченіе многихъ лѣтъ не хотѣло допустить въ свою среду—мошенника, когда-то высѣченнаго своими товарищами! Курляндцы, которые выразили неодобреніе послѣднему Кетлеру, Фердинанду, которые заставили его покинуть Курляндію и жить въ Данцигѣ,—послушно и низкопоклонно избрали внука конюха, потому что на его сторонѣ была сила. Биронъ относился къ своимъ новымъ подданнымъ грубо; заставлялъ цѣловать свою руку, въ минуты раздраженія бранился площадными словами. «Verfluchter, dumm»—звучало нѣжно и ласкательно среди его отборнаго лексикона. Госпожа Биронъ была еще болѣе горда и надменна; она была олицетвореніемъ глупости и вульгарности. Въ своей пріемной она устроила подобіе трона и принимала гостей, сидя въ креслахъ, поставленныхъ на небольшой эстрадѣ подъ балдахиномъ, украшеннымъ герцогской короной. И мужчинамъ и дамамъ, здороваясь, она подставляла для поцѣлуя обѣ руки и негодовала, когда ей цѣловали только одну.

Дѣти Бирона были до нельзя распущены и вульгарны. Съ младенчества они были заражены нелѣпой надменностью матери. Дворецкій Бироновъ пожаловался однажды новой герцогинѣ, на мальчишекъ, которые бранились и оскорбляли его. Госпожа Биронъ разгнѣвалась. Дворецкій былъ отправленъ въ смирительный домъ. Уже въ ранней юности—Петръ шестнадцати, Карлъ двѣнадцати лѣтъ,—были подполковниками кавелергардскаго полка и кавалерами ордена Андрея Первозваннаго. Любимымъ ихъ развлеченіемъ было обливать виномъ платье придворныхъ и, потихоньку, подойдя сзади, срывать съ нихъ парики. Маленькому Карлу пришла разъ фантазія бѣгать по заламъ дворца, съ прутикомъ въ рукахъ, и стегать имъ придворныхъ по ногамъ. Онъ подбѣжалъ къ графу Рейнгольду Левенвольде, но тотъ, перепрыгнувъ съ ноги на ногу, избѣжалъ удара. Тогда мальчишка присталъ къ генералъ-аншефу князю Ивану Ѳедоровичу Барятинскому. Въ эту минуту вошелъ Биронъ. Барятинскій, обыкновенно очень почтительный и заискивающій подошелъ къ герцогу, пожаловался ему на его сына и прибавилъ, что скоро станетъ затруднительнымъ бывать при дворѣ. Глаза Бирона засверкали. Онъ смѣрилъ князя съ головы до ногъ и презрительно обронилъ: «Если вы недовольны, подайте въ отставку, я обѣщаю вамъ, что она будетъ принята».—И прошелъ дальше, здороваясь съ другими. Барятинскій въ отставку не подалъ.

У маленькихъ Бироновъ былъ гувернеръ Шварцъ; онъ не былъ въ силахъ справиться съ мальчишками. Какъ-то разъ Карлъ, гуляя въ дворцовомъ саду, сталъ объѣдаться малиной; гувернеръ велѣлъ ему перестать. Мальчишка показалъ ему языкъ и не послушалъ. На слѣдующій день онъ заболѣлъ. Императрица, обожавшая этого ребенка, набросилась на гувернера съ бранью и не слушала его объясненій. Несчастнаго отправили въ смирительный домъ и заставили мести улицы. Биронъ далъ ему тысячу рублей и выпроводилъ за границу.

Дочери Бирона было всего десять лѣтъ, когда ея отецъ и императрица стали хлопотать о ея замужествѣ. Жениха искали среди владѣтельныхъ нѣмецкихъ принцевъ. Имъ не приходило въ голову, что дочь ихъ выйдетъ замужъ за одного изъ сыновей Черкасова, бывшаго тогда въ ссылкѣ. Выборъ палъ на наслѣднаго принца Гессенъ-Дармштатскаго, который сталъ, впослѣдствіи, ландграфомъ Людовикомъ IX. Но ни самъ молодой принцъ, ни его отецъ и дѣдъ, бывшій еще въ живыхъ, не захотѣли этого брака. Руки молодой Биронъ очень добивался герцогъ Саксенъ-Мейнингенскій; но такъ какъ онъ пользовался очень дурной репутаціей и былъ весь въ долгахъ—ему отказали. Анна Іоанновна получила письмо отъ герцога Голштинскаго, котораго она ненавидѣла. Зять Петра I писалъ ей о своей крайней денежной нуждѣ и, прося въ подарокъ сто тысячъ рублей, просилъ руки маленькой Биронъ для своего сына (впослѣдствіи императора Петра III) императрица дала Бирону прочесть письмо и, замѣтивъ, что «пьяница» ни копейки отъ нея не увидитъ, бросила его посланіе въ каминъ. Биронъ не былъ съ ней согласенъ на этотъ разъ. Сдѣлавшись регентомъ, онъ возобновилъ переговоры съ герцогомъ Голштинскимъ. Быстрое паденіе помѣшало регенту довести дѣло до конца.

Дочь Бирона была горбата и некрасива, но очень умна. У нея были прекрасные, умные и выразительные глаза. Это была тонкая, вкрадчивая интриганка. Когда отца ея сослали въ Ярославль, и ей надоѣло возиться съ сварливыми стариками, она придумала отличный способъ, чтобы вернуться въ Петербургъ. Зная ханжество императрицы Елизаветы Петровны, она бѣжала изъ дома отца, поселилась у жены воеводы, Бобрищевой-Пушкиной, и сообщила той подъ большимъ секретомъ, что родители преслѣдуютъ ее за желаніе принять православіе. Бобрищева-Пушкина отвезла ее въ Петербургъ къ наперсницѣ императрицы, графинѣ Шуваловой. Императрица была въ восторгѣ, при обрядѣ присоединенія она была сама воспріемницей молодой принцессы и поселила ее во дворцѣ среди своихъ фрейлинъ. Умная

горбунья сумѣла вскружить голову молодому великому князю Петру Ѳеодоровичу, но вскорѣ графиня Елизавета Воронцова смѣнила ее. Когда здоровье императрицы, которая очень любила принцессу курляндскую, пошатнулось, послѣдняя, предвидя перемѣны при дворѣ и, боясь, чтобы родители ея не потребовали ее къ себѣ, стала искать себѣ жениха. О нѣмецкихъ принцахъ теперь нечего было и мечтать. Въ Петербургѣ тоже не находилось никого изъ высокопоставленныхъ лицъ, кто бы пожелалъ стать зятемъ Бирона. Ей пришлось удовольствоваться барономъ Черкасовымъ, за котораго она вышла замужъ въ 1759 году (ей было тогда тридцать два года). Черкасовъ былъ сынъ секретаря Петра I и внукъ придворнаго лакея. Но, вѣдь, и принцесса курляндская была по отцу правнучкой конюха. Баронъ Черкасовъ былъ очень воспитанный и образованный человѣкъ. Впослѣдствіи, въ царствованіе императрицы Екатерины II, онъ былъ президентомъ медицинской коллегіи и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ ежедневнымъ гостемъ у Екатерины, которая очень цѣнила его тонкій умъ и исключительную способность вести остроумный разговоръ.

Сдѣлавшись герцогомъ курляндскимъ, Биронъ написалъ французскому маршалу, герцогу Бирону, главѣ старинной фамиліи де-Гонто, и просилъ его выдать ему дипломъ, свидѣтельствующій, что одинъ изъ членовъ дома герцоговъ Биронъ, когда-то эмигрировалъ въ Германію, и что герцогъ курляндскій прямой потомокъ эмигранта. Маршалъ отвѣчалъ: «ни въ архивахъ, ни въ запискахъ и воспоминаніяхъ нашей семьи, не упоминается объ эмиграціи одного изъ членовъ дома де-Гонто-Биронъ. Но если одинъ изъ иностранныхъ государей окажется потомкомъ нашей фамиліи, мы почтемъ это за честь для всего дворянства Франціи».

Около этого времени умеръ зять герцога Бирона (маршала)—маркизъ де-Бонакъ, одинъ изъ способнѣйшихъ дипломатовъ своего времени. Когда онъ былъ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, онъ былъ избранъ посредникомъ и велъ переговоры между Портой и Петромъ I. Петръ пожаловалъ его лентой Андрея Первозваннаго. Маршалъ, герцогъ Биронъ просилъ Эрнста Іоганна Бирона ходатайствовать у императрицы о разрѣшеніи, передать орденъ по наслѣдству старшему сыну Бонака. Биронъ не счелъ возможнымъ отказать своему «кузену», маршалу герцогу Бирону, и восемнадцатилѣтній маркизъ де-Бонакъ былъ украшенъ Андреевской лентой.

Разсказываютъ, что старый маршалъ, герцогъ Биронъ, узнавъ, что аптекарь одного изъ городовъ Лотарингіи узурпировалъ фамилію гер-

цоговъ Биронъ—хохоталъ до слезъ. Одна изъ придворныхъ дамъ спросила герцога — не подниметъ ли онъ судебное дѣло по этому поводу. «О нѣтъ» — отвѣчалъ старикъ, «очень занятно, что одновременно проходимецъ, сдѣлавшійся владѣтельнымъ государемъ на сѣверѣ Европы и жалкій аптекарь изъ Лотарингіи — оба украсили себя моимъ именемъ. Очевидно, лучшаго они не нашли. Я очень польщенъ».

Іоганнъ Эрнстъ Биронъ былъ высокъ ростомъ и очень строенъ. Въ молодости онъ былъ очень недуренъ собой и сохранилъ до старости, несмотря на пріобрѣтенную съ годами полноту, много граціи и ловкости въ движеніяхъ. У него были великолѣпные глаза; злое и тяжелое выраженіе ихъ дѣлалось безконечно мягкимъ и ласкающимъ по отношенію къ людямъ, которымъ онъ хотѣлъ понравиться. Зато въ минуты раздраженія и злобы, взглядъ его глазъ былъ невыносимъ. Тоже было и съ голосомъ: звучный, чарующій и ласкающій, когда Биронъ говорилъ съ людьми, которыхъ хотѣлъ обворожить, по отношенію къ подчиненнымъ звучалъ рѣзко и крикливо; въ минуты гнѣва раскаты этого страшнаго голоса заставляли дрожать стѣны дворца. Въ этомъ странномъ и сложномъ субъектѣ, было три человѣка: Биронъ вкрадчивый, Биронъ властитель и Биронъ злобный. Первый былъ—очарователенъ, второй—невыносимъ, третій—ужасенъ.

Уменъ онъ не былъ, но онъ былъ тонко-хитеръ, необычайно вкрадчивъ, и умѣлъ неотразимо нравиться въ тѣхъ случаяхъ, когда терроризировать было нельзя. Образованіе его было очень запущено, но у него была хорошая память и кое-что онъ читалъ. Государямъ очень легко скрыть свое невѣжество: они сами даютъ направленіе разговору. Биронъ до страсти любилъ лошадей, проводилъ цѣлые дни въ своемъ манежѣ, и когда разговоръ какого-либо иностраннаго дипломата или высокопоставленнаго лица затрагивалъ невѣдомыя ему области, онъ мѣнялъ разговоръ и говорилъ о лошадяхъ.

Одинъ изъ нѣмецкихъ дипломатовъ, графъ Оштейнъ, съ которымъ Биронъ обошелся грубо, не могъ выносить герцога и говорилъ о немъ: «Когда Биронъ говоритъ о лошадяхъ или съ лошадьми, онъ говоритъ по-человѣчески, но когда ему приходится говорить съ людьми, онъ говоритъ по-лошадиному».

Биронъ былъ такъ же жаденъ, какъ и жестокъ. У него была страсть къ роскоши. Располагая безконтрольно русской казной, можно было удовлетворить какіе угодно вкусы. Казалось, ему было и этого мало. Съ небывалой жестокостью и врожденнымъ презрѣніемъ къ

человѣческой личности, онъ прибѣгалъ, для удовлетворенія своей жадности, къ звѣрскимъ мѣрамъ. Онъ буквально грабилъ. Его довѣренный, еврей Липпманнъ, котораго Биронъ сдѣлалъ придворнымъ банкиромъ, открыто продавалъ должности, мѣста и монаршія милости въ пользу фаворита и занимался ростовщичествомъ на половинныхъ началахъ съ герцогомъ курляндскимъ. Госпожа Биронъ тратила бѣшеныя деньги на туалеты. У нея было на два милліона бриллiантовъ; платья ея были оцѣнены въ четыреста тысячъ рублей; когда мужъ ея сдѣлался регентомъ, она заказала себѣ туалетъ, зашитый жемчугами, стоившій сто тысячъ рублей. Зато прислуга въ домѣ получала гроши и голодала. «Слуги не люди» — говаривалъ внукъ конюха.

Трудно себѣ представить наглость, съ которой Биронъ обращался съ русскими придворными и своими курляндскими подданными. Въ одну изъ его поѣздокъ въ Митаву, по дорогѣ между Петербургомъ и Нарвой, мосты оказались не въ полной исправности. Вернувшись въ Петербургъ, онъ накинулся на сенаторовъ, явившихся въ полномъ составѣ его привѣтствовать, съ площадной бранью и объявилъ, что если еще когда-нибудь найдетъ мосты въ такомъ видѣ, онъ прикажетъ ихъ починить и умостить сенаторскими тѣлами, вмѣсто досокъ... Сенаторы почтительно поклонились и, молча, покорно вышли. Люди самые высокопоставленные и родовитые, князья Барятинскій, Шаховской, Никита Трубецкой, цѣловали руку Бирона.

Московскій генералъ-губернаторъ слѣдующимъ образомъ заканчивалъ свои письма къ Бирону:

Съ глубокимъ уваженіемъ, осмѣливаясь поцѣловать руки Вашего Высочества, имѣю честь быть Вашего Высочества вѣрный рабъ

Тайный Совѣтникъ кн. Борисъ Юсуповъ.

Иностранцы, нуждавшіеся въ поддержкѣ Россійскаго двора, тоже не брезгали лестью по отношенію къ фавориту. Второй прусскій король, Soldaten-König [1]) отецъ Фридриха II написалъ Бирону 24 мая 1733 г. личное письмо, которое начиналось такъ:

Hochwohlgeborner, besonders lieber Herr, Ober-Cammerherr Graf von Biron [2]) и заканчивалось:

---

[1]) Король-солдатъ.

[2]) Высокорожденный, особочтимый господинъ оберъ-камергеръ графъ фонъ-Биронъ.

Mit ganz besonderer Estime und Consideration sey des Herrn Ober Cammerherrn sehr wohl affectionirter Freund

Friedrich-Wilhelm [1]).

У Бирона, какъ я уже говорилъ, было два брата. Старшій Карлъ, въ царствованіе Петра I поступилъ на русскую службу, простымъ рядовымъ, дослужился до офицерскаго чина и былъ взятъ въ плѣнъ шведами. Изъ Швеціи онъ попалъ въ польскую армію. Потомъ по протекціи герцогини курляндской былъ вновь принятъ на русскую службу въ чинѣ подполковника. По восшествіи Анны Іоанновны на русскій престолъ, онъ сталъ двигаться быстро. Когда Іоаганнъ Эрнстъ сдѣлался регентомъ, Карлъ былъ генералъ-аншефомъ и гланокомандующимъ въ Москвѣ. Онъ былъ много порядочнѣе своего брата, котораго не любилъ; иногда, подъ пьяную руку, ему случалось говорить о фаворитѣ вещи, за которыя всякій другой попалъ бы въ Сибирь. Карлъ былъ прекрасный военный, отличался рѣдкой храбростью, но былъ совсѣмъ необразованъ и очень грубъ.

Онъ такъ много разъ попадалъ въ драку, что весь былъ покрытъ и изуродованъ шрамами. Когда братъ Карла былъ арестованъ въ Петербургѣ, курьеръ былъ посланъ въ Москву, чтобы арестовать и его. Въ этотъ день онъ давалъ большой обѣдъ, и гости начали было уже съѣзжаться. Его арестовали и отправили въ Сибирь. Императрица Елизавета вернула его и разрѣшила ему жить въ одномъ изъ его курляндскихъ помѣстій. Онъ тамъ вскорѣ умеръ. Женатъ онъ никогда не былъ.

Младшій изъ трехъ братьевъ Биронъ, Густавъ, нисколько не походилъ на двухъ старшихъ. Онъ не былъ ни жестокъ, ни злобенъ, какъ Іоганнъ Эрнстъ, ни грубъ, какъ Карлъ. Очень мягкій и обходительный, онъ страстно любилъ женщинъ. Онъ началъ свою службу въ Саксоніи и прибылъ въ Россію, лишь по восшествіи Анны Іоанновны на престолъ. Въ Россіи онъ былъ произведенъ въ майоры новаго Измайловскаго полка. Его женили на княжнѣ Александрѣ Меншиковой. Благодаря его несчастной страсти къ женщинамъ и постояннымъ измѣнамъ, бракъ этотъ былъ очень несчастливъ. Густавъ Биронъ овдовѣлъ въ 1736 г. и, въ концѣ царствованія Анны Іоанновны, уже въ чинѣ генералъ-аншефа и гвардіи подполковника Измайловскаго полка, онъ женился вторично на баронессѣ Менгденъ.

---

[1]) Съ особеннымъ уваженіемъ и расположеніемъ господина оберъ-камергера любезнѣйшій другъ Фридр. Вильг.

Арестованный одновременно съ братомъ, 8-го ноября 1740 г. онъ былъ также сосланъ въ Сибирь, откуда былъ возвращенъ императрицей Елизаветой Петровной. Онъ умеръ вскорѣ по возвращеніи.

Оба сына Бирона Петръ и Карлъ были люди ничтожные, дурно воспитанные и пьяницы. Проведя въ ссылкѣ около 20 лѣтъ, они послѣдовали за отцомъ въ Курляндію, когда императрица Екатерина II возстановила его (въ 1763 г.) въ достоинствѣ герцога курляндскаго.

Чтобы вѣрнѣе закрѣпить курляндскій престолъ за сыномъ, старый Биронъ передалъ ему управленіе герцогствомъ еще при своей жизни, (14 ноября 1769 г.) отказавшись, въ его пользу, отъ своихъ правъ, подъ предлогомъ усталости. Черезъ три года, 28 декабря 1772 г., старикъ умеръ, и принцъ Петръ принялъ титулъ герцога курляндскаго.

Послѣ третьяго раздѣла Польши Курляндія оказалась окруженной русскими владѣніями, и ея существованіе, какъ автономнаго государства, становилось немыслимымъ, особенно подъ управленіемъ Бироновъ, которыхъ курляндцы ненавидѣли.

Немедленно послѣ третьяго раздѣла Польши Екатерина II пригласила герцога пріѣхать къ ней въ Петербургъ погостить на масляной (это было въ 1795 г.). Пока герцогъ ѣлъ блины и, по своей привычкѣ, ежедневно напивался шампанскимъ, рижскій губернаторъ графъ Паленъ [1]) получилъ приказъ отъ императрицы—довести до свѣдѣнья курляндцевъ, чтобы они ходатайствовали о присоединеніи Курляндіи къ Россіи. При чемъ имъ было дано понять, что присоединеніе состоится и помимо нихъ. Очень ловко и во́-время, были розданы нѣсколькимъ вліятельнымъ лицамъ пенсіи, чины, ордена, и въ одно прекрасное утро, въ то время какъ герцогъ Петръ Биронъ нѣжился еще въ постели, послѣ веселой попойки и поздняго ужина, происходившихъ наканунѣ, ему сообщили, что къ императрицѣ прибыла депутація курляндскихъ дворянъ, съ ходатайствомъ о присоединеніи Курляндіи къ Россіи. Герцогу было внушено, что раздраженіе и противодѣйствіе не приведутъ ни къ чему и могутъ ему повредить. Ему оставалось только объявить свое отреченіе. При отреченіи онъ заявилъ, что сохраняетъ за собой и своими потомками, всѣ права внѣшняго почета, воздаваемаго коронованнымъ особамъ. Заявленіе это вызвало, разумѣется, всеобщій смѣхъ и не привело ни къ чему.

Петръ Биронъ былъ женатъ на принцессѣ Шарлотѣ Луизѣ Вальдекской, которую онъ колотилъ. Она его покинула. Они развелись,

[1]) Впослѣдствіи убившій императора Павла I.

и герцогъ женился на княжнѣ Юсуповой, дочери «вѣрнаго раба» стараго Бирона. Такъ какъ онъ не сумѣлъ оставить свою привычку драться, вторая жена покинула его тоже. Онъ вторично развелся и женился въ третій разъ (6 ноября 1779 г.) 55-ти лѣтнимъ старикомъ на Медемъ, восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, дочери камергера польскаго двора [1]).

Женитьба на Медемъ облегчила положеніе Петра Бирона въ Курляндіи. Курляндцы стали относиться къ нему съ меньшимъ презрѣніемъ, чѣмъ прежде. Они говорили не стѣсняясь: герцогъ выскочка и дрянной человѣкъ, но герцогиня старой курляндской семьи.

Отъ этого брака родились шесть человѣкъ дѣтей: сынъ Петръ и дочь Шарлота, умершіе въ дѣтствѣ и еще четыре дочери:

1) Екатерина, вышедшая замужъ за принца Луи де-Роганъ; она развелась и вышла за Василія Трубецкого, съ которымъ также развелась. Въ третій разъ она была замужемъ за графомъ Шуленбургомъ.

2) Марія—вышла за владѣтельнаго принца Гогенцоллернъ—Гетингенскаго.

3) Іоганна, вышедшая замужъ за неаполитанца Паньятелли-Бельмонте, герцога Ачерентскаго.

4) Доротея—герцогиня де-Талейранъ, болѣе извѣстная, подъ именемъ герцогини де-Дино.

Петръ Биронъ, всегда понимавшій свое шаткое положеніе въ Курляндіи, употребилъ капиталы, оставленные отцомъ, на покупку земель въ Германіи; онъ пріобрѣлъ между прочимъ великолѣпное помѣстье Саганъ въ Силезіи. Оно перешло его старшей дочери, а послѣ ея смерти, ея младшей сестрѣ герцогинѣ де-Талейранъ.

Послѣ своего вынужденнаго отреченія, Петръ Биронъ поселился въ Германіи и умеръ тамъ въ 1800 г., 76 лѣтъ.

Второй сынъ Іоганна-Эрнста Бирона, Карлъ, такой же пьяница, какъ и старшій, получилъ отъ отца великолѣпное помѣстье Вартенбергъ, въ Силезіи, подаренное фавориту Анны Іоанновны императоромъ Карломъ VI. Карлъ Биронъ женился на княжнѣ Понинской, дочери богатаго польскаго магната, который, сдѣлавшись австрійскимъ подданнымъ, послѣ перваго раздѣла Польши, купилъ себѣ въ Вѣнѣ дипломъ на титулъ князя священной имперіи. Принцъ Карлъ Биронъ умеръ въ 1801 г. 73 лѣтъ, оставивъ трехъ сыновей и трехъ

---

[1]) Медемъ, брауншвейцы по происхожденію, впервые появились въ Курляндіи въ XIII вѣкѣ. Конрадъ Медемъ былъ магистромъ ордена меченосцевъ съ 1269 по 1272 г. Онъ основалъ Митаву.

дочерей. Послѣ отреченія ихъ дяди, молодые Бироны жили въ Петербургѣ и нѣкоторое время пользовались почетомъ наравнѣ съ принцами крови: при ихъ дворѣ были камергеры. Но вскорѣ молодые люди были опредѣлены въ гвардейскіе полки и, послѣ смерти ихъ дяди и ихъ отца, съ ними перестали стѣсняться. Принцессы были назначены фрейлинами, а одинъ изъ принцевъ получилъ, при Александрѣ I, ключъ камергера. Это его привело въ бѣшенство. Одинъ изъ камергеровъ имѣлъ несчастную мысль подойти поздравить принца съ монаршей милостью. Тотъ отвѣчалъ ему во всеуслышаніе: «Сударь, можно быть дуракомъ, но не слѣдуетъ быть дерзкимъ!» [1])

Вскорѣ всѣ Бироны покинули Россію и поселились въ Пруссіи [2]).

---

[1]) Monsieur, il est permis d'être bête, mais il n'est pas permis d'etre insolent.

[2]) Нынѣшніе князья Биронъ происходятъ отъ младшаго сына принца Карла Бирона, Густава Калликста.

ГЛАВА VII.

Состояніе Россіи при Биронѣ.

Внутреннее состояніе Россіи во время правленія Бирона было ужасно: и при дворѣ и въ обѣихъ столицахъ все дрожало при его имени. Крестьянство было разорено. Шпіонство развилось до невѣроятныхъ размѣровъ—никто, ложась спать вечеромъ, не могъ быть увѣренъ, что спокойно проспитъ ночь.

Государственные доходы достигали тогда едва девяти съ небольшимъ милліоновъ рублей [1]). Подъ вліяніемъ Бирона Анна Іоан-

---

[1]) «Любопытны данныя изъ росписи государственныхъ расходовъ за 1734 г. Всего расходовъ на этотъ годъ показано около 8 милліоновъ руб., распредѣлявшихся по отдѣльнымъ статьямъ слѣдующимъ образомъ: почти весь бюджетъ расходовъ поглощался арміей и флотомъ; на армію шло 5.278.000 р., на флотъ — 1.200.000 р., а всего 6.478.000 р. Остатокъ—1.285.000 р. распредѣлялся на всѣ прочія государственныя потребности, въ числѣ которыхъ самое скромное мѣсто занимало народное просвѣщеніе. На двѣ академіи—наукъ и морскую—отпускалось вмѣстѣ 47.000 р., а на жалованье учителямъ среднихъ школъ вмѣстѣ съ геодезистами всего 4.500 р.! На содержаніе двора шло 260.000 р.; на придворное конюшенное вѣдомство — 100.000 руб.; на жалованье высшимъ государств. сановн.

новна издала указъ, учреждавшій особый *доимочный приказъ*, которому предоставлялась полная свобода дѣйствій при взиманіи недоимокъ. На ряду съ этимъ было создано тайное казначейство (куда поступали деньги изъ доимочнаго приказа), находившееся въ исключительномъ распоряженіи императрицы, другими словами—Бирона. Былъ отданъ приказъ немедленно собрать всѣ недоимки. Въ деревняхъ была объявлена круговая порука; богатые отвѣчали за неимущихъ. Помѣщики должны были отвѣчать за своихъ крѣпостныхъ; въ селахъ, принадлежавшихъ государству, отвѣтственными являлись голова и староста; въ городахъ—городовой магистратъ и бургомистръ, который въ ту пору стоялъ во главѣ магистрата. Былъ отвѣтственъ также и воевода за подвѣдомственный ему городъ и уѣздъ. Посылался взводъ солдатъ, подъ начальствомъ офицера въ городъ или деревню и производилась *экзекуція*. Экзекуція состояла въ томъ, что у зажиточныхъ обывателей забирали всѣ вещи, мебель, весь домашній скарбъ, выводили лошадей, скотъ и все продавали съ молотка, по баснословно низкой цѣнѣ. Если вырученная сумма не покрывала сумму причитающихся съ города недоимокъ — собственниковъ проданнаго съ молотка имущества арестовывали, заковывали въ кандалы, сажали въ тюрьму и оттуда выводили ежедневно на площадь передъ судомъ, на *правежъ;* несчастныхъ выгоняли съ босыми, обнаженными до колѣнъ ногами, даже зимой по глубокому снѣгу, въ лютый морозъ,— и били батожьемъ по икрамъ до крови. Дворянъ-помѣщиковъ также заковывали въ кандалы, сажали въ тюрьму на хлѣбъ и на воду и держали тамъ, пока слѣдуемая сумма не была внесена. Если сборъ недоимокъ бывалъ затруднителенъ, несмотря и на эти варварскія мѣры, тогда изъ Петербурга командировался гвардейскій офицеръ, уполномоченный сѣчь, пороть кнутомъ, сажать въ тюрьму и въ кандалы всѣхъ въ уѣздѣ, начиная съ воеводы. Дѣло разрѣшалось обык-

---

96.000 руб.; на коллегію иностр. дѣлъ — 102.000 р.; на строенія — 256.000. На пенсіи родственникамъ покойнаго супруга императрицы, на прожитіе ея племянницы—61.000 р. На областное управленіе—51.000 р.; на центральное—180.000 руб. Недоимки наростали страшно. Въ 1732 г., напр., ихъ было 15.500.000 руб.—сумма, равняющаяся почти двухгодичному государственному доходу. Состояніе разныхъ отраслей управленія было самое отчаянное. Полуторастотысячная армія, регулярная часть которой, по отзывамъ иностранцевъ, была хорошо дисциплинирована, терпѣла большой уронъ въ людяхъ вслѣдствіе дурного продовольствія. Голодъ и плохая обмундировка губили русскія войска больше, чѣмъ непріятельское оружіе. Изъ 60 военныхъ кораблей 25 были совершенно негодны для плаванія. 200 галеръ стояли вытащенными на берегъ безъ всякаго употребленія. Чиновники, не получая жалованья, жили посулами и взятками».

новенно уплатой офицеру громадныхъ взятокъ, особенно, если это былъ нѣмецъ [1]); нѣмцы оказывались, въ этихъ случаяхъ, самыми жадными. Тысячи крестьянъ, послѣ жесточайшихъ наказаній, отсылались въ Сибирь, гдѣ населеніе значительно прибыло со времени этой эпохи. Такія командировки считались среди гвардейскихъ офицеровъ весьма доходными, и Липпманнъ, придворный банкиръ, торговалъ ими: продавалось право ѣхать взимать недоимки въ томъ или иномъ уѣздѣ.

Повальное бѣгство крѣпостныхъ было дѣломъ въ Россіи обычнымъ. Даже въ самое мягкое царствованіе,—царствованіе Петра II [2]) мы видимъ, что помѣщики уѣздовъ Пермскаго, Симбирскаго, Алатырскаго, Саранскаго, Арзамаскаго и другихъ—приносятъ коллективную жалобу на имя государя въ томъ, что въ помѣстьяхъ, принадлежавшихъ незадолго передъ тѣмъ Меншикову, въ Самарскомъ уѣздѣ, и помѣстьяхъ Нарышкиныхъ въ Пензенскомъ уѣздѣ, живутъ тысячи бѣглыхъ и что бѣглые эти, говорилось въ жалобѣ, бродятъ шайками вооруженные ружьями и разбойничаютъ; жгутъ деревни, убиваютъ и истязаютъ жителей. Можно себѣ представить, до чего увеличилось количество бѣглыхъ въ Бироновское время. При первомъ извѣстіи о прибытіи въ село отряда солдатъ для экзекуціи, всѣ зажиточные обыватели бросались въ сосѣдніе лѣса, уводя съ собой по возможности лошадей, скотъ и унося все, что только успѣвали захватить. Иногда

---

1) Генералъ-маіоръ Альбрехтъ, одинъ изъ клевретовъ Бирона, приказавъ однажды дать триста розогъ одному унтеръ-офицеру, дворянину, замѣтилъ: «если бы онъ былъ нѣмецъ, я бы ему приказалъ дать только сто—а русская спина все выдержитъ».

2) Современникъ Манштейнъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: Русскіе старо-боярской партіи нашли въ Петрѣ II государя себѣ по сердцу, онъ покинулъ Петербургъ и вернулъ ихъ въ Москву. Вся Россія называетъ еще до сихъ поръ это царствованіе счастливѣйшей эпохой текущаго столѣтія. Миръ былъ полный, по отношенію ко всѣмъ сосѣдямъ. Никого не принуждали служить, всѣ могли спокойно наслаждаться своими благами и даже пріумножать ихъ. За исключеніемъ немногихъ высокопоставленныхъ лицъ, завидовавшихъ Долгоруковымъ, вся нація была довольна. Всѣ лица были радостны. Казна пріумножалась. Москва вновь украшалась и оправлялась отъ запустѣнія, въ которое была приведена въ царствованіе Петра I. Только армія и флотъ были забыты и пришли бы въ полное разстройство, если бы это царствованіе продлилось еще нѣсколько лѣтъ. Манштейнъ, жившій въ столицѣ, видѣлъ вещи въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ; онъ не видѣлъ страданій крѣпостныхъ по деревнямъ. Тѣмъ не менѣе царствованіе Петра II было несомнѣнно самымъ кроткимъ и благопріятнымъ за все время XVII столѣтія, за исключеніемъ развѣ только царствованія императрицы Екатерины II.

все село бѣжало и не возвращалось болѣе. Послѣ Бироновщины въ одномъ только Переяславскомъ (Залѣсскомъ) уѣздѣ было *шестьдесятъ восемь деревень, совершенно брошенныхъ, населеніе которыхъ исчезло!* Поля были заброшены, голодъ вспыхивалъ повсемѣстно. Разбой развился необычайно. Между Петербургомъ и Москвой для безопасности путешественниковъ приходилось держать военные кордоны. Въ Петербургѣ патрули ходили по улицамъ всю ночь. Въ 1734 году одна разбойничья шайка послала письмо московскому генералъ-губернатору графу Семену Салтыкову съ требованіемъ заплатить извѣстную сумму денегъ, подъ угрозой грабежей, пожаровъ и убійствъ. Въ 1739 году въ Москвѣ отрубили голову одному атаману и его голова была выставлена на столбѣ. Разбойникъ этотъ принадлежалъ къ очень хорошей татарской семьѣ, его звали Лихутьевъ. Тогдашній московскій генералъ-губернаторъ князь Юсуповъ, происходившій также изъ татаръ, самъ большой взяточникъ, лично допрашивалъ его. «Разница между мной и тобой небольшая»,—сказалъ Лихутьевъ,—«я разбойничаю по большимъ дорогамъ, а ты—на службѣ Е. И. В!»

Въ Малороссіи среди разбойниковъ появился самозванецъ. Въ 1738 году, нѣкто Миницкій, поденный рабочій въ казачьей станицѣ близъ Переяславля, назвалъ себя царевичемъ Алексѣемъ и сталъ во главѣ разбойничьей шайки. Были посланы войска, Миницкій былъ схваченъ и посаженъ на колъ [1]).

Въ пограничныхъ съ Литвою областяхъ народъ (особенно раскольники) бѣжалъ за границу массами. Въ теченіе десяти лѣтъ около двухсотъ пятидесяти тысячъ бѣжало въ Польшу и Литву. Когда русскія войска, послѣ взятія Данцига и возведенія на польскій престолъ Августа III, курфюрста Саксонскаго, шли обратно въ Россію, они получили приказъ хватать всѣхъ эмигрантовъ, на которыхъ набредутъ по пути, и силою возвращать ихъ на родину. Тысячи несчастныхъ были возвращены и сосланы въ Сибирь. Въ 1735 году раскольники, поселившіеся на рѣкѣ Вѣткѣ, были возвращены въ Россію русскими войсками, которые по этому случаю были введены въ Литву. Польскій Сеймъ былъ возмущенъ и протестовалъ противъ такого нарушенія правъ. Но магнаты, купленные денежными субсидіями и орденами, предложенными русскимъ правительствомъ, сумѣли потушить этотъ международный

---

[1]) Въ послѣдніе годы царствованія Петра I появилось два самозванца, называвшіе себя именемъ несчастнаго царевича Алексѣя. Въ Почепѣ солдатъ Александръ Селимовъ и въ Астрахани мужикъ-сибирякъ Евстахій Артемьевъ. Оба были казнены.

инцидентъ. Эмиграція не уменьшилась и, при восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы, была обнародована амнистія эмигрировавшимъ, обѣщавшая не водворять ихъ вновь во владѣніе ихъ помѣщиковъ и разрѣшавшая имъ поселиться въ южнорусскихъ степяхъ, въ качествѣ казенныхъ крестьянъ. Большая часть эмигрантовъ воспользовалась этой амнистіей и возвратилась въ Россію.

Всѣ милліоны, выколоченные и вырванные пытками у народа, поглощались *тайнымъ казначействомъ* и поступали въ руки Бирона. Государственное казначейство было пусто, а страна совершенно разорена. Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны не знали, откуда добыть деньги для покрытія небывалыхъ еще затратъ двора. Для содержанія арміи пришлось ввести новые налоги. Императрица, ослѣпленная страстью къ своему фавориту и видѣвшая только лицъ, которыхъ Биронъ къ ней допускалъ, ничего не знала объ ужасномъ состояніи имперіи: въ Биронѣ она видѣла мудраго совѣтника и надежную опору россійскаго престола.

Чтобы удержать въ своихъ рукахъ безграничную власть, Биронъ создалъ цѣлую сѣть шпіонства. У него были агенты вездѣ; не было въ Россіи человѣка, надъ которымъ не висѣла бы опасность гнѣва Бирона. Въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи достаточно было одного слова неодобренія правительству, чтобы быть арестованнымъ и отданнымъ на пытку, или, что было всего ужаснѣе, быть посланнымъ въ Петербургъ, въ тайную канцелярію. Чтобы обирать богатыхъ людей, купцовъ особенно, прибѣгали къ слѣдующимъ мѣрамъ. Подкупали агентовъ, мужчинъ или женщинъ, и арестовывали ихъ подъ предлогомъ того, что они будто бы хулили императрицу или Бирона. Арестованные шли подъ конвоемъ по улицамъ и указывали на мимо проходившихъ людей, или на владѣльцевъ домовъ, мимо которыхъ лежалъ путь, какъ на своихъ сообщниковъ. Мнимыхъ соучастниковъ несуществовавшаго преступленія арестовывали и принуждали откупаться болѣе или менѣе крупной суммой, смотря по достатку. Въ случаѣ неплатежа ихъ пытали. Народъ прозвалъ такихъ лжеобвинителей—*языками*. Заслышавъ крикъ, что *ведутъ языка*—всѣ бѣжали, сломя голову, и спѣшили укрыться; двери всѣхъ домовъ и всѣхъ лавокъ запирались наглухо и улицы пустѣли. Горе было хозяину, если за званымъ обѣдомъ, даже въ тѣсномъ семейномъ кругу, не было возглашено тоста за всемилостивѣйшую государыню. Доносчики были вездѣ. Однажды какой-то майоръ, шедшій со своимъ батальономъ, остановился и заночевалъ у помѣщика-хохла, владѣвшаго чудеснымъ скотомъ. Онъ попросилъ хозяина подарить ему быка и двухъ коровъ.

Помѣщикъ отказалъ. Майоръ въ отместку написалъ на него доносъ: «У помѣщика, де, въ залѣ стоитъ печь, на коей имѣется изображеніе двуглаваго орла; двуглавый орелъ есть гербъ государственный, слѣдовательно принадлежащій всемилостивѣйшей государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; изобразить сей гербъ на печи означаетъ желаніе его сжечь; въ семъ нельзя не усмотрѣть злостнаго и умышленнаго оскорбленія Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни». Доносу былъ данъ ходъ, и помѣщику пришлось заплатить бѣшеныя деньги мѣстнымъ властямъ, чтобы избѣжать застѣнка. Это ему стоило разъ въ пятьдесятъ дороже быка и коровъ, въ которыхъ онъ отказалъ майору.

Въ ту пору жилъ въ Ригѣ одинъ ученый врачъ, грекъ, Михаилъ Шенда фонъ-деръ-Бехъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ своими трудами, изданными подъ псевдонимомъ *Кристодемуса*, бывшій врачъ молдавскаго господаря князя Маврокордато и австрійскаго императора Карла VI. У Шенда была великолѣпная коллекція старыхъ монетъ и медалей. Бирону, бывшему тогда еще камергеромъ герцогини курляндской, захотѣлось пріобрѣсть лучшіе экземпляры этой коллекціи. Шенда отказался ихъ продать. Когда Анна Іоанновна взошла на русскій престолъ, Биронъ возобновилъ переговоры. Получивъ вторичный отказъ, онъ силой завладѣлъ коллекціей; Шенда былъ схваченъ, сосланъ въ Сибирь подъ вымышленнымъ именемъ и держался въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи. Послѣ паденія Бирона несчастнаго хотѣли вернуть, но разыскать его оказалось невозможнымъ. Трагическій случай помогъ Шендѣ получить свободу.

Начальникъ тюрьмы, въ которой онъ былъ заключенъ, избилъ его однажды, Шенда схватилъ ножъ, сталъ наносить тому удары въ лицо и отрѣзалъ носъ. Начался судъ; у подсудимаго спросили имя—онъ назвалъ себя. Поднялся переполохъ—это было имя заключеннаго, котораго по распоряженію изъ Петербурга давно напрасно разыскивали! Послали донесеніе въ Петербургъ и получили въ отвѣтъ приказъ немедленно дать Шендѣ свободу. Это было уже въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Биронъ въ минуты веселости любилъ пошутить. Шутки его были тяжеловѣсныя, жестокія и доставляли мало удовольствія тѣмъ, надъ которыми онъ шутилъ. Благодаря перлюстраціи писемъ, онъ узналъ, однажды, что курляндецъ, баронъ Сакенъ, выражалъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей удивленіе тому, что герцогъ позволяетъ себѣ безъ суда ссылать въ Сибирь курляндскихъ дворянъ. Биронъ былъ въ духѣ и вздумалъ пошутить. Сакена арестовали и объявили

ему, что онъ ссылается въ Сибирь. Его посадили въ закрытую кибитку, завязали глаза и повезли. Ѣхали въ теченіе *трехъ недѣль*. Сакену все время держали глаза завязанными. Наконецъ, какъ-то, подъ утро послѣ короткаго забытья, Сакенъ, проснувшись, почувствовалъ, что кибитка стала. Онъ позвалъ. Никого. Позвалъ еще. Отвѣта нѣтъ. Онъ снялъ повязку: ни конвоя, ни кучера, ни лошадей. Онъ оглядѣлся и увидѣлъ, что кибитка стоитъ въ двухъ шагахъ отъ его дома. Въ домѣ онъ нашелъ письмо, написанное секретаремъ герцога. Въ письмѣ ему разъяснялось, что если онъ еще разъ позволитъ себѣ выразить удивленіе по поводу ссылки курляндцевъ въ Сибирь безъ суда — онъ туда немедленнно будетъ отправленъ. Баронесса Сакенъ была такъ испугана и взволнована арестомъ и ссылкой мужа, что заболѣла, не могла оправиться и вскорѣ умерла. Такова была развязка милой Бироновской шутки. Когда праздновался миръ съ Турціей въ февралѣ 1740 г., послѣ фейерверковъ было приказано пустить нѣсколько ракетъ въ толпу, пришедшую полюбоваться зрѣлищемъ. Толпа обезумѣла отъ ужаса. Нѣсколько человѣкъ были сильно обожжены и, по слухамъ, нѣкоторые умерли.

Трудно себѣ представить пренебреженіе, съ которымъ нѣмцы относились къ русскимъ въ царствованіе Анны Іоанновны. Даже Анна Леопольдовна, кроткая и мягкая по природѣ, но дурно воспитанная и безтактная, не скрывала своего презрѣнія къ націи, надъ которой ея потомкамъ предстояло, повидимому царствовать. Войдя, разъ, въ пріемный залъ и не нашедъ тамъ дежурнаго камергера, графа Федора Андреевича Апраксина, который опоздалъ, Анна Леопольдовна въ сердцахъ воскликнула: «Ахъ, эти русскіе свиньи!», нисколько не стѣсняясь присутствовавшими. Такіе инциденты не могли, конечно, не увеличивать числа приверженцевъ цесаревны Елизаветы Петровны, русской по своимъ чувствамъ и привязанностямъ. Многимъ оклеветаннымъ и обвиненнымъ удавалось откупиться — всегда баснословной цѣной; но не для всѣхъ это было возможно: иногда изъ-за неимѣнія достаточныхъ средствъ, иногда благодаря личной враждѣ къ бовиненному вліятельныхъ лицъ администраціи. Участь терпѣвшихъ наказанія была ужасна — особенно тѣхъ, кто позволилъ себѣ говорить о всесильномъ вліяніи фаворита на императрицу. Инымъ отрѣзывали языки, вырывали ноздри и ссылали въ Сибирь. Другихъ зашивали въ мѣшокъ съ камнями и топили; закапывали по плечи въ землю и оставляли такъ умирать: многіе жили три, четыре дня, мучась невообразимо, крича и умоляя о глоткѣ воды, которой имъ не давали. Въ

дождь несчастные поднимали головы, раскрывали рты и ловили отдѣльныя капли.

Волынскій, кабинетъ-министръ, писалъ своему другу, князю Григорію Урусову: «Намъ, русскимъ, хлѣба не надо: мы ѣдимъ другъ друга и сыты этимъ».

Въ деспотическія царствованія подлость и низость развиваются необычайно. Мы видѣли это въ царствованіе Николая; наши отцы — въ царствованіе Павла. Тираннія эпохи Анны Іоанновны превзошла деспотизмъ и Павла и Николая. Она была тѣмъ ощутительнѣе и невыносимѣе, что давила одинаково на всѣ классы безъ исключенія, на людей просвѣщенныхъ и на темнаго мужика. Тогда какъ тираннія Павла и Николая давила исключительно на верхніе слои, на людей образованныхъ: чѣмъ просвѣщеннѣе былъ человѣкъ, тѣмъ озлобленнѣе и неистовѣе было преслѣдованіе. Въ царствованіе Анны Іоанновны, время ужасовъ и звѣрства, не было недостатка въ льстецахъ и низкопоклонствѣ. Въ 1736 году, въ шестую годовщину ея коронованія, регентъ придворной капеллы, неаполитанецъ Франческо Арайя исполнилъ передъ императрицей кантату подъ заглавіемъ «Состязаніе Любви и Усердія». Въ кантатѣ этой были куплеты, содержаніе коихъ было слѣдующее: «Между государемъ и его подданными должны процвѣтать любовь и усердіе. Можно ли найти болѣе усердія, чѣмъ у Тебя, Августѣйшая Государыня, и любовь болѣе пылкую, чѣмъ любовь Твоихъ подданныхъ? Сколько благихъ дѣяній совершено Божественной Анной, по восшествіи ея на престолъ! Благодаря ей, германцы, галлы, британцы и бельгійцы спокойно благоденствуютъ!... Радость и Величіе Твоихъ подданныхъ дѣлаютъ рѣшеніе затруднительнымъ: могутъ ли они сравниться съ пылкой любовію, которую питаетъ къ Тебѣ Твой непобѣдимый народъ? Какъ! И ничего болѣе? Но слишкомъ затруднительно перечислить славныя дѣянія Великой Императрицы — такъ же, какъ нѣтъ возможности счесть звѣзды на небѣ... Моя смѣлость потерпѣла аварію среди океана Ея добродѣтели! Солнце не нуждается въ похвалахъ: Божественная Анна — также!...»

Придворные, присутствовавшіе при представленіи, восхищались до слезъ и говорили: «Какъ онъ хорошо понялъ императрицу, какъ вѣрно очертилъ ея характеръ и царствованіе!»

Духовенство, униженное и придавленное, пресмыкалось у ногъ правительства. Митрополиты, запуганные ссылками, льстили императрицѣ и Бирону и говорили проповѣди, дышавшія самымъ недостойнымъ низкопоклонствомъ. Особенно изощрялся въ лести Амвросій Юшкевичъ. Впослѣдствіи, въ царствованіе Елизаветы Петровны онъ,

съ кафедры придворной церкви, громилъ нѣмцевъ, которыхъ въ царствованіе Анны Іоанновны ставилъ такъ высоко [1]).

Въ день торжественнаго празднованія мира съ турками, 14 февр. 1740 г., одинъ изъ кабинетъ-мнистровъ, князь Черкасскій, въ присутствіи двора и дипломатическаго корпуса, обратился къ императрицѣ съ рѣчью отъ имени всей Россіи. Въ этой рѣчи говорилось о вѣчномъ Богѣ, источникѣ всѣхъ благъ, котораго подданные отъ глубины сердецъ не знаютъ какъ восхвалить и возблагодарить за великія добродѣтели, которыми Онъ наградилъ великую государыню. Всевышнему возносились молитвы, чтобы Онъ сохранилъ драгоцѣнную жизнь императрицы на многія и многія лѣта. «Дабы мы могли, ступая по слѣдамъ великой государыни, хранить заповѣди Господни».

Храня «заповѣди Господни», людей ссылали въ Сибирь, отрѣзали имъ языки, вырывали ноздри, топили въ мѣшкахъ и закапывали живыхъ... Въ то время, какъ вся Россія стонала въ этихъ ужасныхъ мукахъ, придворные думали только о томъ, какъ бы набить себѣ карманы и блеснуть роскошью, которая стала обязанностью при дворѣ. Чтобы достигнуть ея, имъ приходилось обивать пороги въ передней всемогущаго герцога курляндскаго, выпрашивая подачки изъ опустѣвшей русской казны, вымаливая права на взяточничество, подъ видомъ какого-либо служебнаго положенія.

Роскошь двора была особенно возмутительна на ряду съ всеобщими бѣдствіями и нищетой [2]). Современникъ, Манштейнъ, утвер-

---

[1]) Полное невѣжество русскаго духовенства этой эпохи, принуждало правительство выбирать митрополитовъ изъ малороссовъ и даже между польскими подданными—православными. Амвросій Юшкевичъ былъ іеромонахомъ въ православномъ монастырѣ Св. Духа, въ Вильнѣ. Онъ былъ призванъ въ Россію въ 1734 г. и назначенъ архимандритомъ Симоновскаго монастыря въ Москвѣ. Черезъ полтора года онъ былъ уже митрополитомъ Вологодскимъ и Бѣлоозерскимъ и членомъ Синода. Хитрый и двуличный, онъ льстилъ Бирону, затѣмъ регентшѣ и сумѣлъ войти въ милость и при Елизаветѣ Петровнѣ. Онъ былъ тогда архіепископомъ Новгородскимъ и Петербурскимъ. Умеръ въ 1745 году.

[2]) «Роскошь двора Анны Іоанновны, — говоритъ проф. Д. А. Корсаковъ,— поражала своимъ великолѣпіемъ даже привычный глазъ придворныхъ виндзорскаго и версальскаго дворовъ. Жена англійскаго резидента леди Рандо приходитъ въ восторгъ отъ великолѣпія придворныхъ праздниковъ въ Петербургѣ, переносившихъ ее своей волшебной обстановкой въ страну фей и напоминавшихъ ей Шекспировскій «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Этими праздниками восхищался и избалованный маркизъ двора Людовика XV, его посолъ въ Россіи, де-ла-Шетарди. Балы, маскарады, куртаги, рауты, итальянская опера, парадные обѣды, торжественные пріемы пословъ, военные парады, свадьбы «высокихъ персонъ», фейерверки — пестрымъ калейдоскопомъ смѣняли одинъ другой и поглощали золотой

ждаетъ, что «придворный, который опредѣлялъ въ годъ только по двѣ или по три тысячи на свой гардеробъ, т.-е. десять или пятнадцать тысячъ франковъ, не могъ похвастать щегольствомъ» —пишетъ Манштейнъ. Торговцу модъ довольно было прожить въ Петербургѣ два года, чтобы составить себѣ состояніе, хотя бы сначала весь его товаръ былъ взятъ въ кредитъ [1]). Когда конфисковали имущество Волынскаго, въ его гардеробѣ было найдено двадцать пять французскихъ камзоловъ и двадцать семь жилетовъ парчевыхъ, шелковыхъ, бархатныхъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ съ брилліантовыми застежками на иныхъ.

Разумѣется, дворяне, привыкшіе къ грубому обращенію со стороны правительства, находившіеся сами въ рабской зависимости, обращались еще грубѣе со своими рабами-крѣпостными.

Генералъ-аншефъ Леонтьевъ, троюродный братъ Петра I, въ случаяхъ, когда бывалъ недоволенъ обѣдомъ, призывалъ къ себѣ своихъ двухъ поваровъ. Одинъ былъ французъ, другой русскій. Французъ отдѣлывался рѣзкимъ выговоромъ, русскій же, крѣпостной, проходилъ черезъ настоящую пытку. Его сѣкли въ присутствіи генерала и затѣмъ, заставляли съѣсть—кусокъ хлѣба, густо покрытый солью и перцемъ, большую селедку безъ хлѣба и выпить два стакана водки; послѣ чего его запирали на сутки безъ воды. Иностранцамъ присутствовавшимъ при этихъ варварствахъ, Леонтьевъ говорилъ: «Съ французомъ я такъ поступать не могу — онъ мнѣ всадитъ пулю въ лобъ. Съ русскими же иначе нельзя—это единственный способъ держать ихъ въ рукахъ. Мой отецъ меня этому училъ и былъ болѣе чѣмъ

дождь червонцевъ, щедрой рукой падавшій на нихъ изъ казначейства. Достаточно бѣгло просмотрѣть наивныя отмѣтки «камеръ-фурьерскихъ» и «церемоніальныхъ» журналовъ и «журналовъ придворной конторы на знатныя при дворѣ Е. И. В. оказіи»—за десять лѣтъ царствованія Анны Іоанновны, чтобы убѣдиться какъ часто повторялись подобныя «оказіи». Почти сплошной праздникъ шелъ цѣлый годъ у императрицы!»

[1]) Роскошь придворныхъ Анны Іоанновны не отличалась однако изяществомъ, уживаясь съ порядочной грязью и неряшествомъ. «Часто при богатѣйшемъ кафтанѣ,—говоритъ современникъ-очевидецъ Манштейнъ,—парикъ бывалъ прегадко вычесанъ, прекрасную штофную матерію неискусный портной портилъ дурнымъ покроемъ, или, если туалетъ былъ безукоризненъ, то экипажъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: господинъ въ богатомъ костюмѣ ѣхалъ въ дрянной каретѣ, которую тащили одры. Тотъ же вкусъ господствовалъ въ убранствѣ и чистотѣ русскихъ домовъ: съ одной стороны обиліе золота и серебра, съ другой страшная нечистоплотность. Женскіе наряды соотвѣтствовали мужскимъ: на одинъ изящный женскій туалетъ встрѣчаешь десять безобразно одѣтыхъ женщинъ». (Записки Манштейна, стр. 181—182).

правъ». Его отецъ былъ истинно русскій баринъ, двоюродный братъ царицы Наталіи Кирилловны Нарышкиной.

Иностранцы, воспитанные въ совершенно иныхъ нравахъ, пріѣхавъ въ Россію, становились такими же варварами. Минихъ былъ невѣроятно жестокъ къ солдатамъ и къ подчиненнымъ ему офицерамъ. Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій сѣкъ въ своемъ присутствіи крѣпостныхъ лакеевъ своей жены. Но наиболѣе жестокій изъ всѣхъ былъ графъ Оттонъ-Густавъ Дугласъ, бывшій шведскій офицеръ, генералъ-аншефъ и губернаторъ въ Эстляндіи. Это былъ настоящій звѣрь. Онъ сѣкъ людей въ своемъ присутствіи и изодранныя спины приказывалъ посыпать порохомъ и зажигать... Стоны и крики заставляли его хохотать отъ удовольствія. Онъ называлъ это «жечь фейерверки на спинахъ». Въ 1740 году, онъ былъ высланъ изъ Россіи, вслѣдствіе какихъ-то неосторожныхъ выраженій въ своихъ письмахъ, адресованныхъ шведскимъ друзьямъ.

Если люди высокопоставленные, жившіе при дворѣ среди лицъ дипломатическаго корпуса и просвѣщенныхъ иностранцевъ, позволяли себѣ такія варварства, что должны были продѣлывать въ глухихъ углахъ грубые и необразованные офицеры и темные маленькіе помѣщики, опустившіеся въ своей полу-животной жизни? Въ большинствѣ случаевъ наши прадѣды и дѣды думали, что всѣ грѣхи, всѣ жестокости и подлости можно съ лихвой замолить постами, пудовыми свѣчами у образовъ и неугасимыми лампадами.

Страданія, перенесенныя русскимъ народомъ—не поддаются описанію: на человѣческомъ языкѣ нѣтъ подходящихъ словъ, соотвѣтствующихъ выраженій, чтобы передать весь ихъ ужасъ, все ихъ разнообразіе...

Въ теченіе десяти лѣтъ царствованія Анны Іоанновны правительствомъ была принята всего одна мѣра, заслуживающая одобренія: — заботами фельдмаршала Миниха были созданы кадетскіе корпуса. Въ тѣ времена, это была истинная услуга цивилизаціи.

При Биронѣ нѣсколько нѣмецкихъ фамилій играли большую роль при дворѣ. Кромѣ Левенвольде Биронъ оказывалъ покровительство еще Менгденамъ, Кейзерлингамъ, Корфамъ, Ливенамъ и Бевернамъ.

Менгдены были уроженцы Вестфаліи. Вѣтка ихъ, оставшаяся въ Германіи, получила отъ императора Карла VI, въ 1723 г., титулъ бароновъ священной имперіи. Іоганнъ-Остгофъ-Менгденъ поселился въ Ливоніи, гдѣ онъ былъ магистромъ ордена меченосцевъ отъ 1451—1475 г. Его племянникъ, Энгельбрехтъ, также переселился въ Ливонію и купилъ тамъ (1490 г.) помѣстье Альтенвога. Онъ родоначаль-

никъ Менгденовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Вдова одного изъ нихъ, Эрнста Менгдена, попала въ плѣнъ и была привезена въ Россію во время войны царя Алексѣя Михайловича съ Польшей. Въ Россіи она вышла замужъ за *думнаго дворянина* Ивана Ивановича Баклановскаго. Она приняла православіе и была названа Маріей Васильевной. Ея старшій сынъ, Менгденъ, также принялъ православіе и былъ, впослѣдствіи, стольникомъ при русскомъ дворѣ. Этотъ Алексѣй Аристовичъ Менгденъ сталъ родоначальникомъ ярославскихъ и тульскихъ Менгденовъ.

Оттону Менгдену, ливонскому ландрату и полковнику шведской службы, королева Христина даровала въ 1653 г. титулъ барона Менгденъ—фонъ-Альтенвога. Два его внука, братья, Магнусъ-Густавъ, ландмаршалъ и Іоганнъ-Альбрехтъ, ландратъ въ Ливоніи, были тѣсно связаны дружбой съ семьей Левенвольде. Сыновья ихъ были низкопоклонными прислужниками Бирона, особенно второй сынъ Іоганна Альбрехта, баронъ Карлъ-Людвигъ. Чтобы создать болѣе прочную сѣть интригъ, онъ выписалъ въ Петербургъ своихъ четырехъ кузинъ, дочерей барона Магнуса - Густава: Доротею, впослѣдствіи графиню Минихъ, Юлію, Якобину, которая должна была выйти за Густава Бирона (бракъ разстроился, благодаря паденію семьи Бирона) и Аврору--впослѣдствіи графиню Лестокъ. Всѣ четыре были ловкія интриганки, особенно Юлія, сумѣвшая втереться въ довѣріе къ Аннѣ Леопольдовнѣ и имѣвшая на молодую принцессу огромное вліяніе. Баронъ Карлъ-Людвигъ, также большой интриганъ, былъ тридцати четырехъ лѣтъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, тайнымъ совѣтникомъ и имѣлъ орденъ Александра Невскаго. Но въ слѣдующемъ году при восшествіи Елизаветы Петровны, онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ умеръ послѣ восемнадцатилѣтней ссылки. Племянникъ его, Эрнстъ-Бурхгардтъ, губернаторъ Лифляндіи, купилъ въ Вѣнѣ въ 1779 г. титулъ графа. Отъ него произошли нынѣшніе графы Менгдены.

Кейзерлинги также вестфальскіе выходцы. Германнъ-Карлъ Кейзерлингъ (род. 1696 г.) былъ уже въ Митавѣ приближеннымъ Бирона. Онъ былъ принятъ на русскую службу и назначенъ въ 1733 г. посланникомъ въ Варшаву; онъ былъ хитеръ, уменъ и вкрадчивъ и обладалъ исключительными дипломатическими способностями. Когда Биронъ былъ избранъ герцогомъ курляндскимъ, въ виду ленной зависимости Курляндіи отъ Польши, было необходимо получить согласіе Польскаго Сейма. Кейзерлингъ взялъ дѣло на себя. Нѣсколькимъ магнатамъ были предложены крупныя пенсіи и розданы русскіе ордена. Король Августъ III получилъ отъ русскаго правительства, взаймы, на три года сто тысячъ червонцевъ. Дѣло удалось и Кейзерлингъ

въ награду получилъ тайнаго совѣтника. Послѣ паденія Бирона Минихъ поручилъ Кейзерлингу выхлопотать для него и фельдмаршала Ласси дипломы на графское достоинство Священной Имперіи. Оба, Минихъ и Ласси, были уже русскими графами. Кейзерлингъ легко уладилъ дѣло, не забывъ и себя и выхлопотавъ графскій дипломъ и для себя самого. Но регентша, Анна Леопольдовна, недовольная медлительностью, съ которой дипломатъ улаживалъ выборы брата ея мужа принца Людвига-Эрнста Брауншвейгскаго на курляндскій престолъ,—отказалась признать за Кейзерлингомъ графское достоинство. Кейзерлингъ очень хорошо понималъ, что Анна Леопольдовна и ея супругъ, недалекіе, легкомысленные, разжигавшіе, не сознавая того, ненависть русскихъ къ нѣмцамъ,—были совершенно неспособны долго удержать за собой Русскій престолъ. Онъ выжидалъ и оставался бездѣятельнымъ. Послѣдовавшія событія доказали вѣрность его разсчетовъ. Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, положеніе его и вліяніе на дѣло быстро упрочились. Бывшій совѣтникъ и льстивый придворный Бирона, сумѣлъ стать вѣрнымъ слугой и любимцемъ русскихъ людей, окружавшихъ Елизавету Петровну. Отношенія Русскаго и Вѣнскаго двора были очень натянуты, со времени низложенія маленькаго императора Ивана Антоновича, двоюроднаго племянника Маріи-Терезіи. Чтобы улучшить ихъ, Кейзерлингу пришла счастливая мысль, вмѣшать русскій дворъ въ дѣло о возведеніи на Австрійскій престолъ герцога Франца Лотарингскаго, супруга Маріи-Терезіи. По своему совѣту и настоянію Кейзерлингъ былъ командированъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ засѣдалъ выборный сеймъ и и энергично содѣйствовалъ избранію императора Франца I. Взамѣнъ, имъ были получены графскіе дипломы для Алексѣя Разумовскаго, морганатическаго супруга императрицы, придворнаго врача и любимца ея Лестока и вице-канцлера Михаила Воронцова. Но что было еще гораздо важнѣе, для Петербургскаго двора—онъ добился признанія Россійскаго Императорскаго титула Императоромъ Священной Имперіи. За это онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и получилъ царскую благодарность, переданную ему канцлеромъ Бестужевымъ *за то, что онъ сумѣлъ получить признаніе Императорскаго титула, безъ нарочитаго о томъ ходатайства.* Онъ былъ вскорѣ назначенъ посломъ въ Берлинъ, затѣмъ въ Вѣну, велъ переговоры о союзѣ двухъ дворовъ въ семилѣтнюю войну; въ 1764 г. онъ умеръ, будучи посланникомъ въ Варшавѣ.

Семья Корфовъ также родомъ изъ Вестфаліи, гдѣ они были извѣстны уже въ XIII вѣкѣ. Въ 1692 г. Матвѣй Корфъ получилъ отъ

императора Леопольда I дипломъ на титулъ бароновъ священной имперіи для всѣхъ членовъ семьи. Въ XV вѣкѣ Николай Корфъ переселился въ Курляндію и получилъ въ 1483 г. отъ магистра ордена Меченосцевъ, Бернарда Борха, помѣстье Прекульнъ (Preekuln), возведенное въ майоратъ и находящееся и теперь во владѣніи семьи.

Баронъ Іоганнъ-Альбертъ Корфъ, приближенный Бирона, вступилъ на русскую службу въ званіи камергера и былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ президентомъ Академіи Наукъ. Въ 1740 г. онъ началъ свою дипломатическую дѣятельность, къ которой у него было истинное призваніе. Въ теченіе двадцати шести лѣтъ (за вычетомъ двухъ, когда онъ временно былъ посланъ въ Стокгольмъ) онъ былъ посломъ въ Копенгагенѣ.

Положеніе очень важное въ ту эпоху, когда Данія была одной изъ первыхъ второстепенныхъ державъ, и въ высшей степени щекотливое, въ виду того, что датскіе короли отняли всѣ владѣнія у голштинскихъ герцоговъ, которыхъ счастливый случай возвелъ на россійскій престолъ. Чтобы удержаться такъ долго на этомъ посту, нужно было обладать большимъ умомъ и тонкостью; но ни въ тонкости, ни въ умѣ не было недостатка у барона Іоганна-Альберта. Надо еще прибавить къ этому всему, что въ 1730 г. баронъ Корфъ сыгралъ довольно значительную роль въ событіяхъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ Анны Іоанновны.

Онъ былъ тайно посланъ Бирономъ въ январѣ 1730 г. въ Москву, немедленно послѣ пріѣзда въ Митаву депутаціи отъ Верховнаго Совѣта. Корфу было поручено переговорить съ Рейнгольдомъ Левенвольде и при содѣйствіи послѣдняго подготовить возстановленіе Самодержавія. Баронъ вошелъ въ сношенія съ Головкиными и Рамодановскими и миссія его, какъ извѣстно, увѣнчалось успѣхомъ. Это заслуживало благодарности со стороны императрицы, но Корфу былъ данъ только камергерскій ключъ. Баронъ Іоганнъ-Эрнстъ повредилъ себѣ стремленіемъ завоевать личную благосклонность Анны Іоанновны. Онъ былъ свѣтскій человѣкъ, очень элегантенъ и хорошъ собой. Ухаживанья его, однако, не привели ни къ чему, несмотря на его тонкій и вкрадчивый умъ и живой характеръ. Императрица была всецѣло подъ чарами Бирона. Невѣжественный, невоспитанный и грубый Биронъ гораздо болѣе подходилъ Аннѣ Іоанновнѣ, женщинѣ тоже грубой, примитивной и дурно воспитанной, чѣмъ элегантный утонченный баронъ Корфъ. Ко всему Корфъ былъ человѣкъ просвѣщенный, не скрывалъ своихъ атеистическихъ взглядовъ и долженъ былъ шокировать такую суевѣрную ханжу, какъ Анна Іоанновна.

Биронъ не преминулъ сыграть на этой струнѣ, вооружая ее противъ своего соперника. Чтобы загладить размолвку и войти вновь въ милость Бирона, Корфъ, очень усердно содѣйствовалъ возведенію фаворита на курляндскій престолъ, въ 1737 г.

Корфъ умеръ въ Копенгагенѣ въ 1766 году, семидесяти лѣтъ оставивъ великолѣпную библіотеку въ тридцать шесть тысячъ томовъ Эта библіотека была куплена у него, за два года до его смерти, за пятьдесятъ тысячъ рублей императрицей Екатериной II, для цесаревича Павла Петровича; Корфу было предоставлено при этомъ пожизненное право владѣть всей его библіотекой.

Два другіе Корфа, братья, также вступили около этого времени на русскую службу; они оставили по себѣ самыя добрыя воспоминанія. Баронъ Іоганнъ-Николай Корфъ (въ Россіи Николай Андреевичъ) былъ женатъ на вдовѣ Бодиско, затѣмъ, овдовѣвъ, женился на графинѣ Екатеринѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ императрицы Елизаветы. Этотъ бракъ открылъ ему дорогу для широкой карьеры. Онъ былъ генералъ-аншефомъ, былъ пожалованъ Андреевской лентой и, въ эпоху временнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россіи, во время семилѣтней войны, былъ генералъ-губернаторомъ *Кенигсбергской провинціи*, какъ тогда называли восточную Пруссію. Николай Корфъ былъ честнѣйшій человѣкъ, безукоризненно порядочный и неподкупный; всегда ко всѣмъ внимательный, отзывчивый и очень добрый, несмотря на свою крайнюю вспыльчивоть и вспышки гнѣва, которымъ онъ былъ подверженъ, особенно когда былъ навеселѣ; а это съ нимъ случалось нерѣдко. Онъ былъ большой пріятель Петра III, большого любителя выпить, и оказалъ русскому дворянству такую услугу, за которую ему слѣдовало бы поставить памятникъ: по его настоянію и совѣту Петръ III рѣшился освободить дворянство отъ тѣлесныхъ наказаній и обязательной службы. Разсказываютъ, что Корфъ выигралъ у императора эти привилегіи дворянству въ партію билліарда, но фактъ этотъ не удостовѣренъ. Указъ былъ составленъ государственнымъ секретаремъ Волковымъ, которому Корфъ и нѣсколько вельможъ того времени щедро заплатили.

Корфъ умеръ въ 1766 году, 56 лѣтъ, всѣми уважаемый и любимый.

Второй братъ, баронъ Георгъ-Фромгольдъ, Григорій Ивановичъ, несмотря на то, что его братъ былъ Андреевичъ, такой же порядочный и добрый; служилъ въ конной гвардіи. Ему былъ порученъ надзоръ надъ семьей несчастнаго Іоанна Антоновича. Облегчить участь этой злополучной семьи было не въ его власти, но онъ былъ безу-

коризненно вѣжливъ и человѣчески добръ по отношенію къ заключеннымъ. Онъ умеръ въ чинѣ генералъ-поручика, майора конной гвардіи въ 1758 г., оставивъ трехъ сыновей.

Между нѣмцами, вступившими на русскую службу при Биронѣ было нѣсколько Ливенъ. Семья Ливенъ очень древняго происхожденія и ведетъ свой родъ отъ одного изъ вождей тѣхъ коренныхъ латышскихъ племенъ, которыя были порабощены рыцарями Меченосцами. Вождь этотъ по имени Каупо принялъ крещеніе и получилъ дворянское достоинство подъ фамиліей Ливенъ, (въ 1186 году). Въ 1653 году Ливенъ получили титулъ бароновъ отъ королевы шведской Христины. Одинъ изъ членовъ семьи служилъ при Петрѣ I въ русской арміи и былъ адъютантомъ при Меншиковѣ. Остальные Ливены вступили на русскую службу только по восшествіи на престолъ Анны Іоанновны. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ баронъ Георгъ-Рейнгольдъ (Георгій Григорьевичъ), который принималъ большое участіе въ дѣлѣ организаціи конногвардейскаго полка, и ввелъ не мало нѣмцевъ въ русскую армію и особенно гвардію. Онъ былъ уменъ, хитеръ и очень ловокъ, былъ очень преданъ Бирону и тѣсно связанъ дружбой съ семьей Левенвольде. Онъ сумѣлъ удержаться въ милости и при Елизаветѣ Петровнѣ, дослужился до чина генералъ-аншефа и подполковника конной гвардіи и умеръ въ 1763 году, 67 лѣтъ. Онъ былъ плохой военный, лишенный всякаго стратегическаго таланта, но воображавшій себя однимъ изъ лучшихъ полководцевъ Европы; нерѣшительный и робкій на полѣ сраженія, онъ былъ все-таки руководителемъ фельдмаршала Апраксина въ семилѣтнюю войну и на совѣсти его лежитъ бо́льшая часть отвѣтственности за ошибки и неудачи этого слабаго фельдмаршала.

Карлъ Бревернъ, членъ иностранной комиссіи, былъ одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ и благоразумныхъ нѣмцевъ, находившихся на русской службѣ. Его дѣдъ Іоганнъ Бревернъ, родомъ изъ Силезіи, получилъ въ 1694 году отъ шведскаго короля Карла XI дворянское достоинство для своего единственнаго сына Германа. Послѣдній, человѣкъ очень достойный, прекрасный администраторъ, былъ вице-президентомъ гофъ-герихта въ Ригѣ, послѣ присоединенія Ливоніи къ Россіи и вслѣдъ затѣмъ, когда въ Петербургѣ были созваны разнообразныя административныя коллегіи, въ 1717 году, онъ былъ призванъ Петромъ I въ Петербургъ и назначенъ вице-президентомъ юстицъ-коллегіи. Онъ умеръ въ 1722 году, пятидесяти девяти лѣтъ.

У Германа Бреверна было шесть сыновей. Четвертый сынъ, наиболѣе извѣстный, Карлъ, былъ порядочный человѣкъ, умный и чест-

ный, Остерманъ его очень цѣнилъ и покровительствовалъ ему. Поддерживаемый Остерманомъ и семьей Кейзерлингъ, съ которой онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ благополучно пережилъ эту бурную эпоху и сумѣлъ сохранить свою добрую репутацію. Въ высшей степени безкорыстный, любезный и обязательный, онъ оставался въ милости, несмотря на перемѣны режима. Я не знаю причинъ, приведшихъ его къ самоубійству, которымъ онъ кончилъ жизнь въ 1744 г., тридцати девяти лѣтъ.

Георгъ Браунъ, выходецъ ирландскій, получилъ выдающееся образованіе въ Америкѣ; притѣсняемый въ Англіи, какъ католикъ, онъ эмигрировалъ и вступилъ на службу въ маленькую армію Пфальцскаго курфюрста. Благодаря покровительству герцога, ему удалось въ 1730 году перейти на русскую службу. Онъ былъ принятъ въ армію въ чинѣ капитана. Онъ отличился во время турецкой войны и при взятіи Азова былъ раненъ (1736 г.). Минихъ произвелъ его въ полковники и послалъ (1738 г.) курьеромъ въ австрійскую армію. Онъ принималъ участіе въ битвѣ при Кротекѣ, былъ взятъ турками въ плѣнъ, проданъ, затѣмъ перепроданъ, отвезенъ въ Константинополь и выведенъ тамъ на рынокъ вмѣстѣ съ невольниками. Французскій посланникъ, Маркизъ де-Вильневъ купилъ его и далъ ему свободу и средства, чтобы тайно проѣхать въ Россію. Брауну удалось, будучи въ Константинополѣ, достать копіи нѣсколькихъ секретныхъ приказовъ Дивана, относящихся къ войнѣ съ Россіей. Онъ привезъ эти копіи въ Петербургъ и былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Въ царствованіе Елизаветы Петровны онъ женился на дочери фельдмаршала Ласси. Когда въ Россію должна была прибыть молодая принцесса Ангальтъ-Цербская, впослѣдствіи Екатерина II, между другими и Брауну было поручено ее встрѣтить. Мать принцессы, женщина не глупая, обратилась къ Брауну, который своей открытой манерой сумѣлъ внушить ей довѣріе, съ просьбой помочь имъ: «Моя дочь молода и неопытна,—говорила она,—ни она, ни я, не знаемъ обстановки, въ которую намъ придется войти; будьте нашимъ другомъ, дайте намъ дружескій совѣтъ и разскажите подробно о лицахъ, которыми мы будемъ окружены, о правительствѣ и о странѣ, которая, повидимому, такъ своеобразна». Браунъ исполнилъ ея просьбу и совѣты его избавили принцессу и ея юную дочь отъ очень многихъ промаховъ и неудачъ.

Во время семилѣтней войны, Браунъ, уже генералъ-аншефъ, получилъ при Цондорфѣ пять ранъ, изъ которыхъ одну въ голову. Петръ III назначилъ его генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ про-

винцій, и когда была рѣшена война съ Даніей, хотѣлъ назначить его главнокомандующимъ арміей. Война эта, затѣянная съ цѣлью отобрать у Даніи Голштинію, обладаніе которой для Россіи не имѣло значенія—могла повлечь только къ осложненіямъ и непріятностямъ. Честный и правдивый Браунъ, поблагодаривъ императора, изложилъ ему совершенно откровенно свое мнѣніе, разъяснилъ ему насколько эта война безполезна и непопулярна и совѣтовалъ государю ѣхать въ Москву и не откладывать коронованія. Петръ III пришелъ въ бѣшенство, прогналъ его изъ своего кабинета и объявилъ, что никогда его фельдмаршаломъ не назначитъ. Впослѣдствіи обстоятельства показали, насколько Браунъ былъ правъ.

Во время царствованія Екатерины II Браунъ былъ въ теченіе тридцати лѣтъ (до самой своей смерти) генералъ-губернаторомъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Пользуясь расположеніемъ, уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ императрицы, онъ оказалъ Россіи огромныя услуги. По его настоянію и при его содѣйствіи были сдѣланы первыя попытки улучшенія состоянія крѣпостныхъ Лифляндіи и Эстляндіи. Брауну пришлось выдержать долгую и упорную борьбу съ отсталыми защитниками застоя. Онъ былъ всѣми уважаемымъ за прямоту и рѣдкую справедливость; доступный каждому, равный въ обращеніи съ бѣднымъ и богатымъ, несчастнымъ бродягой и вліятельнымъ придворнымъ, Браунъ не зналъ компромиссовъ и никогда не сошелъ съ пути чести. При введеніи въ Балтійскихъ провинціяхъ общихъ Россійскихъ законовъ, Браунъ, сочувствовавшій этой мѣрѣ и понимавшій всю необходимость ея для Россіи, проявилъ необычайную энергію [1]).

Какъ всѣ прямые и добрые люди, Браунъ былъ очень горячъ и крайне вспыльчивъ. Екатерина знала это и поэтому никогда не принимала своего стараго друга наединѣ. Получивъ, однажды, указъ сената, содержавшій что-то вродѣ выговора, Браунъ, прискакалъ въ Петербургъ, явился къ императрицѣ съ указомъ и заявилъ ей: «Если мои услуги неугодны Вашему Величеству, скажите это мнѣ: я уйду. Если угодны, то запретите Вашимъ подданнымъ оскорблять меня».— «Кто эти подъячіе?» спросила Екатерина. «Сенаторы!»—отвѣтилъ Браунъ и показалъ ей бумагу. Екатерина дала распоряженіе Сенату не

---

[1]) Это мудрая мѣра имп. Екатерины II была отмѣнена Павломъ. Онъ руководился въ этомъ случаѣ, больше всего совѣтами воспитательницы своихъ дѣтей, княгини Ливенъ, женщины умной, и очень энергичной, но большой взяточницы. Княгинѣ Ливенъ щедро заплатили за это нѣмцы, такъ же какъ поляки за возстановленіе Литовскаго статута, который былъ замѣненъ Россійскими законами при Екатеринѣ II.

посылать, впредь, Брауну указы, не представивъ ихъ предварительно на ея одобреніе.

Послѣдніе годы Браунъ былъ пригвожденъ тяжелою болѣзнью къ креслу, которое служило ему также и постелью ночью. Несмотря на это, продолжалъ принимать и съ большой энергіей велъ лично всѣ дѣла. Онъ умеръ въ Ригѣ въ 1792 г. восьмидесяти восьми лѣтъ. Отъ императора Іосифа II онъ получилъ графское достоинство въ 1799 г. Изъ двухъ сыновей графа Брауна старшій генералъ отъ артиллеріи на австрійской службѣ умеръ двумя годами позже отца; младшій—служилъ въ русской арміи. Оба умерли бездѣтными.

Зять Бирона, о которомъ я уже упоминалъ, Людольфъ-Августъ Бисмаркъ, не игралъ большой политической роли, но благодаря своимъ родственнымъ связямъ пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ при дворѣ. Онъ родился въ Бранденбургѣ въ 1683 году, принадлежалъ къ очень старинной родовитой семьѣ, но былъ крайне невоспитанъ, грубъ, жестокъ и склоненъ къ пьянству. Уменъ онъ не былъ. Разъ какъ-то, въ Магдебургѣ, будучи пьянъ, онъ обозлился на своего лакея и шашкой зарубилъ его... Несчастный умеръ на мѣстѣ. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I, извѣстный самъ своей грубостью [1]), ограничился тѣмъ, что посадилъ Бисмарка въ крѣпость на довольно долгій срокъ и впослѣдствіи лишилъ его права командовать полкомъ, несмотря на то, что тотъ былъ старшимъ полковникомъ. Бисмаркъ уѣхалъ искать счастья въ Россіи. Онъ былъ вдовъ, недуренъ собой и сумѣлъ завоевать сердце невѣстки Бирона, дѣвицы Трейденъ, уродливой и болѣзненной и женился на ней. Вступивъ на русскую службу въ чинѣ генералъ-майора, онъ былъ генералъ-аншефомъ въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны. Когда Биронъ былъ арестованъ, его также арестовали и предали суду. Очень характерно для того времени, что Бисмаркъ, генералъ-аншефъ русской арміи, оправдывался на судѣ своимъ полнымъ незнаніемъ русскаго языка! Въ оправдательнамъ письмѣ, написанномъ въ заключеніи, онъ писалъ: «mir die russische sprache ganz unbekannt, und meine Frau zum Dalmetcher dienen müssen» [2]). Это оправданіе не было принято во вниманіе правительницей и онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Императрица Елизавета его вернула. По возвращеніи онъ вскорѣ умеръ, не оставивъ дѣтей.

---

[1]) Отецъ Фридриха II, прозванный Soldaten-König'омъ.

[2]) Русскій языкъ мнѣ былъ совершенно незнакомъ и моя жена должна была служить мнѣ переводчицей.

Ближайшій сотрудникъ и фактотумъ Бирона былъ еврей Липпманнъ, назначенный придворнымъ банкиромъ и затѣмъ *оберъ-гофъ-коммиссаромъ*. Послѣдняя должность — комиссіонера двора — была создана спеціально для Липпманна. Биронъ совѣтовался съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ. Липпманнъ часто присутствовалъ при занятіяхъ Бирона съ кабинетъ-министрами, секретарями и президентами коллегій, высказывая свое мнѣніе и давая совѣты, всѣми почтительно выслушиваемые. Самые высокопоставленныя и вліятельныя лица старались угодить этому фавориту фаворита, который не одинъ разъ ссылалъ людей въ Сибирь по капризу. Онъ торговалъ своимъ вліяніемъ, продавая служебныя мѣста и не было низости, на которую онъ не былъ бы способенъ. Когда Бирона арестовали, онъ поспѣшилъ сообщить регентшѣ о томъ, гдѣ были помѣщены капиталы курляндскаго герцога и выдалъ всѣ тайные проекты и политическіе планы послѣдняго. Благодаря этой подлости ему удалось въ теченіе года правленія регентши, сохранить свое положеніе оберъ-гофъ-коммиссара.

Во время царствованія Анны Іоанновны, начали свою карьеру Василій Репнинъ и фельдмаршалъ Апраксинъ, которымъ впослѣдствіи, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, пришлось играть такую выдающуюся роль.

Князь Василій Никитичъ Репнинъ, отецъ и сынъ двухъ фельдмаршаловъ Репниныхъ, унаслѣдовалъ отъ своего отца прямоту характера и рѣдкое безкорыстіе,—черту, необычайную среди русскихъ придворныхъ того времени, но свойственную всей семьѣ Репниныхъ. Онъ не былъ такъ талантливъ, какъ его сынъ, но не былъ лишенъ ума и получилъ выдающееся для того времени образованіе. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и имѣлъ очень серьезныя знанія въ артиллеріи и инженерномъ искусствѣ. Горячій и вспыльчивый, но очень добрый и ко всѣмъ всегда привѣтливый, онъ былъ всеобщимъ любимцемъ. Онъ служилъ въ арміи Миниха и совершилъ три первые похода противъ турокъ; но затѣмъ, вслѣдствіе болѣзни ноги, которая не позволяла ему сѣсть на лошадь, онъ принужденъ былъ вернуться въ Петербургъ. Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны онъ былъ, къ своему большому огорченію, назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Волынскаго; для него было невыносимо стать соучастникомъ этого ужаснаго суда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было никакой возможности отказаться, не рискуя ссылкой, а можетъ быть и пыткой. Онъ собирался уже (какъ разсказывалъ полвѣка спустя его сынъ, извѣстный фельдмаршалъ Николай Репнинъ, моему дядѣ Корсакову) прибѣгнуть къ способу Остермана, т.-е. натереть себѣ

лицо сухими фигами, объявить, что у него разлилась желчь и сказаться больнымъ, когда, неожиданно, назначенная комиссія была отстранена и слѣдствіе было довѣрено только двумъ ея членамъ: Ушакову и Неплюеву. Два мѣсяца спустя былъ назначенъ судъ Сенаторовъ и должностныхъ лицъ, который долженъ былъ вынести приговоръ надъ Волынскимъ и его друзьями. Репнинъ прибѣгнулъ къ способу Остермана, симулировалъ болѣзнь и избѣжалъ такимъ образомъ необходимости либо самому подвергнуться пыткѣ, либо взять на свою совѣсть этотъ варварскій и несправедливый приговоръ.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны Репнинъ былъ въ большой милости. Послѣ смерти принца Людвига Гессенъ-Гомбургскаго онъ замѣстилъ его въ званіи генерала-фельдцехмейстера, былъ назначенъ гофмаршаломъ двора наслѣдника цесаревича и директоромъ кадетскаго корпуса. Въ 1748 году русское правительство послало въ Франконію вспомогательный корпусъ въ тридцать семь тысячъ человѣкъ въ помощь Австріи противъ Франціи. Репнинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Версальскій кабинетъ, постоянно платившій вице-канцлеру графу Михаилу Воронцову, предложилъ при посредствѣ послѣдняго, сто тысячъ червонцевъ Репнину, если онъ замедлитъ походъ русскихъ войскъ. Репнинъ съ негодованіемъ отказался отъ предложенія и ускорилъ движеніе своихъ войскъ. Въ тотъ же годъ онъ умеръ отъ удара, въ лагерѣ возлѣ Кульмбаха, 21 іюля 1748 г. Ранняя смерть его (ему было пятьдесятъ три года) вызвала всеобщія сожалѣнія.

Степанъ Федоровичъ Апраксинъ родился въ 1702 году; потерявъ отца въ раннемъ дѣтствѣ, онъ былъ воспитанъ въ домѣ графа Петра Апраксина (отца шута Апраксина) своего родственника. Мать его, Елена Леонтьевна (рожд. Кокоткина) вышла вторымъ бракомъ за графа Ушакова, который пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ Анны Іоанновны и все время ея царствованія былъ начальникомъ страшной Тайной канцеляріи. Покровительство вотчима помогло Степану Апраксину сдѣлать легко и быстро большую карьеру. Тридцати двухъ лѣтъ онъ былъ уже въ чинѣ гвардіи майора—въ ту пору очень высоко цѣнимомъ. Во время Турецкой войны, Минихъ, желавшій угодить всесильному начальнику Тайной канцеляріи, назначилъ Апраксина дежурнымъ генераломъ своей арміи и въ теченіе четырехъ лѣтъ, несмотря на крайнюю неспособность Апраксина и его необычайную лѣнь, держалъ его при себѣ и въ письмахъ къ Императрицѣ аттестовалъ какъ очень способнаго генерала. Послѣ заключенія мира съ турками, Апраксину было поручено командованіе войсками на побе-

режьѣ Каспійскаго моря, послѣ чего онъ былъ посланъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію. Послѣ паденія Бирона, регентша, желавшая выказать свою милость старому Ушакову, подарила Степану Апраксину великолѣпныя помѣстья, принадлежащія теперь его правнуку, Виктору Апраксину (послѣднему отпрыску этой семьи). Елизавета Петровна, по восшествіи своемъ на престолъ уничтожила и отняла всѣ милости, дарованныя регентшей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которыя были утверждены особыми указами. Въ томъ числѣ были утверждены за Апраксинымъ помѣстья, дарованныя ему регентшей. Милость эта была оказана также изъ желанія обласкать старика Ушакова. Апраксинъ былъ человѣкъ хитрый, нечестный, низкій интриганъ, не знавшій стыда и всегда низкопоклонничавшій передъ всѣми сильными. Несмотря на его большую карьеру, это былъ человѣкъ совершенно неспособный. Не имѣя никакихъ административныхъ способностей, онъ былъ президентомъ военной коллегіи; былъ фельдмаршаломъ и главнокомандующимъ, ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ. Низкій, злобный и двуличный, Апраксинъ былъ достойный пасынокъ своего вотчима и достойный другъ хитраго интригана канцлера Бестужева. Брать взятки, воровать, выдавать своихъ друзей, оговаривать ихъ, клеветать и губить,—мошенничать въ карты—было дѣломъ для него привычнымъ. Несмотря на свой огромный ростъ, толщину и большую физическую силу — онъ былъ жалкій трусъ. Однажды, уже будучи фельдмаршаломъ, играя въ карты съ гетманомъ Кирилломъ Разумовскимъ, онъ смошенничалъ. Разумовскій всталъ, далъ ему пощечину, затѣмъ схватилъ за воротъ камзола и сталъ наносить пинки и удары кулакомъ и ногами. Апраксинъ проглотилъ обиду и не посмѣлъ потребовать удовлетворенія у Разумовскаго— брата супруга императрицы. Лѣнивый и небрежный въ дѣлахъ, онъ любилъ роскошь и жилъ очень широко; былъ очень занятъ своимъ туалетомъ (у него было нѣсколько сотъ костюмовъ) и всегда былъ покрытъ бриллiантами. Въ дѣйствующей арміи у него было около пятисотъ лошадей, везшихъ его багажъ. Надменный и недоступный по отношенію къ подчиненнымъ, онъ не останавливался ни передъ какой подлостью, ни передъ какимъ униженіемъ, чтобы увеличить свое положеніе при дворѣ. Чтобы снискать расположеніе и заручиться покровительствомъ графа Петра Шувалова, онъ взялъ на себя низкую роль посредника въ любовной интригѣ и въ ухаживаніи Шувалова за его дочерью княгиней Еленой Степановной Куракиной [1]). Онъ способ-

[1]) Елена Апраксина была женой князя Бориса Александровича Куракина единственнаго сына оберъ-шталмейстера Анны Іоанновны.

ствовалъ возникновенію этой связи и всѣми силами ее поддерживалъ, считая ее для себя выгодной.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ, несчастной эпохи, о которой я говорю, былъ процессъ Волынскаго; въ немъ какъ въ зеркалѣ отразилась картина Петербургскаго двора и общества въ царствованіе Анны Іоанновны. Въ этомъ процессѣ были, я не говорю судимы, потому что это не былъ судъ, были приговорены, кромѣ Волынскаго—графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, Соймоновъ, Еропкинъ Хрущовъ, Эйхлеръ и де-ла-Суда.

Родъ Мусинъ-Пушкиныхъ, по сказаніямъ древнихъ родословцевъ, произошелъ отъ Семиградскаго выходца Радши. Его потомокъ въ десятомъ колѣнѣ, Михайло Тимофеевичъ Пушкинъ по прозванію Муса, былъ (въ XV вѣкѣ) родоначальникомъ Мусинъ-Пушкиныхъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка нѣкоторые изъ Мусинъ-Пушкиныхъ были воеводами въ небольшихъ городахъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Алексѣй Богдановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ комнатнымъ стольникомъ. Жена его была красавица. Между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и ею возникла любовная связь, которой мужъ ея, Алексѣй Богдановичъ, находилъ нужнымъ покровительствовать. У Мусинъ-Пушкиной родился сынъ Иванъ, котораго царь Алексѣй, зачастую подъ веселую руку называлъ «*мой сынъ Пушкинъ*».

Иванъ Мусинъ-Пушкинъ былъ очень уменъ и въ высшей степени преданъ Петру I. Однажды въ присутствіи Петра, восхваляя дѣянія послѣдняго, онъ презрительно отозвался о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Петръ схватилъ его за руку и сказалъ: «Унижая моего отца, ты доставляешь мнѣ бóльшую непріятность, нежели если бы унижалъ меня и ты самъ знаешь, что менѣе чѣмъ кто-либо другой имѣешь право говорить о немъ неуважительно», замѣчаніе это показалось царю недостаточно внушительнымъ и онъ прибавилъ къ нему нѣсколько крѣпкихъ ударовъ своей дубинки. Послѣ чего Мусинъ-Пушкинъ поцѣловалъ его руку и сказалъ: «виноватъ, государь».

Отнявъ у духовенства право на управленіе духовными имуществами, Петръ учредилъ Монастырскій приказъ (реформированный въ 1725 г. въ камеръ-контору синодальнаго правленія) и начальникомъ его назначилъ Ивана Мусинъ-Пушкина, котораго открыто признавалъ своимъ братомъ. Послѣдній сопровождалъ царя всегда и въ путешествіяхъ и на войнѣ. Не будучи военнымъ, онъ находился въ лагерѣ съ Петромъ во время Полтавской битвы и на слѣдующій день былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ графскій титулъ (до тѣхъ поръ пожалованный Петромъ лишь

фельдмаршалу Шереметеву и канцлеру Головкину). Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, узнавъ объ этомъ, упрекнулъ царя въ недостаточной къ себѣ милости, прослезился отъ горя и былъ также пожалованъ графомъ.

Старшій сынъ перваго *графа* Мусинъ-Пушкина, графъ Платонъ Ивановичъ, былъ посланъ учиться въ Голландію и Парижъ. Посылая его, Петръ I снабдилъ его слѣдующимъ письмомъ къ посланнику князю Борису Куракину, своему свояку (Петръ и Куракинъ были женаты на двухъ сестрахъ Лопухиныхъ):

«Посылаемъ мы къ вамъ, для обученія политическихъ дѣлъ, племянника нашего Платона, котораго Вамъ, яко свойственнику, какъ свойственника рекомендую. Петръ».

Платонъ былъ женатъ на богатой наслѣдницѣ княжнѣ Марѳѣ Черкасской. Онъ былъ человѣкъ очень талантливый, получилъ блестящее образованіе и былъ очень хорошъ собой. Предпріимчивый и смѣлый, надменный и часто заносчивый, онъ бывалъ рѣзокъ и презрителенъ въ обращеніи даже по отношенію къ очень вліятельнымъ лицамъ при дворѣ. Это было одной изъ причиной того, что онъ былъ запутанъ въ ужасную катастрофу Волынскаго въ 1740 г.

Попавъ въ немилость къ Аннѣ Іоанновнѣ, вслѣдствіе мимолетной своей связи съ цесаревной Елизаветой Петровной, Платонъ Мусинъ-Пушкинъ упрочилъ вновь свое положеніе при помощи Волынскаго и князя Алексѣя Черкасскаго, на племянницѣ котораго онъ былъ женатъ, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи и сенаторомъ. Такъ же, какъ и Волынскій, онъ питалъ непреодолимую ненависть къ нѣмцамъ. Изъ коммерцъ-коллегіи, въ бытность свою президентомъ, онъ удалилъ нѣсколькихъ нѣмцевъ и замѣнилъ ихъ русскими. Это поставило его во враждебное отношеніе къ вліятельной тогда нѣмецкой партіи и Бирону и также его гибели.

Еропкины,—такъ же, какъ Ржевскіе, Татищевы и Мамонтовы,—произошли отъ князей Смоленскихъ (Рюриковичей); ихъ предки, лишенные своихъ удѣловъ, сняли съ себя княжескій титулъ, по ихъ мнѣнію, несовмѣстимый съ ихъ новымъ скромнымъ положеніемъ; Петръ Михайловичъ Еропкинъ, управляющій дворомъ, ученый архитекторъ, и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, учился, такъ же, какъ и Мусинъ-Пушкинъ, за границей; жилъ во Франціи и особенно долго въ Италіи; у него была превосходная библіотека—вещь рѣдкая въ тѣ времена.

Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и порядочнѣйшихъ людей своего времени принадлежалъ къ дворянской

семьѣ, извѣстной съ XVI вѣка. Его дѣдъ, Аѳанасій Соймоновъ, былъ женатъ на Аннѣ Семеновнѣ Головкиной, такъ что Иванъ Соймоновъ, отецъ Ѳедора, былъ двоюроднымъ братомъ канцлера Головкина и троюроднымъ царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I. Такое родство могло бы доставить Соймонову возможность сдѣлать большую карьеру, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ очень основательное и серьезное образованіе, посвятилъ себя морскому искусству—дѣлу мало изученному и не очень любимому въ ту эпоху. Уже въ маленькихъ чинахъ Соймоновъ былъ извѣстенъ, какъ отличный и опытный морякъ.

Составленная имъ карта Каспійскаго моря была послана Петромъ I въ даръ Парижской Академіи Наукъ (въ 1721 г.), которой Петръ былъ почетнымъ членомъ. Прямой и открытый характеръ, чуждый всякаго интриганства, очень вредилъ Соймонову при дворѣ и создавалъ ему множество враговъ. Несмотря на свое родство, на то, что онъ особенно отличился въ Персидскую Кампанію 1722 г.—въ возрастѣ сорока лѣтъ онъ былъ еще въ скромномъ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Онъ командовалъ русскимъ флотомъ во время осады и взятія Данцига фельдмаршаломъ Минихомъ; во время турецкой войны онъ сумѣлъ привлечь калмыцкаго хана Дундукъ-Омбо, присоединившаго къ русской арміи двадцать тысячъ человѣкъ. Послѣ этого онъ былъ назначенъ генералъ-майоромъ и оберъ-прокуроромъ Сената. Его нелюбовь къ нѣмцамъ сблизила его съ Волынскимъ. Послѣдній, ненавидѣвшій адмирала графа Николая Головина, президента адмиралтействъ-коллегіи, назначилъ въ 1739 г. Соймонова генералъ-коммиссаромъ флота, что давало ему право засѣдать въ адмиралтействъ-коллегіи. Волынскій разсчитывалъ на прямолинейную честность Соймонова и полное отсутствіе въ послѣднемъ придворной обходительности и надѣялся, что тотъ не преминетъ раскрыть всѣ мошенничества и взяточничество Головина. Это назначеніе навлекло на бѣднаго Соймонова цѣлый рядъ несчастій.

Андрей Ѳедоровичъ Хрущовъ принадлежалъ къ очень хорошей дворянской семьѣ и получилъ превосходное образованіе. Онъ учился за границей, какъ и Мусинъ-Пушкинъ и Еропкинъ и, какъ послѣдній, имѣлъ прекрасную библіотеку. Онъ былъ довольно богатъ и жена его, Анна Александровна Колтовская, принесла ему недурное приданое. И онъ и Еропкинъ присоединились къ Волынскому и его планамъ изъ честолюбія.

Также было съ Эйхлеромъ и де-ла-Суда. Первый нѣмецъ, второй французъ, оба не были довольны положеніемъ, которое занимали въ нѣмецкой партіи. Соединившись съ русскими, они надѣялись имѣть

большій успѣхъ. Жанъ де-ла-Суда былъ очень образованъ; бывшій вначалѣ своей карьеры переводчикомъ въ иностранной коллегіи, онъ вскорѣ сталъ въ ней секретаремъ. Недовольный своимъ начальникомъ—вице-канцлеромъ Остерманомъ, который, по его мнѣнію, не обратилъ достаточнаго вниманія на его способности—де-ла-Суда поддался совѣтамъ и нашептываніямъ Волынскаго, завидя злого врага Остермана. Волынскій надѣялся черезъ де-ла-Суда имѣть свѣдѣнія о ходѣ иностранныхъ сношеній русскаго двора. Но Остерманъ, человѣкъ несравненно болѣе хитрый и тонкій, чѣмъ его врагъ, окружалъ свои поступки и намѣренія непроницаемой тайной и большею частью совершенно одинъ, изрѣдка при помощи Карла Бреверна,—но всегда самъ, шифрировалъ отсылаемыя имъ депеши и расшифрировалъ полученныя.

Іоганнъ Эйхлеръ, уроженецъ балтійскихъ провинцій, сынъ лакея, началъ свою карьеру также лакеемъ и музыкантомъ-флейтистомъ у оберъ-камергера князя Ивана Долгорукова. Хитрый и ловкій, Эйхлеръ сумѣлъ пріобрѣсть очень большое вліяніе на своего господина и такъ какъ послѣдній былъ всемогущъ при дворѣ Петра II,—лакей его получилъ служебный чинъ и дворянство. Эйхлеръ былъ своего рода «лицомъ» при дворѣ Петра II—самые вліятельные люди оказывали ему вниманіе и прибѣгали къ его помощи, въ случаѣ надобности. Князья и графы обмѣнивались съ нимъ рукопожатіями и приглашали на свои обѣды и ужины. Люди средней руки, чиновники—почтительно кланялись. Когда Долгоруковы были сосланы, Эйхлеръ сумѣлъ остаться незамѣшаннымъ въ дѣло, поспѣшилъ отречься отъ нихъ и устремился въ переднія Бирона и Левенвольде и др.; подъ ихъ покровительствомъ онъ сталъ быстро подвигаться по службѣ и въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны, недавній флейтистъ-лакей былъ личнымъ секретаремъ Императрицы и секретаремъ ея министерскаго кабинета и имѣлъ свободный доступъ къ государынѣ и Бирону, во всякое время дня. Вліяніе Эйхлера на дѣла управленія было очень значительно. Въ борьбѣ Остермана и Волынскаго, Эйхлеръ сталъ играть двойную роль, сообщая каждому порознь все подслушанное въ интимномъ кружкѣ императрицы и наговаривая Волынскому на Остермана, Остерману на Волынскаго. Крушеніе Волынскаго было, однако, такъ грандіозно, что захватило и Эйхлера: двойная игра его была раскрыта и спастись ему не удалось.

Артемій Петровичъ Волынскій былъ женатъ на Александрѣ Львовнѣ Нарышкиной, двоюродной сестрѣ Петра I. Это былъ человѣкъ очень умный, способный, легко осваивающійся съ каждымъ дѣломъ, за ко-

торое брался, но обладавшій несчастнымъ характеромъ, благодаря которому онъ былъ всегда со всѣми въ ссорѣ и наживалъ себѣ множество опасныхъ враговъ; онъ былъ крайне надмѣненъ, гордился своимъ рожденіемъ и общественнымъ положеніемъ и былъ со всѣми рѣзокъ. Въ натурѣ его было много жестокости и мстительности. Честностью онъ не отличался, любилъ широкую жизнь и бралъ, гдѣ могъ, громадныя взятки. Родился онъ въ 1689 г. и получилъ, несмотря на блестящее положеніе своихъ родителей, очень недостаточное образованіе. Онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, что въ эпоху реформъ Петра I, поднявшихъ образованіе знатной молодежи того времени на большую высоту—было явленіемъ очень рѣдкимъ. Позже, въ зрѣломъ возрастѣ, Волынскій, охваченный стремленіемъ къ образованію и любовью къ чтенію, приказывалъ составлять для своего личнаго употребленія переводы, интересовавшихъ его книгъ. Экземпляры этихъ переводовъ были найдены въ его библіотекѣ, при конфискаціи его имущества. Петръ I назначилъ двадцати шестилѣтняго Волынскаго посланникомъ въ Персію. Миссія его имѣла двѣ цѣли: всестороннее изученіе Персіи и пріобрѣтеніе торговыхъ привилегій для русскихъ купцовъ. Оба порученія Волынскій выполнилъ успѣшно (въ 1718 г.) и былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты (послѣднихъ было тогда только шесть). Въ слѣдующемъ году Волынскій былъ назначенъ губернаторомъ во вновь учрежденную Астраханскую губернію. Здѣсь онъ сумѣлъ внести нѣкоторый порядокъ въ администраціи, но въ дѣятельности своей проявилъ большую жестокость и жадность къ взяткамъ. Впослѣдствіи, при постигшей его катастрофѣ онъ сознался и каялся въ своемъ взяточничествѣ.

Послѣ отъѣзда изъ Петербурга герцога и герцогини Голштинскихъ, Волынскій былъ посланъ въ Киль представителемъ отъ Россіи. Выборъ былъ очень страненъ, въ виду его незнанія иностранныхъ языковъ и можетъ быть объясненъ лишь узами родства и дружбой жены Волынскаго и герцогини Голштинской Анны Петровны. Послѣ смерти послѣдней Волынскій покинулъ свой дипломатическій постъ и былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань.

Ненависть Волынскаго къ нѣмцамъ и особенно къ всемогущему Бирону, пытки, черезъ которыя этотъ послѣдній заставилъ его пройти, ужасная смерть—надолго окружили Волынскаго ореоломъ мученичества. Для писателей конца XVIII и начала XIX вѣка онъ былъ политическимъ геніемъ и мученикомъ-патріотомъ. Особенно способствовало популяризаціи имени Волынскаго извѣстное стихотвореніе Рылѣева, посвященное его памяти:

Сыны отечества! Въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ,
Почіетъ прахъ врага Бирона!
Отецъ семейства! Приведи
Къ могилѣ мученика, сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!
Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ,
И благородная душа
Пусть личность всякую отброситъ!
Пусть будетъ чести образцомъ;
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ —
Постыдному неправосудью.

Впослѣдствіи много документовъ, лежавшихъ въ государственныхъ архивахъ было опубликовано. Процессъ Волынскаго былъ подвергнутъ болѣе тщательному и безпристрастному изслѣдованію, маска упала и борьба его съ Бирономъ теперь оцѣнена по ея достоинству: это была борьба двухъ честолюбцевъ, жадныхъ и жестокихъ, стремившихся свалить одинъ другого.

Но, повторяю, процессъ Волынскаго рисуетъ слишкомъ хорошо нравы своего времени. Еще въ пору своего управленія Астраханской губерніей, узнавъ однажды о существованіи въ одномъ изъ мѣстныхъ монастырей великолѣпныхъ ризъ, зашитыхъ жемчугами и драгоцѣнными камнями, подаренныхъ монастырю самимъ Грознымъ и оцѣненныхъ въ сто тысячъ рублей, — Волынскій послалъ за настоятелемъ этого монастыря и просилъ его разрѣшить ему взять ризы временно на домъ, дабы снять съ нихъ рисунки. Настоятель не посмѣлъ отказать губернатору, женатому на двоюродной сестрѣ государя, и передалъ слугамъ Волынскаго ризы, которыя, черезъ нѣкоторое время были возвращены въ монастырь. Два дня спустя, слуга, принесшій ихъ, пришелъ опять и просилъ у настоятеля разрѣшенія взять ризы вторично, на короткое время, такъ какъ, въ рисункѣ де были сдѣланы ошибки. Прошло нѣсколько недѣль, ризы не были возвращены, и настоятель отправился самъ за ними къ губернатору. Волынскій прикинулся крайне удивленнымъ, послалъ за слугой, сталъ его допрашивать. Послѣдній клялся, что нога его не была въ монастырѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ отнесъ туда ризы. Тутъ началась возмутительная и характерная для времени комедія: были принесены розги

и слуга высѣченъ въ присутствіи Волынскаго и настоятеля; подъ розгами подкупленный лакей кричалъ и клялся, что никогда не бралъ ризъ и никогда не просилъ на это разрѣшенія у настоятеля. Тогда Волынскій повернувшись къ послѣднему, заявилъ ему: «Значитъ, батюшка, вы сами украли ризы, а еще клевещете на другихъ!» Настоятель былъ пораженъ и не могъ вымолвить слова. Волынскій приказалъ заковать его въ кандалы и посадилъ въ острогъ за святотатство и воровство. Пятнадцать лѣтъ промучился несчастный въ острогѣ, пока, послѣ ареста Волынскаго, у послѣдняго не были найдены ризы, уже безъ жемчуговъ и камней.

Разъ молодой мичманъ, князь Мещерскій, оскорбленный Волынскимъ, который грубо выбранилъ его, замѣтилъ, что слѣдуетъ сдерживаться по отношенію къ равному себѣ дворянину. Волынскій закричалъ ему: «Я покажу тебѣ, какой ты мнѣ ровня». По его распоряженію Мещерскаго схватили, вымазали лицо сажей, посадили верхомъ на перекладину, на которую, обыкновенно, клали для порки, связали ему внизу ступни и привязали къ нимъ два тяжелыхъ булыжника и злую собаку, которую все время натравливали кнутомъ. Племянникъ этого князя Мещерскаго разсказывалъ Карабанову, отъ котораго я слышалъ разсказъ, что всѣ ноги несчастнаго до костей были изгрызаны собакой.

Въ Казани Волынскій поссорился съ митрополитомъ Сильвестромъ и сталъ преслѣдовать и дразнить духовенство. Разъ онъ такъ разсердился на секретаря Казанской консисторіи Судовикова, что схватилъ шпагу, чуть не убилъ его и гнался за нимъ черезъ всѣ залы губернаторскаго дворца, до передней. Онъ сѣкъ безъ стѣсненія слугъ митрополита и даже консисторскихъ чиновниковъ, захватывалъ богатыя ризы, крѣпостныхъ, принадлежавшихъ духовнымъ помѣстьямъ, заставлялъ работать на себя по цѣлымъ мѣсяцамъ. Захватывалъ постройки, предоставленныя во владѣніе митрополиту, поселялъ тамъ своры своихъ собакъ, охотился по созрѣвшимъ хлѣбамъ на монастырскихъ поляхъ, въ концѣ концовъ—отнялъ у духовенства два помѣстья и подарилъ ихъ мѣстному дворянину Андрею Писемскому.

Пока Петръ II, внучатный племянникъ жены Волынскаго, былъ живъ, митрополитъ Казанскій не осмѣливался принести жалобу, онъ рѣшился на это только по вступленіи Анны Іоанновны на престолъ, Волынскій поскакалъ въ Москву, поднесъ Бирону крупную сумму, и жалобы духовенства остались неразсмотрѣнными. Тогда поднялось другое дѣло. По указу сената было запрещено пользоваться при кораблестроеніи подданными русскими мусульманами, населявшими

казанскую губернію, какъ рабочими. Волынскій держалъ указъ у себя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—и за это время успѣлъ собрать съ мусульманъ огромную сумму денегъ за обѣщаніе выхлопотать имъ освобожденіе отъ этихъ работъ.

Дѣло было раскрыто. Оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій, возстановленный въ должности оберъ-прокурора сената, ненавидѣлъ Волынскаго. У него были съ нимъ и личные счеты—Волынскій, кичившійся своимъ происхожденіемъ, не разъ издѣвался надъ Ягужинскимъ, отецъ котораго былъ школьнымъ учителемъ,—кромѣ того Ягужинскій былъ безукоризненно честенъ и не терпѣлъ взяточничества. Волынскаго вернули въ Москву, арестовали и начали надъ нимъ слѣдствіе. Онъ опять прибѣгнулъ къ могуществу Бирона, купилъ послѣдняго крупной суммой денегъ и по совѣту его написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ каялся въ части своихъ беззаконій и «припадалъ къ стопамъ государыни, умоляя о прощеніи». Биронъ уговорилъ Анну Іоанновну объявить ему помилованіе. Волынскій былъ выпущенъ и слѣдствіе навсегда прекращено. Ягужинскій, не стѣсняясь, сказалъ императрицѣ и повторялъ вездѣ, что Волынскій негодяй, и что правительство выиграло бы, истративъ тридцать тысячъ червонцевъ, чтобы отъ него избавиться. Это былъ намекъ на сумму, данную Волынскимъ Бирону.

Не задолго до своей смерти Ягужинскій говорилъ: «Я не сомнѣваюсь, что при помощи интригъ и низостей Волынскій добьется поста кабинетъ-министра; но вы увидите, что черезъ два-три года его участія въ кабинетѣ его придется повѣсить [1]).

Въ 1737 году Волынскій былъ посланъ вмѣстѣ со старымъ барономъ Шафировымъ и Неплюевымъ на конгрессъ въ Немировъ, гдѣ русскіе, австрійскіе и турецкіе уполномоченные должны были обсудить условія мира. Избрано было нейтральное мѣсто (Подолія принадлежала тогда Польшѣ)—замѣчательнѣйшаго польскаго магната Потоцкаго. Раньше, чѣмъ приступить къ разсказу о процессѣ Волынскаго,

[1]) Императорскій кабинетъ, члены котораго назывались кабинетъ-министрами, былъ основанъ императрицей Анной Іоанновной въ 1731 г. и былъ составленъ вначалѣ изъ канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана, князя Черкасскаго, къ которымъ былъ нѣсколько недѣль спустя присоединенъ генералъ-фельдцехмейстеръ графъ Минихъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ. Головкинъ умеръ въ 1734 г. и былъ замѣненъ оберъ-шталмейстеромъ Карломъ Левенвольде. Левенвольде умеръ черезъ годъ и былъ замѣненъ Ягужинскимъ, который черезъ годъ также умеръ. Два года спустя Волынскій былъ назначенъ кабинетъ-министромъ и какъ предсказывалъ Ягужинскій продержался только въ теченіе двухъ лѣтъ.

я хочу сказать нѣсколько словъ о Неплюевѣ, въ виду роли, которую онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ родился въ 1693 г. и принадлежалъ къ старой родовитой семьѣ одного происхожденія съ Романовыми и Шереметевыми. Ему едва было двадцать два года (онъ былъ уже женатъ) когда умерла его мать, рожденная княжна Мышецкая. Она сумѣла растратить все состояніе мужа и оставила сыну только маленькую землю. По совѣту графа Апраксина и Григорія Чернышева, Неплюевъ рѣшилъ взяться за ученье и затѣмъ искать счастья въ службѣ. Учился онъ сначала въ Новгородской математической школѣ, затѣмъ въ Нарвѣ и поступилъ уже хорошо подготовленный въ морскую академію въ Петербургѣ. Въ качествѣ волонтера былъ посланъ въ венеціанскій флотъ, затѣмъ въ испанскій. Въ 1720 г. онъ вернулся въ Петербургъ. Петръ I, умѣвшій хорошо распознавать людей, замѣтилъ въ Неплюевѣ недюжинныя дипломатическія способности и назначилъ его на одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ постовъ—уполномоченнымъ въ Константинополь. До 1735 года Неплюевъ съ большимъ талантомъ исполнялъ свои обязанности. Когда началась война, онъ былъ назначенъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ иностранной коллегіи. Иностранными дѣлами вѣдалъ тогда Остерманъ. Неплюевъ сталъ его правой рукой. Около этого времени онъ женился вторично на Паниной—невѣсткѣ князя Куракина, любимца и добровольнаго шута Бирона. Когда былъ назначенъ конгрессъ въ Немировѣ, Минихъ, врагъ Остермана, просилъ послать туда уполномоченнымъ барона Шафирова. Биронъ, не довѣрявшій Миниху, присоединилъ къ миссіи Волынскаго, бывшаго тогда еще вѣрнымъ слугой фаворита. Остерманъ, знавшій, что Шафировъ его заклятый врагъ и подозрѣвавшій Волынскаго во враждебномъ къ себѣ отношеніи, присоединилъ къ нимъ своего друга и подчиненнаго, Неплюева. Немировскій конгрессъ былъ неудаченъ, благодаря интригамъ и давленію на Порту французскаго посла въ Константинополѣ маркиза де-Вилльневъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Неплюевъ былъ губернаторомъ въ Кіевѣ и затѣмъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Волынскаго. Въ награду за это Остерманъ, уже въ правленіе Анны Леопольдовны, выхлопоталъ Неплюеву ленту Александра Невскаго и великолѣпныя помѣстья въ Малороссіи, приносившія болѣе тридцати тысячъ дохода.

Въ то же время въ декабрѣ 1740 г. Неплюевъ былъ назначенъ *главнымъ командиромъ* Малороссіи. Годъ спустя, обстоятельства круто измѣнились. «Брауншвейгское семейство» и Остерманъ были посажены

въ казематы. Главный командиръ Малороссіи былъ отрѣшенъ отъ должности, арестованъ, лишенъ орденовъ, жалованныхъ ему земель и отвезенъ въ кандалахъ въ Петербургъ, гдѣ былъ заключенъ въ крѣпости. Но Неплюевъ былъ такъ хитеръ и остороженъ, что въ предшествовавшія царствованія ни разу не позволилъ себѣ ничего, что бы могло навлечь на него немилость цесаревны Елизаветы Петровны. Послѣ нѣсколькихъ недѣль заключенія, онъ былъ освобожденъ и призванъ во дворецъ. Императрица пожаловала ему опять собственноручно Александра Невскаго. Неплюевъ, который умѣлъ такъ же, какъ и покровитель его Остерманъ, плакать по желанію, бросился на колѣни и рыдалъ отъ «счастья видѣть на престолѣ дочь своего благодѣтеля, *на престолѣ, принадлежавшемъ ей по праву*», прибавилъ онъ, забывая въ эту счастливую минуту свое низкопоклонничество во время двухъ предшествовавшихъ царствованій. Но слезы эти были пролиты напрасно. Малороссійскія земли не были ему возвращены и вмѣсто назначенія сенаторомъ, котораго онъ добивался, Неплюевъ былъ назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ: это была ссылка въ вѣжливой формѣ. Только въ 1760 г., послѣ долгихъ происковъ и стараній, Неплюевъ былъ назначенъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. Екатерина II оказывала ему большое довѣріе. Уѣзжая въ Москву на коронацію, она довѣрила ему управленіе столицей и поручила ему столичныя войска—что было дѣломъ большой отвѣтственности, въ виду шаткаго положенія Екатерины въ первые годы ея царствованія. Два года спустя, Неплюевъ ослѣпъ и долженъ былъ оставить службу. При отставкѣ онъ былъ пожалованъ огромными помѣстьями въ Малороссіи и двадцатью тысячами рублями для уплаты долговъ. Онъ умеръ восьмидесяти лѣтнимъ старикомъ въ 1773 году.

ГЛАВА VIII.

Процессъ и казнь Волынскаго.

По окончанiи конгресса въ Немировѣ, уполномоченные вернулись въ Петербургъ и Волынскiй былъ назначенъ кабинетъ-министромъ къ большому неудовольствiю Остермана. Вице-канцлеръ, съ обычнымъ своимъ почтительно-преданнымъ видомъ, съ лицомъ, подернутымъ легкой грустью—позволилъ себѣ высказать герцогу свое неодобренiе.

Герцогъ, считавшiй новаго министра человѣкомъ ему всецѣло преданнымъ, отвѣтилъ Остерману: «Любезный графъ, Волынскiй обязанъ мнѣ тѣмъ, что не былъ повѣшенъ, когда дворъ еще находился въ Москвѣ. Я отлично знаю все, что о немъ можно сказать. Я знаю его недостакти и его пороки. Но что же дѣлать? Всѣ русскiе таковы. Попробуйте найти изъ нихъ человѣка честнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого же способнаго, какъ Волынскiй. Выбора нѣтъ. Надо брать тѣхъ, кто есть».

Такъ говорилъ и искренно думалъ человѣкъ, не знавшiй самъ твердо, что такое честь, всю жизнь не считавшiйся съ совѣстью, и всѣмъ обязанный Россiи.

Чѣмъ выше Волынскiй подымался въ чинахъ, чѣмъ больше имѣлъ влiянiя на дѣла, тѣмъ опаснѣе становилось его положенiе. Изъ трехъ

товарищей его кабинетъ-министровъ, одинъ—фельдмаршалъ Минихъ, находился въ дѣйствующей арміи; другой, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій [1]), человѣкъ недалекій и робкій, почти трусливый, былъ совершенно ничтоженъ и въ сущности ничтожеству своему и былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ въ чинахъ. Третій, самый подвижный и дѣятельный изъ кабинетъ-министровъ, несмотря на свою манеру никогда ничего не знать и на частые приступы подагры, былъ Остерманъ. Отъ него Волынскому трудно было ожидать поддержки. За три года, протекшіе со смерти Карла Левенвольде, при постоянномъ отсутствіи Миниха, ничтожествѣ Черкасскаго и болѣзненномъ состояніи Ягужинскаго, пробывшаго кабинетъ-министромъ около года—Остерману удалось стать полнымъ хозяиномъ въ дѣлахъ кабинета [2]). Ему приходилось считаться только съ Бирономъ, съ которымъ вице-канцлеръ отлично умѣлъ ладить. Въ лицѣ Волынскаго Остерманъ не могъ не видѣть честолюбиваго и лично его ненавидѣвшаго соперника, стремившагося достигнуть власти при помощи игры на широко охватившемъ тогда русскіе слои общества, національномъ чувствѣ, оскорбленномъ нѣмцами. Борьба началась тотчасъ и, очевидно, была не равна. Живой, несдержанный и неосторожный Волынскій, не знавшій чувства мѣры, не могъ бороться съ вице-канцлеромъ, всегда спокойнымъ, осторожнымъ, взвѣшивавшимъ каждое слово и никогда не выходившимъ изъ себя. Остерманъ отлично умѣлъ въ спорѣ, оставаясь безукоризненно любезнымъ, довести Волынскаго до бѣшенства и заставить его наговорить и сдѣлать много лишняго. Волынскій, во что бы то ни стало стремившійся пріобрѣсти вліяніе на дѣла, то прислуживался къ русскимъ, разыгрывая врага нѣмцевъ, то впадалъ въ надменность и рѣзкость, ему свойственную. Онъ выказывалъ много симпатіи принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, надѣясь въ ея царствованіе, или ея правленіе захватить власть въ свои руки. Остерманъ, спокойно и не колеблясь, старался вліять на Бирона и при посредствѣ послѣдняго вліялъ на императрицу, которая по-прежнему была во власти своего фаворита.

[1]) По отзыву историка Щербатова «человѣкъ молчаливый, тихій, коего разумъ никогда въ великихъ чинахъ не блисталъ, повсюду являлъ осторожность».

[2]) Средоточіемъ тогдашняго высшаго государственнаго управленія былъ кабинетъ министровъ, учрежденный въ 1731 году, по мысли и плану Остермана «для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію императрицы». Но кабинетъ, семь лѣтъ спустя, не оправдалъ тѣхъ радужныхъ надеждъ, которыя возлагались на него при учрежденіи; онъ не достигалъ ни «государственной пользы», ни «пользы вѣрноподданныхъ», какъ надѣялась императрица въ 1731 году.

Анна Іоанновна благоволила къ Волынскому, она цѣнила его способности и говорила, что лучшаго докладчика не сыскать [1]).

Когда Волынскаго назначили кабинетъ-министромъ, съ нимъ произошелъ случай очень хорошо его характеризующій. Секретарь кабинета Яковлевъ поднесъ Волынскому къ подписи формулу обычной присяги, въ которой говорилось, что нарушеніе ея влечетъ за собой казнь. Волынскій пришелъ въ ярость и воскликнулъ: «Какъ? Государыня жалуетъ меня званіемъ кабинетъ-министра, а ты — топоромъ!» Онъ сталъ преслѣдовать Яковлева и успокоился только, когда добился его ссылки въ Выборгъ.

Между претендентами на постъ кабинетъ-министра былъ адмиралъ графъ Головинъ, бывшій старше Волынскаго чинами. Головинъ неодобрительно отозвался о Волынскомъ. Волынскій донесъ императрицѣ о взяточничествѣ Головина въ адмиралтействъ-коллегіи, которой тотъ былъ президентомъ, и получилъ распоряженіе государыни назначить немедленное слѣдствіе; злоупотребленія Головина были раскрыты, но онъ не потерялся, подкупилъ Бирона крупной суммой и сохранилъ свой постъ. Слѣдствіе было велѣно прекратить, но Головинъ сталъ смертельнымъ врагомъ Волынскаго.

Ненависть между Волынскимъ и Остерманомъ разгоралась все больше. Волынскій говорилъ друзьямъ: «Что мнѣ дѣлать? Товарищи мои никуда не годятся: одинъ молчитъ всегда (Черкасскій); другой только и дѣлаетъ, что обманываетъ».

Получивъ отъ государыни приказаніе составить записку о необходимыхъ реформахъ, онъ возился надъ составленіемъ обширнаго проекта [2]). Часто онъ собиралъ у себя по вечерамъ друзей и читалъ имъ отрывки своей работы. Разговаривали непринужденно, касаясь текущихъ событій. Въ составляемой имъ работѣ Волынскій громилъ взяточничество (у людей бываетъ коротка память) и злоупотребленія властью. Собирались обыкновенно попозже, часовъ въ восемь, ужинали и засиживались за чтеніемъ и разговаривали до одиннадцати. Эти пріятельскія собранія были впослѣдствіи названы «ночными сборищами заговорщиковъ». Волынскій часто позволялъ себѣ излишнія

---

[1]) Онъ (Волынскій) все больше и больше дѣла забиралъ себѣ въ кабинетъ,— наконецъ явился единственнымъ докладчикомъ у императрицы по кабинетнымъ дѣламъ. Императрица была очень имъ довольна, а въ петербургскомъ обществѣ онъ слылъ «лучшимъ въ кабинетѣ монаршемъ дѣльцомъ». Проф. Д. Корсаковъ. «Арт. Петр. Волынскій». Стр. 223.

[2]) «Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ».

откровенности. Однажды, когда рѣчь зашла о комментаріяхъ Юста Липсія о Тацитѣ и характерѣ Мессалины—онъ замѣтилъ, что «не время де теперь разсуждать объ этой книгѣ», и въ другой разъ, говоря о различіи положенія русскаго шляхетства и шляхетства польскаго, онъ сказалъ: «Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, ни на что не смотрятъ и все имъ даромъ; польскому шляхтичу не смѣетъ и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся».

Нужно было, все же, много злобной жестокости,—и подозрительности, чтобы признать эти разговоры «конспираціей». Другое, болѣе тяжелое обвиненіе, возводимое на него (фактъ остался недоказаннымъ), было обвиненіе въ авторствѣ подметнаго письма, полученнаго новымъ кабинетъ-секретаремъ и содержавшее тяжелыя обвиненія противъ Остермана. Было объявлено щедрое вознагражденіе тому, кто признается, что написалъ это письмо. Само собой разумѣется, авторъ не отозвался. Впослѣдствіи во время процесса, въ составленіи письма были обвинены Волынскій и Эйхлеръ.

Лѣтомъ 1739 года трое служащихъ въ придворномъ конюшенномъ вѣдомствѣ, нѣкто Людвигъ и двое Кишкель, отецъ и сынъ, отставленные Волынскимъ, написали доносъ на имя государыни, на оберъ-егермейстера, обвиняя его въ злоупотребленіяхъ. Императрица потребовала у Волынскаго объясненій. Оберъ-егермейстеръ въ длинномъ оправдательномъ письмѣ изложилъ императрицѣ свое горестное положеніе, положеніе человѣка, услугъ котораго не цѣнятъ, говорилъ о своихъ денежныхъ нуждахъ, о всеобщей къ нему ненависти и распространялся о томъ, что безсовѣстные льстецы и люди ни на что негодные пользуются довѣріемъ. Въ припискѣ къ этому письму онъ развелъ длинныя разсужденія о коварствѣ придворныхъ льстецовъ и клеветниковъ, не рѣшающихся обвинять открыто и предпочитающихъ втихомолку нашептывать, говорящихъ намеками и умѣющихъ придавать своему лицу любое выраженіе, стремящихся навлечь немилость государыни на вѣрныхъ ея подданныхъ.

Пославъ императрицѣ это злочастное письмо, рѣшившее его участь, Волынскій ознакомилъ съ нимъ и постороннихъ лицъ: Черкасскаго, который замѣтилъ: «Остро очень писано: если попадется то письмо въ руки Остермановы, то онъ тотчасъ узнаетъ, что про него писано». Волынскій велѣлъ перевести письмо на нѣмецкій языкъ (переводилъ академикъ Ададуровъ) и представилъ переводъ Бирону; послѣдняго такое письмо могло, разумѣется, только раздражить. Сообщено письмо было также Шенбергу, Лестоку и др. Всѣ говорили: «Это письмо самый портретъ графа Остермана».

Протекло нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякихъ событій; положеніе оберъ-егермейстера, повидимому, оставалось прочнымъ. Онъ принималъ горячее участіе въ дѣлѣ Долгоруковыхъ, не подозрѣвая, что черезъ восемь мѣсяцевъ и самъ пойдетъ на плаху.

Остерманъ, Куракинъ [1]), Головинъ усиленно работали надъ тѣмъ, чтобы окончательно возстановить Бирона противъ Волынскаго. Къ нимъ присоединился и всемогущій начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ, оскорбленный надменностью новаго кабинетъ-министра. Остерманъ, сильно интриговавшій противъ плана женитьбы Петра Бирона на Анна Леопольдовнѣ, теперь сваливалъ все на Волынскаго и увѣрялъ, что это онъ устроилъ бракъ принцессы съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ; говорилъ, что Волынскій втирается въ милость принцессы и при посредствѣ ея камерфрау Варвары Дмитріевой даетъ ей совѣты и возстанавливаетъ ее противъ герцога и его семьи. Узналось также о письмѣ Волынскаго къ Григорію Урусову, въ которомъ онъ писалъ, что время настало ужасное, при дворѣ жить становится все опаснѣе: Биронъ дѣлается все раздражительнѣе и что угодить ему нѣтъ возможности, такъ сталъ подозрителенъ и во всемъ поступаетъ по совѣту Остерманову.

Во время турецкой войны русскія войска проходили много разъ черезъ области Рѣчи Посполитой, и Польша предъявила требованіе о вознагражденіи полякамъ, потерпѣвшимъ во время прохода русскихъ войскъ. Кабинетъ признавалъ въ принципѣ необходимость вознагражденія, но не соглашался на слишкомъ крупную сумму, назначенную Польшею. Биронъ, какъ герцогъ курляндскій, вассалъ Польши, имѣлъ сильныя побужденія заискивать расположеніе Августа III и магнатовъ, особенно въ виду пошатнувшагося здоровья императрицы, и потому желалъ дать полякамъ полное удовлетвореніе.

Волынскій настаивалъ на противномъ, Остерманъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, подлилъ масла въ огонь, сказавъ нѣсколько задѣвающихъ словъ своимъ ровнымъ, сладкимъ голосомъ и съ самымъ ласковымъ и любезнымъ выраженіемъ лица.

Вспыльчивый Волынскій вышелъ изъ себя и заявилъ, что, не будучи *ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ ея*, не имѣетъ побужденій угождать изстари враждебному Россіи народу.

---

[1]) Куракинъ, игравшій роль добровольнаго шута при Биронѣ, умѣлъ превосходно подражать манерамъ Волынскаго и говорилъ, что ему достаточно взглянуть на выраженіе лица оберъ-егермейстера, чтобы знать, что тотъ собирается дѣлать: лгать, негодовать и выходить изъ себя или планировать какое-нибудь обычное ему мошенничество.

Эти роковыя слова, задѣвавшія самое больное мѣсто Бирона, были каплей, переполнившей чашу.

Оскорбленный Биронъ, не желая показывать своего оскорбленія, воспользовался другимъ поступкомъ Волынскаго, который былъ настолько обыченъ въ ту пору, что о немъ въ теченіе шести недѣль не поднималось вопроса.

Во время «курьезной» свадьбы несчастнаго Голицына въ февралѣ 1740 г. Волынскій выхлопоталъ себѣ предсѣдательство въ «машкарадной комиссіи», желая этимъ угодить императрицѣ. Понадобились подобающія случаю вирши. Волынскій послалъ за придворнымъ піитомъ Тредьяковскимъ и велѣлъ привести его на такъ называемый «слоновый дворъ» (помѣщеніе для слона, подареннаго императрицѣ персидскимъ шахомъ), гдѣ онъ сосредоточилъ всѣ хлопоты и приготовленія къ «потѣшной» свадьбѣ.

Надобно замѣтить, что онъ не терпѣлъ Тредьяковскаго за то, что тотъ пользовался милостью Куракина и Головина [1]).

Посланный за піитомъ кадетъ Криницынъ поссорился съ нимъ дорогой и, вернувшись, пожаловался Волынскому. Тотъ приказалъ Криницыну надавать Тредьяковскому пощечинъ, вручилъ несчастному піиту тему для виршей и приказалъ, чтобы черезъ день, ко дню торжества 6-го февраля, онѣ были готовы [2]).

Тредьяковскій на другой день отправился съ жалобой къ Бирону; въ своей челобитной онъ писалъ, что «припадаетъ къ стопамъ его высокогерцогской свѣтлости». Припасть къ стопамъ ему не удалось, такъ какъ въ пріемной его увидѣлъ Волынскій, подошелъ къ нему и спросилъ: «Ты чего здѣсь?» Испуганный піитъ не могъ вымолвить слова. Оберъ-егермейстеръ, не стѣсняясь присутствующими, далъ ему пощечину и, схвативъ за воротъ, вытолкалъ изъ пріемной. Затѣмъ онъ далъ распоряженіе арестовать его и увезти. Въ тотъ же день, въ присутствіи Волынскаго, Тредьяковскаго раздѣли, разложили и дали ему семьдесятъ палочныхъ ударовъ. Кончивъ наказаніе, Волынскій спросилъ: «Что ты дѣлалъ въ пріемной у герцога?» Тредьяковскій не могъ говорить. Его опять положили и дали еще тридцать

---

[1]) Такъ отмстилъ Волынскій въ лицѣ Тредьяковскаго своимъ врагамъ. Онъ билъ піиту, какъ «конфидента» Куракина изъ мести, со злобы, оскорбленный пасквильными на него стихами. Волынскій мстилъ за обиду, поступая звѣрскимъ образомъ по нашимъ понятіямъ, и совершенно естественно по понятіямъ дикаго русскаго общества первой половины XVIII в. Д. Корсаковъ. Ibid, стр. 231.

[2]) Тредьяковскій, придя домой со слоноваго двора, въ тотъ же самый вечеръ «уже не въ состояніи ума, исполнилъ оныя верши». Ibid, стр. 230.

палокъ. Затѣмъ его заперли и приказали учить стихотвореніе, которое онъ долженъ былъ читать на праздникѣ. На слѣдующій день, въ среду, 6-го февраля послѣ полудня Тредьяковскій въ маскѣ и костюмированный, подъ конвоемъ двухъ солдатъ былъ отправленъ въ Бироновскій манежъ, гдѣ давался пиръ. Послѣ того, какъ піитъ дрожащимъ голосомъ сказалъ комическіе стихи, такъ мало подходившіе къ его настроенію, его опять увезли и посадили подъ арестъ. Въ четвергъ въ десять часовъ утра Волынскій велѣлъ его привести къ себѣ и сказалъ, что раньше, чѣмъ дастъ ему свободу, долженъ дать ему еще нѣсколько палокъ. Тредьяковскій, въ слезахъ на колѣняхъ, просилъ его помиловать. Волынскій остался глухъ, несчастному дали еще десять ударовъ и наконецъ отпустили. Тредьяковскій подалъ жалобу въ академію наукъ, гдѣ онъ былъ секретаремъ. Лекарь академіи засвидѣтельствовалъ, что у піиты вся спина въ ссадинахъ и синякахъ. Дѣло было такое обыденное при нравахъ того времени, что на него никто не обратилъ серьезнаго вниманія. Волынскій смѣялся и говорилъ объ академикахъ, Куракинѣ и Головинѣ, покровительствовавшихъ Тредьяковскому: «Пусть на меня сердятся, а я натѣшился, и свое взялъ».

Волынскій не чувствовалъ надвигавшейся на него грозы. Овдовѣвъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ теперь добивался руки двадцатилѣтней графини Маріи Ивановны Головкиной (ему былъ уже пятьдесятъ одинъ годъ), внучки по отцу канцлера Головкина, а по матери извѣстнаго князя Матвѣя Гагарина. У нея были сильныя связи при дворѣ и Волынскій очень надѣялся этимъ бракомъ упрочить свое положеніе. Ему не было отказано, но его просили подождать и дать возможность обдумать вопросъ.

Тотчасъ послѣ засѣданія кабинетъ-министровъ, въ которомъ Волынскій сказалъ, что «онъ не вассалъ Польши», Биронъ объявилъ императрицѣ, что ей придется выбрать: «Или я, или онъ» сказалъ герцогъ. На другой день онъ представилъ императрицѣ записку, гдѣ выставлялъ на видъ, что его вмѣшательство въ русскія дѣла было всегда чуждо пристрастныхъ и личныхъ цѣлей; что онъ вмѣшивался, въ дѣла единственно для того, чтобы охранять интересы императрицы, ея спокойствіе и здравіе. Что онъ никогда никому не выказывалъ своего неудовольствія и никогда ни на кого не приносилъ жалобъ, что онъ сумѣлъ заслужить всеобщую любовь и носитъ въ сердцѣ и совѣсти увѣренность, что никому не далъ законнаго повода стать къ нему во враждебное отношеніе. Далѣе онъ говорилъ о письмѣ Волынскаго и о совѣтахъ, данныхъ въ этомъ письмѣ: «Такія наставленія»,

писалъ онъ, «годны только для малолѣтнихъ государей, а не для такой великой, умной и мудрой императрицы, которой великія качества и добродѣтели весь свѣтъ съ крайнѣйшимъ удивленіемъ превозноситъ». Затѣмъ онъ жаловался на избіеніе Тредьяковскаго въ его, владѣтельнаго герцога курляндскаго, покояхъ, объ оскорбленіи, нанесенномъ имъ этимъ поступкомъ Волынскаго, и напоминалъ императрицѣ, что честь герцогской короны подобаетъ охранять особенно и потому, что покойный супругъ Е. И. В. носилъ ее. Онъ прибавлялъ, что если Волынскій другихъ старается привести въ подозрѣніе передъ императрицей, то справедливость требуетъ, чтобы собственныя его дѣянія были разсмотрѣны и изслѣдованы [1]).

Въ то же время Остерманъ, которому императрица передала письмо Волынскаго съ распоряженіемъ представить на него замѣчанія, написалъ государынѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что ненависть къ нему оберъ-егермейстера ему непонятна; что если они расходились часто во мнѣніяхъ, то это потому, что каждому человѣку дано заблуждаться въ своихъ сужденіяхъ; что онъ, вице-канцлеръ, не питаетъ ни къ кому ненависти и неспособенъ къ вѣроломству; но разъ оберъ-егермейстеръ заявляетъ, что ему извѣстны лица, способныя на описанное имъ низкое поведеніе, то слѣдовало бы не указывать на нихъ намеками, а назвать имена и привести доказательства своимъ обвиненіямъ [2]).

---

[1]) Только 19 апрѣля императрица слушала эту челобитную Бирона, ту самую которую всѣ біографы Волынскаго считаютъ причиной гибели Артемія Петровича.

[2]) «Ваше Императорское Величество,—писалъ Остерманъ въ заключеніе своего письма,—изволите всемилостивѣйше сами разсудить, что какъ Богъ мнѣ, такъ и ему (Волынскому), все знать не далъ, что онъ равно такой же человѣкъ, какъ и я, и что потому невозможно, чтобы во мнѣніяхъ своихъ всегда могли согласны быть; а ежели въ такомъ случаѣ мое мнѣніе такимъ образомъ толковано быть имѣетъ, какъ въ томъ письмѣ его показано, то подлинно какъ самое то-жъ письмо гласитъ, куражъ и охота отняты быть могутъ. Я, яко человѣкъ, во мнѣніяхъ своихъ отъ недознанія ошибаться могу, но чтобы я по какимъ страстямъ, по какой злобѣ, по ненависти или по какой мерзкой корысти въ интересахъ вашего имп. величества черезъ тридцать восемьлѣтнюю мою, малую однакожъ, ревностную службу погрѣшилъ, въ томъ совѣсть меня не обличаетъ, и Богъ на Страшномъ своемъ Судѣ отвѣту въ томъ на мнѣ взыскивать не будетъ; и ежели я черезъ все то время къ какимъ, хотя малымъ или великимъ взяткамъ коснулся, то я въ томъ долженъ передъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ дать. Отъ сердца моего желаю, чтобъ и податель сего письма въ таковыхъ же непорочныхъ обстоятельствахъ находился. Въ нынѣшней моей старости, бѣдномъ и болѣзненномъ состояніи здоровья моего, и потому натурально по человѣчеству при приближающемся концѣ жизни моей единое мое только желаніе есть, чтобъ я могъ у вашего имп. величества не въ

Анна Іоанновна долго колебалась. Утромъ въ пятницу, 4 апрѣля 1740 года, Биронъ на колѣняхъ умолялъ ее рѣшиться. Она плакала и не соглашалась. Тогда онъ повторилъ ей: «Или я, или онъ!» всталъ и объявилъ, что уѣдетъ немедленно въ Курляндію. Анна Іоанновна рѣшилась. Въ тотъ же день Ушаковъ объявилъ оберъ-егермейстеру запрещеніе являться ко двору.

Волынскій, высокомѣрный и заносчивый во дни своего успѣха, растерялся совершенно; бросился къ Бирону, но не былъ принятъ; бросился къ Миниху, ненависть котораго къ Остерману была ему извѣстна; тамъ его тоже не приняли [1]). Пасхальная недѣля прошла для оберъ-егермейстера въ мрачномъ и тяжеломъ ожиданіи. Немногіе друзья, которые еще не отвернулись, сами были въ большомъ страхѣ. Волынскій говорилъ одному изъ своихъ «конфидентовъ» Жану де-ла-Суда: «Богъ караетъ меня за старые грѣхи».

Многочисленные враги Волынскаго волновались и дѣлали все, чтобы его погубить. Куракинъ, пользовавшійся, какъ всѣ шуты, привилегіей говорить то, что не разрѣшалось говорить другимъ, сталъ восхвалять дѣянія государыни и говорить, что она достойная наслѣдница Петра Великаго, такъ какъ она приводитъ въ исполненія его предначертанія. Только одно ею забыто. «Что же такое?»—спросила императрица. «Пертъ I», отвѣчалъ Куракинъ,—«нашелъ Волынскаго на такой дурной дорогѣ, что накинулъ ему на шею веревку, такъ какъ Волынскій не исправился, то если ваше величество не затянете узелъ, намѣреніе императора не исполнится». Присутствовавшіе хохотали, Биронъ особенно; Анна Іоанновна заразилась ихъ веселостью и смѣялась тоже... Участь Волынскаго была рѣшена...

Императрицу увѣдомили, что въ 1737 году дворецкій оберъ-егермейстера Василій Кубанецъ получилъ изъ придворной конюшенной конторы пятьсотъ рублей. Секретарь конторы Муромцевъ на допросѣ заявилъ, что выдалъ эти деньги по распоряженію оберъ-егермейстера. Въ тотъ же день, въ субботу на Пасхальной недѣлѣ, 12 апрѣля генералъ Ушаковъ пріѣхалъ къ Волынскому въ сопровожденіи подпоручика гвардіи Коковинскаго и взвода солдатъ. Волынскому былъ

подозрѣніи быть и въ вѣрныхъ и безпорочныхъ рабахъ умереть и въ томъ передъ Богомъ яко нелицемѣрнымъ судіею стать».

[1]) Д. Корсаковъ сообщаетъ слѣдующее: «Волынскій немедленно ѣдетъ къ Бирону, но его не принимаютъ. Съ горя онъ спѣшитъ даже къ давнему своему врагу—Миниху. Фельдмаршалъ удивленъ его посѣщеніемъ, но обѣщается замолвить за него словечко, а Остерманъ съ К° нашептываетъ Бирону: «Волынскій сталъ искать въ Минихѣ противъ вашей свѣтлости!»

объявленъ строжайшій арестъ. Сынъ его, двѣ дочери и племянница были также арестованы и заключены въ своихъ комнатахъ. Окна были заколочены. Волынскій былъ запертъ въ своемъ кабинетѣ, у дверей котораго былъ поставленъ караулъ. Ни подъ какимъ предлогомъ ему не разрѣшалось выйти изъ комнаты. Онъ просилъ допускать ежедневно священника, доктора и тѣхъ бѣдныхъ, которые обращались за его помощью. Допустили лишь доктора, португальца Санчесъ, и то только въ присутствіи Коковинскаго.

На слѣдующій день назначена была слѣдственная комиссія изъ девяти членовъ; ни одинъ нѣмецъ не вошелъ въ нее: дѣлу хотѣли придать видъ полнаго безпристрастія и справедливости. Назначены были: генералъ-поручики Никита Трубецкой, Михаилъ Хрущевъ и князь Василій Репнинъ; генералъ-аншефы: Ушаковъ, Чернышевъ, Румянцевъ; тайные совѣтники: Неплюевъ и Новосильцевъ и генералъ-майоръ Шиповъ. За исключеніемъ Репнина, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, всѣ они были прислуживавшіеся къ Бирону придворные, готовые на всѣ жестокости и низости.

Слѣдственная комиссія начала свои засѣданія во вторникъ, 15 апрѣля, и въ тотъ же день велѣла арестовать секретаря Волынскаго, оберъ-егермейстера, Василія Гладкова, его адъютанта Ивана Родіонова и дворецкаго Василія Кубанца; на слѣдующій день по ея распоряженію были арестованы «конфиденты» Артемія Петровича Еропкинъ, Хрущовъ и 20 апрѣля ассесоръ придворной конторы Смирновъ. Былъ посланъ также приказъ въ Нижній - Новгородъ арестовать вице-губернатора Ивана Волынскаго, двоюроднаго брата Артемія, и привезти его въ Петербургъ.

Комиссія засѣдала съ семи часовъ утра до двухъ, съ получасовымъ перерывомъ, во время котораго члены комиссіи завтракали. Подсудимому умышленно не давали ѣсть всѣ семь часовъ, чтобы ослабить его силы. Засѣданія происходили въ Итальянскомъ дворцѣ, построенномъ Петромъ I на Фонтанкѣ (нынѣ Екатерининскій институтъ; назывался дворецъ итальянскимъ, т. к. былъ построенъ въ итальянскомъ стилѣ и также отдѣланъ внутри).

Волынскій палъ духомъ совершенно; онъ такъ боялся, что готовъ былъ ежеминутно падать на колѣни передъ членами комиссіи. Со всѣхъ сторонъ обнаруживались доказательства взяточничества подсудимаго; этотъ родъ преступленія былъ такъ распространенъ, что не могъ служить причиной для обвиненія. Биронъ хотѣлъ добыть доказательства (а если бы не удалось, то выдумать ихъ) тяжелѣйшему изъ преступленій — оскорбленію величества. Съ этой цѣлью присту-

пили къ допросу Кубанца. Это былъ Кубанскій татаринъ, захваченный въ плѣнъ въ раннемъ дѣтствѣ, привезенный въ Астрахань и тамъ крещеный, онъ попалъ въ услуженіе къ мѣстному купцу Клементьеву и отъ него поступилъ писцомъ въ канцелярію губернатора.

Волынскій въ бытность свою губернаторомъ замѣтилъ умнаго и ловкаго Кубанца. Онъ взялъ его къ себѣ, назначилъ дворецкимъ и сдѣлалъ его своимъ довѣреннымъ и правой рукой во всѣхъ своихъ темныхъ дѣлахъ.

Черезъ его посредство онъ получалъ деньги и подарки. Отъ Кубанца у него не было тайнъ—онъ при немъ думалъ вслухъ. Допросъ былъ хорошо разсчитанъ:—если Кубанецъ продастъ своего господина—тотъ погибъ: врагамъ его будетъ все извѣстно.

Волынскій сознался на допросѣ, что въ письмѣ къ государынѣ намекалъ на оберъ-шталмейстера Куракина, адмирала Головина и особенно на графа Остермана; о послѣднемъ онъ сказалъ при всемъ собраніи: «Остерманъ никому безъ закрытія ничего не объявитъ и женѣ своей безъ закрытія не скажетъ». Неплюевъ остановилъ его, сказавъ: «О такихъ дѣлахъ, въ каковыхъ графъ Остерманъ обращается женѣ и вѣдать непристойно, и самъ о томъ можешь разсудить». Волынскій призналъ себя виноватымъ въ своемъ жестокомъ обращеніи съ Тредьяковскимъ и добавилъ, что уповаетъ на милость государыни и герцога курляндскаго.

Обвиняли также оберъ-егермейстера въ желаніи повредить Бирону во мнѣніи императрицы при посредствѣ княгини Щербатовой. Эта княгиня Щербатова, урожденная Прозоровская, старшая сестра фельдмаршала, была женой князя Ѳедора Андреевича, брата дипломата Щербатова. Допущенная въ интимный кружокъ императрицы за свои шутовскія способности и подражательный талантъ, Щербатова постоянно смѣшила Анну Іоанновну и была у нея въ милости. Узнавъ объ арестѣ Волынскаго, она потеряла голову отъ страха, бросилась къ Бирону и, обнимая его колѣни, молила ее помиловать. Она была спасена ходатайствомъ Остермана, своего отдаленнаго свояка.

Послѣ разоблаченій Кубанца дѣло оберъ-егермейстера приняло худой оборотъ. Кубанецъ назвалъ всѣхъ лицъ, бывавшихъ по вечерамъ у Волынскаго и слушавшихъ чтеніе его «генеральнаго разсужденія». Разсказалъ о чтеніи комментарій Юста Липсія о Тацитѣ, книгѣ, получившей такое большое значеніе въ этомъ процессѣ. Находясь между обѣщаніями наградъ и угрозами пытокъ, Кубанецъ головой выдавалъ своего господина, разсказывая о всѣхъ его замѣчаніяхъ и обмолвкахъ, о томъ, какъ тотъ радовался, что Бирону не удалось же-

нить его сына на племянницѣ императрицы, о томъ, что онъ говорилъ о невозможности говорить громко о Мессалинѣ безъ того, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ намекахъ на императрицу.

Ночью съ 24-го на 25-е апрѣля Волынскаго и другихъ обвиненныхъ перевезли въ адмиралтейскую тюрьму подъ конвоемъ цѣлаго отряда (въ 24 человѣка) преображенцевъ. Слѣдственная комиссія была распущена и дѣло передано въ руки Ушакова, личнаго врага Волынскаго, и Неплюева, преданнаго и всѣмъ обязаннаго Остерману. Два дня спустя всѣ подсудимые были перевезены въ Петропавловскую крѣпость. 30-го апрѣля туда былъ привезенъ и Соймоновъ. Въ то же время Андрей Яковлевъ былъ возвращенъ изъ Выборга, возстановленъ въ своей должности кабинетъ-секретаря и ему поручено разсмотрѣть бумаги и письма Волынскаго, взятыя при арестѣ.

Каждый день возникали новыя обвиненія, одни нелѣпѣе другихъ; обвиняли оберъ - егермейстера въ оскорбленіи величества, потому что онъ назвалъ Іоанна Грознаго тираномъ; обвиняли его въ стремленіи захватить россійскій престолъ, основываясь на томъ, что на генеологическомъ деревѣ, найденномъ у него, были нарисованы въ княжескихъ коронахъ его предокъ Дмитрій Михайловичъ Волынскій съ женой, княгиней Анной, сестрой Дмитрія Донского. 22-го мая Волынскаго начали пытать; въ тотъ же день въ крѣпость былъ посаженъ Эйхлеръ, и де-ла-Суда—пять дней спустя. Пытали ежедневно. Пытки были ужасны: съ перваго дня Волынскій потерялъ способность владѣть правой рукой и не могъ подписывать показанія и признанія, которыя давалъ подъ пыткой. 30 мая Ушаковъ и Неплюевъ отправились къ Платону Мусинъ-Пушкину, который былъ нездоровъ. Было приказано его допросить. Графъ Платонъ Ивановичъ объявилъ, что Мусинъ - Пушкины не «доводчики». Слова его были переданы Бирону и на слѣдующій день его заточили въ крѣпость, жена его и дѣти были арестованы дома.

Кубанецъ, наученный врагами Волынскаго, далъ новое показаніе: его господинъ будто бы часто справлялся въ календарѣ о возрастѣ молодого Голштинскаго принца. Былъ отданъ приказъ удвоить пытки.

19-го іюня былъ назначенъ судъ изъ всѣхъ сенаторовъ и пятнадцати лицъ, выбранныхъ лично государыней (т.-е. Бирономъ и Остерманомъ). Девять сенаторовъ засѣдали въ этомъ кровавомъ судѣ: Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, Нарышкинъ, Хрущевъ, Бахметевъ, Румянцевъ, Философовъ и Шиповъ.

Пятнадцать лицъ, назначенныя императрицей были: фельдмаршалъ Трубецкой, князь Алексѣй Черкасскій (по своей первой женѣ онъ

былъ зять Волынскаго, а графиня Мусинъ-Пушкина была ему родная племянница), генералъ-прокуроръ Никита Трубецкой, тайные совѣтники: Ѳедоръ Наумовъ и Иванъ Неплюевъ, генералъ-поручикъ Степанъ Игнатьевъ, генералъ-майоръ Петръ Измайловъ, контръ-адмиралъ Захаръ Мишуковъ; оберъ-штеръ кригсъ-коммиссаръ Микулинъ; майоры отъ гвардіи: Стрѣшневъ, зять Остермана, Петръ Черкасскій, недавній другъ Волынскаго и Дмитрій Ченцовъ; вице-президентъ юстицъ-коллегіи князь Иванъ Трубецкой; Петръ Квашнинъ-Самаринъ, совѣтникъ юстицъ-коллегіи и бригадиръ Иванъ Унковскій, полиціймейстеръ Петербурга.

Биронъ, Остерманъ и вся нѣмецкая партія распространяли слухи объ обширномъ заговорѣ, душой котораго былъ будто бы Волынскій. Въ Петербургѣ царили общіе страхъ и ужасъ; при встрѣчахъ, даже въ гостиныхъ, никто не смѣлъ заикнуться о судебномъ дѣлѣ, бывшемъ у всѣхъ на умѣ.

Въ пятницу 20-го іюня состоялось единственное засѣданіе суда. Секретаремъ суда былъ родственникъ одного изъ обвиненныхъ Хрущовъ, ассесоръ тайной канцеляріи. Генералъ-прокуроръ Никита Трубецкой произнесъ ужасный приговоръ: де-ла-Суда обезглавить; Эйхлера—бить кнутомъ; Мусинъ-Пушкина, Соймонова, Еропкина и Хрущова—четвертовать; Волынскому отрѣзать языкъ и живымъ посадить на колъ; дѣтей Волынскаго сослать на вѣчную каторгу въ Сибирь и конфисковать всѣ имущества обвиненныхъ и ихъ родственниковъ. Приговоръ былъ вынесенъ единогласно. Внукъ Александра Нарышкина разсказывалъ моему дѣду полвѣка спустя, что, выходя изъ суда, его дѣдъ, успѣвъ сѣсть въ экипажъ, потерялъ сознаніе; его привезли домой и не могли привести въ чувство; ночью онъ бредилъ и кричалъ, что онъ *извергъ*, что онъ приговорилъ невинныхъ, приговорилъ своего брата... Нарышкинъ былъ зять Волынскаго. Послѣ восшествія императрицы Елизаветы, спросили однажды Шипова, не было ли ему слишкомъ тяжело, когда онъ подписывалъ приговоръ 20 іюня 1740 г. «Разумѣется было тяжело»,—отвѣтитъ онъ,—«мы отлично знали, что они всѣ невинны, но что подѣлать? лучше подписать, чѣмъ самому быть посаженнымъ на колъ или четвертованнымъ...»

Биронъ, чтобы скомпрометировать большее число высокопоставленныхъ лицъ, сообщилъ этотъ приговоръ четыремъ, находившимся въ Петергофскомъ дворцѣ придворнымъ, и спросилъ ихъ мнѣнія. Это были Куракинъ, гофмейстеръ Шепелевъ, генералъ-адъютантъ Василій Салтыковъ и дежурный камергеръ Степанъ Лопухинъ. Всѣ согласились съ приговоромъ, Куракинъ не безъ злорадства, остальные стараясь скрывать невольное содроганіе...

Анна Іоанновна ни за что не хотѣла подписывать смертнаго приговора. Два дня возобновлялись довольно бурныя сцены между нею и фаворитомъ. Несмотря на свою природную черствость, Анна плакала. Биронъ повторилъ угрозу уѣхать—она уступила. Приговоръ, подписанный Анной Іоанновной 23 іюня, былъ мягче вынесеннаго на судѣ: Волынскому отрубить голову, предварительно отрѣзавъ языкъ и правую руку. Имущество его конфисковать.

Дочерей заточить въ монастыри, въ Сибири. Сына сослать въ Сибирь, гдѣ держать въ одиночномъ заключеніи до пятнадцати лѣтъ; пятнадцати лѣтъ сдать въ солдаты на всю жизнь.

Графу Мусинъ-Пушкину урѣзать языкъ и сослать въ Соловецкій монастырь, гдѣ содержать строжайше. Имущества, пріобрѣтенныя имъ самимъ и отцомъ его, конфисковать, такъ чтобы дѣти его унаслѣдовать могли только имущество прадѣда и материнское.

Еропкина и Хрущова обезглавить; имущества конфисковать, кромѣ сорока крѣпостныхъ душъ, оставленныхъ дѣтямъ Хрущова, которыя не лишались и наслѣдства матери.

Соймонова и Эйхлера бить кнутомъ на плахѣ всенародно и сослать на каторгу въ Сибирь. Имущества конфисковать кромѣ сорока душъ, оставленныхъ каждому изъ дѣтей Соймонова, за которыми оставалось и наслѣдство матери. Она была рожденная Отяева изъ очень старой семьи.

Де-ла Суда бить плетьми на плахѣ всенародно и сослать на Камчатку.

Въ тотъ же день, 23-го іюня, этотъ варварскій приговоръ былъ объявленъ подсудимымъ и казнь назначена на пятницу, 27-ое. Волынскій былъ подавленъ и грустенъ и особенно мучился за дѣтей.

Когда къ нему пришелъ священникъ крѣпостного собора, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни, Волынскій испуганно вскрикнулъ и сказалъ ему, что видѣлъ его наканунѣ во снѣ....

На Сытномъ рынкѣ недалеко отъ крѣпости былъ воздвигнутъ эшафотъ. Въ пятницу 27-го іюня въ 7 часовъ утра палачи-судьи Салтыковъ и Неплюевъ пріѣхали въ крѣпость. Волынскаго собирались причащать. Ушаковъ и Неплюевъ прошли въ камеру Мусина-Пушкина и при себѣ велѣли урѣзать ему языкъ [1]), затѣмъ вернулись къ Волынскому, которому былъ тоже отрѣзанъ языкъ. Его надо было везти на казнь, но кровь лилась изо рта ручьемъ. Ему надѣли тяжелый подбородникъ, завязали его такъ, чтобы ротъ нельзя было открыть и

---

[1]) Почему-то Мусина-Пушкина не выводили на плаху, вмѣстѣ съ другими.

повезли. Несчастный захлебывался. Онъ былъ почти безъ сознанія. Послѣ прочтенія приговора Волынскому отрубили вывихнутую, во время допроса правую руку и голову; Еропкину и Хрущову—головы; Соймоновъ и Эйхлеръ были биты кнутомъ; Де-ла-Суда — плетьми. Около часу были выставлены всенародно трупы казненныхъ, затѣмъ ихъ уложили въ тачки и увезли въ Самсоньевскую церковь и послѣ отпѣванія похоронили въ общей могилѣ. Впослѣдствіи надъ могилой поставленъ былъ памятникъ: надъ простой гранитной плитой бѣлая урна на гранитномъ пьедесталѣ. Памятникъ существуетъ и до сихъ поръ.

На немъ надпись:

«Во имя триехъ лицехъ
Единаго Бога
Здѣ лежитъ Артемеї
Петровичъ Волынскої
которої жизни своея
имелъ 51 годъ».

На урнѣ прибавлено:

«Преставился іюня 27 день 1740 года.
Тутъ же погребены Андрей Федоровичъ
Хрущовъ и Петръ Еропкинъ» [1]).

Въ 1765 г. Екатерина II велѣла принести себѣ дѣло Волынскаго и, прочитавъ его, начертала мудрыя слова, приложенныя впослѣдствіи къ дѣлу, которое хранится въ Государственномъ Архивѣ. Слова эти свидѣтельствуютъ о глубокомъ политическомъ умѣ и большомъ сердцѣ этой женщины.

Вотъ они: «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру Артемью Волынскому приказывала сочинить проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, которой онъ сочинилъ и подалъ; осталось его полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ, его злодѣи, кому его проектъ не понра-

---

[1]) Шишкинъ въ трудѣ своемъ «А. П. Волынскій» От. Зап. 1860 г., т. 130, стр. 569, приводитъ преданіе, имъ слышанное о томъ, что Екатерина II вслѣдъ за словами: «жизни своея имѣлъ 51 годъ» велѣла вырѣзать: «казненъ невинно». На эту именно надпись былъ поставленъ пьедесталъ съ урной.

вился, изъ этого сочиненія вытянули за волосъ, такъ сказать, и взвели на Волынскаго измѣннический умыселъ, будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ того дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныхъ рѣчей, ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ, лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодной кровью. Всякій пытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. Итакъ, отдаю на разсужденіе всякому имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброй совѣсти полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. И такъ, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ. И хотя бы онъ за подлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіи особѣ императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, то она была, бывъ государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у нея не отнимали ни на вершокъ величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякой государь имѣетъ неисчислимые кроткіе способы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ. Если бы Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ, я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинный; а еслибъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я-бъ ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его: «Будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ». Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ. А есть ли изъ васъ кто, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ въ уничтоженіи, такъ ему болѣе въ свѣтѣ и особливо въ россійскомъ, щастья желать, нежели пророчествовать можно.

Екатерина».

Нѣсколько лицъ, замѣшанныхъ въ процессѣ Волынскаго, были еще заключены. Новая комиссія была назначена для рѣшенія ихъ судьбы.

Всѣ они были, кромѣ Богдана Родіонова, оставлены въ заключеніи и, впослѣдствіи, освобождены правительницей.

Родіоновъ былъ битъ плетьми и сосланъ въ дальнюю деревню, откуда былъ возвращенъ правительницей.

Иванъ Волынскій, двоюродный братъ Артемія Петровича, обвиненный въ томъ, что былъ «конфидентомъ» брата, былъ оставленъ въ заключеніи. Правительница его также освободила.

Черезъ три дня послѣ казни Волынскаго его дѣти были отправлены въ Сибирь.

Дочери были пострижены въ монастыряхъ. Марія—въ Енисейскѣ, Анна—въ Иркутскѣ.

Десятилѣтній сынъ Волынскаго Петръ, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ, отправленъ въ Селенгинскъ и порученъ коменданту крѣпости Бухгольцу. На содержаніе мальчика было положено всего десять копеекъ въ день.

Анна Леопольдовна указомъ 31 января 1741 г. объявила обѣты постриженія, данные дочерьми Волынскаго, недѣйствительными, вернула ихъ такъ же, какъ и Петра Волынскаго, и разрѣшила всѣмъ жить въ Москвѣ, въ домѣ ихъ дяди по матери, Александра Львовича Нарышкина. Петръ Волынскій умеръ очень молодымъ. Сестры же его занимали очень высокое положеніе въ обществѣ того времени. Анна Артемьевна вышла замужъ за Андрея Семеновича Гендрикова [1]), двоюроднаго брата Императрицы Елизаветы Петровны. Въ день коронаціи Императрицы Гендриковы получили графство, а жена Андрея, Анна Артемьевна пожалована кавалерственной дамой. Марія Артемьевна вышла замужъ за Пана Илларіоновича Воронцова, младшаго брата канцлера (который и для своихъ младшихъ братьевъ выхлопоталъ графскій титулъ)—она была прабабкой графа Илларіона Воронцова-Дашкова и княгини Паскевичъ.

Кубанецъ, продавши своего господина, получилъ свободу 9 іюня 1740 г., но до указа правительницы, освободившаго его и разрѣшившаго жить гдѣ пожелаетъ, онъ находился подъ строжайшимъ надзоромъ.

Несчастный графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ послѣ урѣзанія языка былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь [2]).

Эйхлеръ—сосланъ въ Жиганскъ, за тысячу верстъ отъ Тобольска. Регентша вернула его и разрѣшила жить въ помѣстьи его жены. Де-ла-Суда, сосланный на Камчатку, возвращенъ регентшей.

---

[1]) Младшая сестра Екатерины I была замужемъ за Симономъ-Генрихомъ, Финскимъ крестьяниномъ, деревни Кохему, около Риги. Ихъ сыновья Андрей и Иванъ и дочери Агафья, Марія и Марта получили въ 1724 г. дворянство и фамилію Гендриковыхъ.

[2]) Тамъ онъ содержался въ Головлевской монастырской тюрьмѣ. Тюрьма эта была безъ печей и свѣта. Въ сентябрѣ 1740 г. онъ уже харкалъ кровью.

Графъ Остерманъ на эшафотѣ, (29-го января 1742 г.).

Соймонову было пятьдесятъ восемь лѣтъ, когда надъ нимъ разразилась эта страшная катастрофа. Его сослали на каторжныя работы въ Охотскъ. Въ апрѣлѣ 1741 г. правительница вернула его и разрѣшила жить въ имѣніи его жены. Соймонову деревенская жизнь не улыбалась и онъ остался въ Сибири. Императрицей Елизаветой ему было разрѣшено жить тамъ, гдѣ пожелаетъ—онъ поселился въ Иркутскѣ. Семидесяти лѣтъ онъ совершилъ научное путешествіе по Сибири, снимая планы, измѣряя глубины рѣкъ, и. т. д. Въ 1757 г. послѣ отставки Сибирскаго губернатора Мятлева, Соймоновъ былъ назначенъ на этотъ постъ съ чиномъ тайнаго совѣтника. Въ теченіе шести лѣтъ онъ управлялъ Сибирью со свойственнымъ ему умомъ и безкорыстіемъ. Несмотря на свой возрастъ, онъ былъ необычайно дѣятеленъ. Вставалъ ежедневно въ четыре часа утра и работалъ весь день, кромѣ обѣденныхъ часовъ и получасового дневного сна, до десяти вечера. Каждый годъ онъ объѣзжалъ свой край, дѣлая по нѣсколько тысячъ верстъ. У сибиряковъ остались о немъ надолго добрыя воспоминанія.

Екатерина II призвала его въ Петербургъ и назначила сенаторомъ. Онъ умеръ въ 1780 году девяноста восьми лѣтъ [1]).

Анна Іоанновна слегла, чтобы больше не вставать, 5 октября 1740 г.

Вопросъ о престолонаслѣдіи былъ въ принципѣ рѣшенъ съ 1731 г., указомъ императрицы, утверждавшимъ престолъ за будущимъ сыномъ ея племянницы, Екатерины Іоанновны, которой тогда было всего тринадцать лѣтъ и о замужествѣ которой не могло еще быть и рѣчи.

Всѣ подданные должны были присягать этому наслѣднику, который еще не существовалъ.

[1]) Черезъ три мѣсяца съ небольшимъ послѣ казни Волынскаго умерла императрица Анна Іоанновна. Вслѣдъ за ея смертью быстро слѣдовали перемѣны при дворѣ. Въ ночь съ 7 на 8 ноября 1740 г. былъ низверженъ Минихомъ всесильный регентъ Россійской Имперіи, курляндскій герцогъ Биронъ, а 25-го ноября 1741 г. площади и улицы С.-Петербурга оглашались восторженными криками. «Виватъ, виватъ Императрица Елизавета» и вскорѣ послѣ того въ церквахъ старой и новой столицъ раздавались обвинительные акты въ формѣ проповѣдей противъ злокозненныхъ иноземцевъ: Бирона, Остермана, Миниха. Всему дѣлу заводчику—Остерману—пришлось въ свою очередь испытать тяжелыя минуты: назначенный надъ нимъ судъ приговорилъ его къ смерти. Остерманъ былъ возведенъ на эшафотъ и голова его уже лежала на плахѣ, когда курьеръ отъ императрицы привезъ ему помилованіе, замѣнявшее казнь ссылкой.

Въ 1740 г. у Анны Леопольдовны родился сынъ, нареченный при крещенiи Иваномъ. Императрица выражала много радости по поводу его рожденiя и лично слѣдила за его уходомъ. Русскiе подданные могли спросить себя: по какому праву этотъ маленькiй нѣмецъ, Брауншвейгъ по отцу, Мекленбургъ по матери, связанный съ Романовыми только черезъ свою бабку, будетъ царствовать въ Россiи? Право назначить послѣ себя наслѣдника, присвоенное Анной Iоанновной, призванной на царство по волѣ одного Голицына и четырехъ Долгоруковыхъ, было также весьма спорно. Но кто сталъ бы его оспаривать? Итакъ Ивану Антоновичу суждено быть императоромъ! Кто же будетъ править вмѣсто него? Когда Анна Iоанновна занемогла, ему было всего девять мѣсяцевъ. Анна Iоанновна не позаботилась объ этомъ вопросѣ раньше, и теперь, казалось, не думала о немъ вовсе. Она боялась смерти и избѣгала всего, что бы ей могло напомнить о страшной минутѣ. При дворѣ этимъ вопросомъ были однако очень озабочены. Легко можно представить себѣ безпокойство, которое охватило окружавшихъ императрицу, когда состоянiе ея внезапно ухудшилось. Ѣздовой поскакалъ предупредить гофмаршала Рейнгольда Левенвольде, отъ имени Бирона. Оба нѣмца спрашивали другъ друга: «что дѣлать?» Не зная, какъ быть, они рѣшили собрать немедленно засѣданiе кабинета. Но Остерманъ по своему обыкновенiю былъ боленъ. Левенвольде поспѣшилъ къ «оракулу» [1]) и принесъ не утѣшительныя для фаворита извѣстiя. По своему обыкновенiю, вице-канцлеръ долго говорилъ, при чемъ трудно было понять, что онъ, собственно хочетъ сказать, и пришелъ наконецъ къ слѣдующему: если Иванъ Антоновичъ долженъ царствовать, его матери надлежитъ быть правительницей и править совмѣстно съ Совѣтомъ, въ которомъ Биронъ могъ бы принимать участiе.

Въ эту минуту въ Совѣтъ прибылъ кн. Черкасскiй и съ нимъ новый кабинетъ-министръ, замѣнившей Волынскаго. Это былъ новый ставленникъ фаворита — Алексѣй Бестужевъ - Рюминъ. Фаворитъ успѣлъ побывать у Императрицы, но дѣла это не подвинуло. Государыня, которой онъ предложилъ назначить Анну Леопольдовну наслѣдницей престола въ виду малолѣтства ея сына не желала, чтобы племянница ея была даже правительницей, утверждая, что тогда въ Россiю явится ея отецъ и перевернетъ все вверхъ дномъ. Объ Антонѣ Ульрихѣ не могло быть и рѣчи. Его она считала глупцомъ. Но регентъ былъ необходимъ.

---

1) Остерману.

Кого же выбрать?

Показалось необходимымъ еще разъ обратиться за совѣтомъ къ Остерману; на этотъ разъ отправился къ нему Черкасскій, въ сопровожденіи Бестужева. По дорогѣ они обмѣнялись замѣчаніями о колебаніяхъ фаворита. Не значило ли это, что онъ втайнѣ хотѣлъ, чтобы выборъ палъ на него?—«Отчего же нѣтъ?»—сказалъ Черкасскій—«Въ самомъ дѣлѣ!»—отвѣтилъ Бестужевъ. Но Остерманъ пропустилъ все это мимо ушей.

Утвержденіе наслѣдникомъ Ивана Антоновича уже состоялось, это было объявлено соотвѣтствующимъ указомъ, и императрица, повидимому, этого желаетъ. Слѣдуетъ, значитъ, сдѣлать это рѣшеніе оффиціальнымъ при помощи документа, составленіе котораго вице-канцлеръ готовъ взять на себя. Вопросъ о регентствѣ долженъ быть также рѣшенъ волей императрицы. Подданные, и особенно подданные-нѣмцы, не могутъ въ это вмѣшиваться.

То, что послѣдовало дальше, было не разъ разсказано въ разнорѣчивыхъ версіяхъ. Вотъ одна изъ нихъ, которая кажется наиболѣе правдоподобной.

Во дворцѣ Черкасскій и Бестужевъ застали Бирона и Левенвольде, не пришедшихъ еще ни къ какому заключенію. Съ ними былъ Минихъ. Бестужевъ поспѣшилъ сообщить рѣшеніе, пришедшее ему и Черкасскому въ голову по дорогѣ къ Остерману; но имя Бирона точно обожгло ему губы, и онъ поспѣшилъ прибавить: «очевидно во всякой другой странѣ показалось бы страннымъ, что мать и отецъ въ такомъ дѣлѣ обойдены.—«Очевидно», повторилъ Биронъ и замолкъ. Но никто не осмѣливался заговорить. Увидя замѣшательство Бестужева и боясь быть скомпрометированнымъ, Черкасскій нагнулся къ уху Левенвольде, по всей вѣроятности, чтобы узнать его мнѣніе.

Биронъ понялъ, что надо быть рѣшительнѣе съ такими трусами.

— Что вы шепчете? Говорите громко!

Подъ взглядомъ, которымъ сопровождалось это замѣчаніе, Черкасскій рѣшился. Регентство Бирона ему казалось желательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, необходимымъ даже. Минихъ не могъ не выразить согласія, и дѣло было рѣшено тремя нѣмцами и двумя русскими восточнаго происхожденія, располагавшими въ эту минуту судьбой государства, какъ своей собственностью, и говорившими на чужеземномъ языкѣ, единственномъ, которымъ владѣлъ будущій регентъ.

Они должны были собраться на слѣдующій день, чтобы составить текстъ новаго манифеста, и признали нужнымъ пригласить въ это засѣданіе еще нѣсколькихъ лицъ. Бестужевъ привелъ Ушакова,

Трубецкого и Куракина. За ночь всѣ успѣли поразмыслить и обсудить дѣло. Самъ Биронъ считалъ теперь необходимымъ подготовить императрицу къ мысли о своемъ регентствѣ. Онъ чувствовалъ въ Минихѣ тайнаго врага, который былъ тѣмъ опаснѣе. «Оракулъ» продолжалъ молчать. Вопросъ о регентствѣ не возобновлялся и составленъ былъ только текстъ указа, объявлявшаго Ивана Антоновича наслѣдникомъ престола.

Документъ представили Аннѣ Іоанновнѣ. Она его подписала немедленно и просила всѣхъ ее оставить, задержавъ Бирона, но въ эту минуту случилось то, чего никто не ожидалъ. Минихъ, уходя изъ комнаты и взявшись уже за ручку двери, обернулся и сказалъ своимъ, привыкшимъ къ командѣ, голосомъ:

«Ваше величество, мы всѣ пришли къ согласію и желаемъ, чтобы герцогъ Биронъ былъ правителемъ, мы васъ умоляемъ согласиться».

Одинъ изъ врачей императрицы, португалецъ Рибейра, только что увѣрялъ ее, что ей лучше, и что она, вѣроятно, поправится. Ловкій тактикъ Минихъ придумалъ эту выходку, чтобы замаскировать свое скрытое неодобреніе и прислужиться къ фавориту, не ожидая отъ этого никакихъ послѣдствій.

Императрица промолчала, но когда фельдмаршалъ вышелъ, она спросила:

«Что онъ сказалъ?»

«Я не слыхалъ!» — отвѣчалъ фаворитъ.

Онъ понялъ, что надобно подождать. Но онъ не терялъ времени. Въ тотъ же день одинъ изъ его конфидентовъ, баронъ Менгденъ, поѣхалъ къ Бестужеву. «Мы всѣ погибнемъ, если Биронъ не будетъ регентомъ, — утверждалъ, Менгденъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ самъ просить объ этомъ». Бестужевъ всю ночь провелъ надъ составленіемъ соотвѣтствующаго указа и, такъ какъ на слѣдующій день діагнозъ Рибейры повидимому подтверждался, Остерманъ самъ прибылъ въ своемъ подвижномъ креслѣ, котораго не покидалъ, во дворецъ и горячо поддерживалъ этотъ проектъ. Но Анна Іоанновна не спѣшила его подписывать. Она положила бумагу къ себѣ подъ подушку и удалила вице-канцлера и его коллегъ, не сказавъ ни слова о своихъ намѣреніяхъ. Оставшись глазъ на глазъ съ Бирономъ она спросила его:

«Тебѣ это нужно?»

Онъ молчалъ, и она ничего больше не прибавила. Прошло нѣсколько дней, императрица не возвращалась къ этому разговору. Подъ давленіемъ Бирона, Бестужевъ составилъ челобитную, въ которой

сенатъ и генералитетъ просили императрицу упрочить спокойствіе имперіи, назначивъ Бирона регентомъ. Стараніями Бестужева, лица двухъ первыхъ классовъ были призваны небольшими группами, и Минихъ подалъ имъ примѣръ, первый подписавъ челобитную. Фаворитъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ.

«Чего хотятъ эти господа?» спрашивалъ онъ.

Но и вторая бумага была положена императрицей подъ подушку, какъ и первая. Анна Іоанновна не думала о смерти. Когда племянница ея предложила ей совершить соборованіе, она недовольно замѣтила: «Не пугайте меня!»[1]). Менгденъ напрасно пытался привлечь къ участію въ томъ, что онъ называлъ «всеобщимъ желаніемъ», принца Антона-Ульриха и его супругу. И тотъ и другой извинились тѣмъ, что никогда не вмѣшивались въ государственныя дѣла. Самыя необычайныя новости и соображенія циркулировали въ городѣ. Мардефельдъ сообщалъ своему государю, что регентство будетъ сосредоточено въ рукахъ двѣнадцати лицъ, по крайней мѣрѣ. Что фаворитъ не приметъ въ немъ участія и удалится въ Курляндію, и что Россія къ большому удовлетворенію ея сосѣдей не будетъ больше имѣть возможности вмѣшиваться въ Европейскія дѣла. Онъ предвидѣлъ уже новую Польшу на берегахъ Невы, и сынъ Фридриха-Вильгельма раздѣлялъ его радость [2]).

Настало 16-го октября, день, когда Рибейра и другіе врачи признали больную безнадежной. Она позвала Остермана, долго съ нимъ совѣщалась, затѣмъ позвала Бирона и показала ему подпись, которой онъ добивался. Одни увѣряютъ, что она не скрыла отъ него, что, по ея мнѣнію, подписала его гибель. Другіе утверждаютъ обратное — она, будто бы, сказала ему: «Не бойся!» Слова, которыми обмѣниваются съ глаза на глазъ, обыкновенно ускользаютъ отъ историка, и я не берусь утверждать непреложность и тѣхъ, которыя привелъ выше, по свидѣтельству самого фаворита [3]).

Можетъ быть онъ не записалъ словъ «не бойся!» потому, что не понималъ по-русски, но можетъ быть, также, и потому, что они вовсе не были сказаны.

Несмотря на то, что Анна Іоанновна передавала наслѣдіе Петра Великаго чужеземцамъ и окружала себя ими все время своего цар-

---

[1]) Мардефельдъ, 5 ноября 1740 г. Секр. Берл. Архив. Перепиской прусскаго агента я особенно руководился, составляя описаніе этихъ событій.

[2]) Мардефельдъ, 25 октября; Фридрихъ II, 5 ноября 1740 г. Тайный Берлинск. Архив.

[3]) Автобіограф. замѣтка I. Э. Бирона.

ствованія, въ послѣднюю минуту своей жизни она доказала, что въ жилахъ ея текла русская кровь: она сумѣла лучше умереть, нежели жила. На слѣдующій день послѣ вышеописаннаго разговора съ Бирономъ, она призвала духовенство и просила читать отходную. Высокая фигура Миниха, присутствовавшаго между другими, привлекла ея вниманіе. Точно желая примирить съ будущимъ регентомъ этого опаснаго врага, она сказала ему свои послѣднія слова:—«Прощай, фельдмаршалъ!»—«Прощайте всѣ!»—прибавила она и скончалсь.

ГЛАВА I.

Состояніе Россіи послѣ смерти Петра Великаго.

Стр.

ГЛАВА II.

Придворная жизнь при Петрѣ II.

ГЛАВА III.

Вступленіе на престолъ Анны Іоанновны и верховники.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
947.06 P441WDR C001
Vremia; Imperatora Petra II i Imperatrit
3 0112 094690101